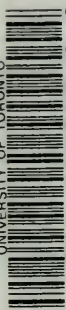

UNIVERSITY OF TORONTO

3 1761 00322718 8

PG

3453

B2

1914a

t.1

9

9

This is an authorized facsimile of the original book, and was produced in 1972 by microfilm-xerography by University Microfilms, A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

al'mont, Konstantin Dmitriévich

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

Полное собрание стиховъ
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОВЪ

Томъ первый

Подъ СѢВЕРНЫМЪ НЕБОМЪ

ВЪ БЕЗБРЕЖНОСТИ

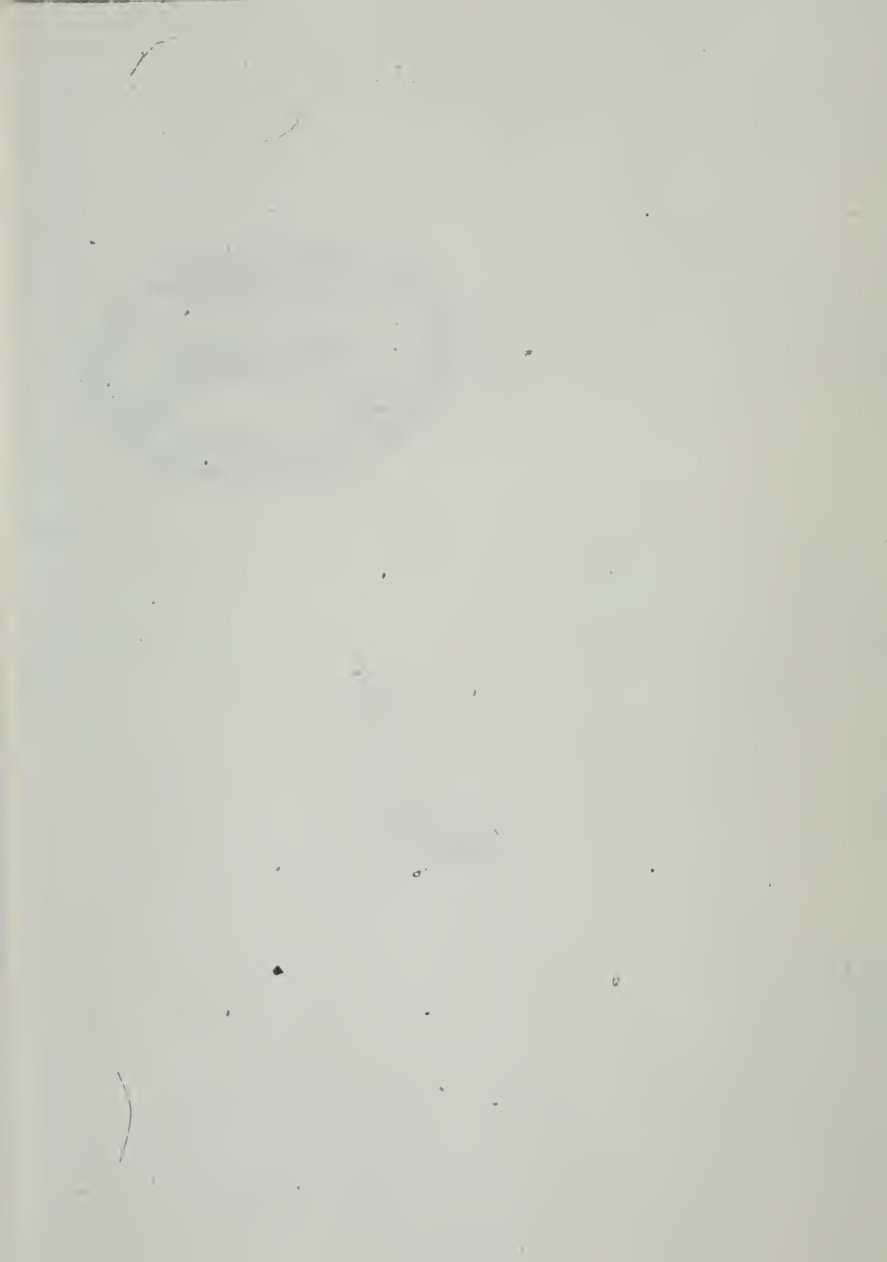
ТИШИНА

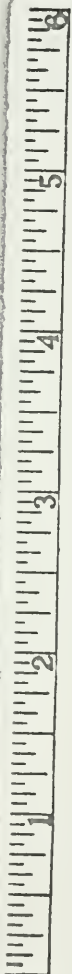
ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

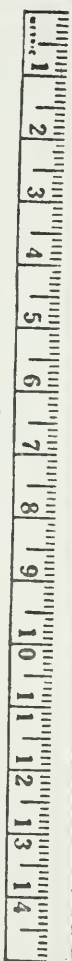
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„СКОРПИОНЪ“ 1914

THE LIBRARY OF CONGRESS
PHOTODUPLICATION SERVICE
WASHINGTON 25, D. C.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

1 778691
612 32434
vol I

PG 3453
.B2
1907

+05422
.31

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

(1904).

Огонь, Вода, Земля, и Воздухъ—четыре царственные Стихія, съ которыми неизмѣнно живетъ моя душа въ радостномъ и тайномъ сопрякосновеніи. Ни одного изъ ощущеній и не могу отдѣлить отъ нихъ, и помню о нихъ Четверогласіи всегда.

Огонь—всесообъемлющая тройственная стихія, пламя, свѣтъ, и теплота, тройственная и седемичная стихія, самая красивая изъ всѣхъ. Вода—стихія ласки и влюбленности, глубина увлекающая, ея голосъ—влажный поцѣлуй. Воздухъ—всесообщающая колыбель-могила, саркофагъ-альковъ, легчайшее довереніе Вѣчности, и незримая лѣтня, которая открыта для глазъ души. Земля—черная оправка ослѣпительнаго брилліанта, и Земля—небесный Изумрудъ, драгоценный камень Жизни, весеннее Утро, иѣжный расцвѣтнѣный Садъ.

Я люблю всѣ Стихія равно, хоть по разному. И знаю, что каждая стихія бываетъ Ласкающей, какъ колыбельная пѣсня, и страшной, какъ шумъ приближающихся вражескихъ дружинъ, какъ варапы и раскаты дьявольскаго смѣха.

Вода иѣжже Огня, оттого что въ ней женское начало, иѣжная влажная всевосприимчивость. Огонь не такъ иѣженъ, порой, но онъ сильнѣе, сложнѣе, и страшнѣе, онъ сокровеннѣе и

проникновеннѣе. Въ Воздухѣ тонуютъ взоры, и душа уносится къ Вѣчному, въ бѣлое Царство Безтѣлесности. Земля родитъ намъ всѣхъ другихъ Стихій—высотъ и низинъ—и къ ней радостно првалнуть съ дрожаніемъ счастья въ груди, и съ глухимъ сдвоеннымъ рыданіемъ.

Всѣ Стихіи люблю я, и ими живетъ мое творчество.

Оно началось, это дѣлающееся, только еще обозначившееся, творчество—съ печали, угнетенности, и сумерекъ. Оно началось подъ Сѣвернымъ небомъ, но, силою внутренней неизбежности, черезъ жажду безграничнаго, Безбрежнаго, черезъ долгія скитанія по пустыннымъ равнинамъ и проваламъ Тишины, подошло къ радостному Свѣту, къ Огню, къ побѣдительному Солнцу.

Отъ книги къ книгѣ, явственно для каждаго внимательнаго глаза, у меня переброшено звено, и я знаю, что, пока я буду на Землѣ, я не устану ковать все новыя и новыя звенья, и что мость, который создастъ моя мечта, уводитъ въ вольныя манящія дали.

Отъ безцвѣтныхъ сумерекъ къ красочному Маю, отъ робкой угнетенности къ Царицѣ-Смѣлости съ блестящими зрачками, отъ скудости къ роскоши, отъ стѣнъ и запретовъ къ Цвѣтамъ и Любви, отъ незнанія къ счастью вѣчнаго познанія, отъ гнета къ глубокому вѣдоху освобожденія, къ этой радости видѣть и ласкать своимъ взоромъ еще новое, вотъ еще, и еще, безъ конца.

И если вѣистину я люблю всѣ Стихіи въ разное время равно, мнѣ все же хочется сказать сейчасъ, что любимая моя стихія—Огонь. Я молвю Огню. Огонь есть истинно всемірная стихія, и кто причастился Огня, тотъ слить съ Міровымъ. Онъ душой своей входитъ въ таинственныя горницы, гдѣ горятъ неугасимые свѣтильники—и струится во взоры вліющія волшебныхъ талисмановъ, драгоцѣнныхъ камней.

К. Вальковичъ.

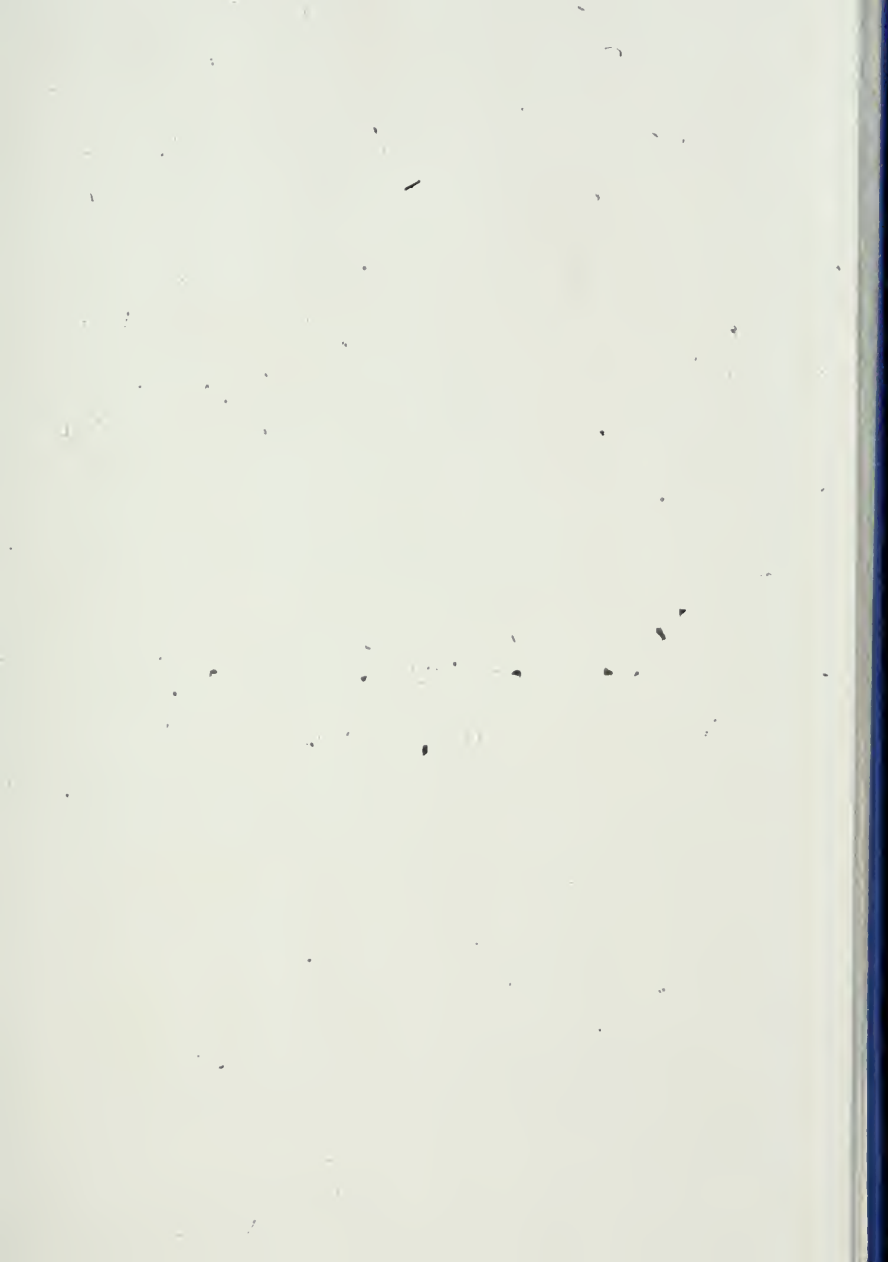
Подъ Сѣвернымъ Небомъ

Элеги, стансы, сонеты

Ohne das Gefolge der Trauer ist mir
das Göttliche im Leben nie erschienen

Lenau

1894—Зима.

СМЕРТЬ.

Не вѣрь тому, кто говоритъ тебѣ,
Что смерть есть смерть: она—начало жизни,
Того существованья неземного,
Передъ которымъ наша жизнь темна,
Какъ мигъ тоски—предъ радостью безпечной,
Какъ черный грѣхъ—предъ дѣтской чистотой.
Намъ не дано познать всю прелесть смерти,
Мы можемъ лишь предчувствовать ее,—
Чтобъ не было для нашихъ душъ соблазна
До времени покинуть мѣръ земной
И, не пройдя обычныхъ испытаній,
Уйти съ своими слабыми очами
Туда, гдѣ бѣ ослѣпилъ насъ высшій свѣтъ.
Пока ты человѣкъ, будь человѣкомъ
И на землѣ земное совершай,
Но сохрани въ душѣ огонь нетлѣнный
Божественной мистической тоски,
Желанье быть не тѣмъ, чѣмъ быть ты можешь.
Безтронетно иди все выше—выше,
По лучезарнымъ чистымъ ступенямъ,

Пока передъ тобой не развернется
 Воздушная нѣмая безконечность,
 Гдѣ время прекращаетъ свой полетъ.
 Тогда познаешь ты, что есть свобода
 Въ разумной подчиненности Творцу,
 Въ смиренномъ почитаніи Природы,—
 Что какъ по непочатому пути
 Всегда впередъ стремится наше Солнце.
 Ведя съ собою и Землю и Луну
 Къ прекрасному созвѣзды Геркулеса,
 Такъ, вѣчнаго исполнено стремленя,
 Съ собою насъ увлекаетъ Божество
 Къ невѣдомой, но благодатной цѣли.
 Живи, молись—дѣлами и словами,
 И смерть встрѣчай какъ лучшей жизни вѣсть.

II.

ФАНТАЗІЯ.

Какъ живыя изваянья, въ искрахъ луннаго сіянья,
 Чуть трепещутъ очертанья сосенъ, елей, и березъ;
 Вѣщій лѣсъ спокойно дремлетъ, яркій блескъ Луны пріемлетъ,
 И роптанью вѣтра внемлетъ, весь исполненъ тайныхъ грезъ.
 Слыша тихій стонъ мятели, шепчутъ сосны, шепчутъ ели,
 Въ мягкой бархатной постели имъ отрадно почивать,
 Ни о чемъ не вспоминая, ничего не проклиная,
 Вѣтви стройныя склоняя, звукамъ полночи внимать.

Чьи-то вздохи, чье-то нѣнье, чье-то скорбное моленье,
 И тоска, и уноенье,—точно искрится звѣзда,

Точно свѣтлый дождь струится,—и деревьямъ что-то мнится,
 То, что людямъ не приснится, никому и никогда.
 Это мчатся духи почв, это вскрются ихъ очи,
 Въ часъ глубокой полуночи мчатся духи черезъ лѣсъ.
 Что ихъ мучить, что тревожить? Что, какъ червь, ихъ тайно гложеть?
 Отчего ихъ рой не можетъ пѣть отрадвый гимнь Небесъ?

Все сильнѣй звучить ихъ пѣнье, все слышнѣе въ немъ томленье,
 Неустаннаго стремленья неизмѣнная печаль,—
 Точно ихъ томить тревога, жажда вѣры, жажда Бога,
 Точно мукъ у нихъ такъ много, точно имъ чего-то жаль.
 А Луна все льетъ сіянье, и безъ муки, безъ страданья,
 Чуть трепещутъ очертающа вѣщихъ сказочныхъ стволовъ;
 Всѣ они такъ сладко дремлютъ, безучастно стопамъ внемлютъ,
 И съ спокойствіемъ пріемлютъ чары ясныхъ свѣтлыхъ сновъ.

III.

ЗАРИЦА.

Какъ въ небесахъ, объятыхъ тяжкимъ сномъ,
 Порой сверкаетъ бѣглая зарница,
 Но ей не отвѣчаетъ дальній громъ,—

Такъ точно иногда въ умѣ моемъ
 Мелькаютъ сны, и образы, и лица,
 Погибшіе во тьмѣ далекихъ лѣтъ,—

Но мимолегець ихъ непрочный свѣтъ,
 Моя душа безмолвна, какъ гробница,
 Въ ней отзыва на ихъ призывы нѣтъ.

IV.

МОЛИТВА.

Господи Боже, склони свои взоры
 Къ намъ, истомленнымъ суровой борьбой,
 Словомъ Твоимъ поднимаются горы,
 Камни какъ тающій воскъ предъ Тобой!

Тьму отдѣлилъ Ты отъ яркаго свѣта,
 Создалъ Ты небо, и Небо небесъ,
 Землю, что трепетомъ жизни согрѣта,
 Мнръ, пренеполненный скрытыхъ чудесъ!

Создалъ Ты Рай—чтобъ изгнать насъ изъ Рая.
 Боже, опять насъ къ себѣ возврати,
 Мы истомились, во мракѣ блуждая,
 Если мы грѣшны, прости насъ, прости!

Не искушай насъ безцѣльнымъ страданьемъ,
 Не утомляй непосильной борьбой,
 Дай возвратиться къ Тебѣ съ упованьемъ,
 Дай намъ, о, Господи, слиться съ Тобой!

Имя Твое непонятно и чудно,
 Боже Нашъ, Отче Нашъ, полный любви!
 Боже, намъ горько, намъ страшно, намъ трудно,
 Сжался, о, сжался, мы—дѣти Твои!

V.

ЛУННЫЙ СВѢТЪ.

СОВЕТЪ.

Когда Луна сверкнетъ во мглѣ ночной
 Своимъ серпомъ, блистательнымъ и пѣжнымъ,
 Моя душа стремится въ мѣръ иной,
 Шѣбясь всѣмъ далекимъ, всѣмъ безбрежнымъ.

Къ лѣсамъ, къ горамъ, къ вершинамъ блоснѣжнымъ
 Я мчусь въ мечтахъ, какъ будто духъ больной,
 Я бодрствую надъ міромъ безмятежнымъ,
 И сладко плачу, и дышу—Луной.

Виваю это блѣдное сіянье,
 Какъ эльфа, качаюсь въ сѣткѣ изъ лучей,
 Я слушаю, какъ говоритъ молчанье.

Людей родныхъ мнѣ далеко страданье,
 Чужда мнѣ вся Земля съ борьбой своей,
 Я—облачко, я—вѣтерка дыханье.

VI.

НИТЬ АРИАДНЫ.

Межь прошлымъ и будущимъ нить
 Я тку неустанной проворной рукою:
 Хочу для грядущихъ столѣтій покорно и честно служить
 Борьбой, и трудомъ, и тоскою,—

Тоскою о томъ, чего нѣтъ,
 Что дремлетъ пока, какъ дѣтокъ подь водою,
 О томъ, что когда-то проснется чрезъ многія тысячи лѣтъ,
 Чтобъ вспыхнуть надучей звѣздою.

Есть много не сказанныхъ словъ,
 И много созданій, не созданныхъ пылъ,—
 Ихъ столько же, сколько песчинокъ среди безконечныхъ песковъ,
 Въ яѣмой Аравійской пустыни.

VII.

Уходитъ свѣтлый Май. Мой небосклонъ темнѣеть.
 Пять быстрыхъ лѣтъ пройдетъ,—мнѣ минеть тридцать лѣтъ.
 Замолкнуть соловьи, и холодомъ повѣтъ,
 И ясныхъ вешнихъ дней навѣкъ угаснетъ свѣтъ.

И въ свой чередъ придутъ дни, полные скитаній,
 Дни, полные тоски, сомнѣній, и борьбы,
 Когда запоетъ грудь подь тяжестью страданій,
 Когда познаю гнетъ, властительной Судьбы.

И что мнѣ жизнь сулитъ? Къ какой отрадѣ манить?
 Быть-можетъ, дастъ любовь и счастье? О, нѣтъ!
 Она во всемъ солжетъ, она во всемъ обманетъ,
 И поведетъ меня путемъ тернистымъ бѣдъ.

И тѣмъ путемъ идя, быть-можетъ, падать стану,
 Утрачу всѣхъ друзей, моей душѣ родныхъ,
 И,—что всего страшнѣй,—быть-можетъ, перестану
 Я вѣрить въ честь свою и въ правду словъ своихъ.

Пусть такъ. Но я пойду впередъ безъ колебанья—
 И въ знойный день, и въ ночь, и въ холодъ, и въ грозу:
 Хочу я усладить хоть чье-нибудь страданье,
 Хочу я отереть хотя одну слезу!

VIII.

* * *

Одна есть въ мѣрѣ красота.
 Не красота боговъ Эллады,
 И не влюбленная мечта,
 Не горь тяжелыя громады,
 И не моря, не водопады,
 Не взоровъ женскихъ чистота.
 Одна есть въ мѣрѣ красота—
 Любви, печали, отреченья,
 И добровольнаго мученья
 За насъ распятаго Христа.

IX.

БОЛОТО.

О, пищевская жизнь, безъ бурь, безъ ощущеній,
 Холодный полумракъ, безъ звуковъ и огня.
 Ни воплей горестныхъ, ни гордыхъ ироній,
 Ни тьмы ночной, ни свѣта дня.
 Туманы, сумерки. Средь тусклаго мерцанья
 Смѣшались контуры, и краски, и черты,
 И въ царствѣ мертваго безсильнаго молчанья
 Лишь дышутъ ядовитые цвѣты.

Да жабы черныя, исчадія трясины,
 Порою вынырнуть изъ грязныхъ спящихъ водъ,
 И, словно радуясь обилью скользкой тины,
 Ведуть зловѣщій хороводъ.

X.

БЕЗЪ УЛЫБКИ, БЕЗЪ СЛОВЪ.

На алмазномъ покровѣ снѣговъ,
 Подъ холоднымъ сіяньемъ Луны,
 Хорошо намъ съ тобой! Безъ улыбки, безъ словъ,
 Обитатели призрачной свѣтлой страны,
 Погрузились мы въ море загадочныхъ сновъ,
 Въ царствѣ блѣдной Луны.

Какъ отрадно въ глубокой полудночной часъ
 На мгновенье все скорби по-дѣтски забыть,
 И, забывъ, что любовь невозможна для насъ,
 Какъ отрадно мечтать и любить,
 Безъ улыбки, безъ словъ,
 Средь ночной тишины,
 Въ царствѣ чистыхъ снѣговъ,
 Въ царствѣ блѣдной Луны.

XI.

РОДНАЯ КАРТИНА.

Стаи птицъ. Дороги лепта.
 Повалившійся плетень.
 Съ отуманеннаго неба
 Грустно смотреть тусклый день.

Рядъ березъ, я видь унылый
 Приворожнаго столба.
 Какъ подь гнетомъ тяжелой скорби
 Покачнулася изба.

Полусвѣтъ и полусумракъ,—
 И невольно рвешься вдаль,
 И невольно давить душу
 Безконечная печаль

XII.

ЗАЧѢМЪ?

Господь, Господь, внемли, я плачу, я тоскую,
 Тебѣ молжсь въ вечерней мглѣ.
 Зачѣмъ Ты даровалъ мнѣ душу неземную—
 И приковалъ меня къ землѣ?
 Я говорю съ Тобой сквозь тьму тысячелѣтій.
 Я говорю Тебѣ, Творецъ.
 Что мы обмануты, мы плачемъ, точно дѣти,
 И ищемъ: гдѣ же нашъ Отецъ?
 Когда бъ хоть мигъ одинъ звучалъ Твой голосъ внятно,
 Я былъ бы радъ сиюню дня,
 Но жизнь, любовь, и смерть—все страшно, непонятно,
 Все неизбежно для меня.
 Великъ Ты, Господи, но мѣръ Твой непривѣтенъ,
 Какъ все велико, онъ иѣмъ.
 И тысячи вѣковъ напрасенъ, безответенъ
 Мой скорбный крикъ: „Зачѣмъ? Зачѣмъ?“

XIII.

* * *

Миѣ ненавистенъ гудъ гигантскихъ городовъ,
 Противно миѣ толны движенъе,
 Мой духъ живетъ среди лѣсовъ,
 Гдѣ въ тишиѣ уединенъя
 Внемлю я музыкѣ незримыхъ голосовъ,
 Гдѣ неустанный бѣгъ часовъ
 Не возмущаетъ уноенъя,
 Гдѣ сладко быть среди цвѣтовъ
 И полной чашей пить изъ родника забвенья.

XIV.

* * *

Я знаю, что значить — безумно рыдать,
 Вокругъ себя видѣть пустыню безплодную,
 Что значить — съ отчаяньемъ въ зиму холодную
 Напрасно весны ожидать.

Но знаю я также, что гимнъ соловья
 Лишь тѣмъ и хорошъ, что похожъ на рыданіе,
 Что горь снѣговыхъ вѣковое молчаніе
 Прекраснѣй, чѣмъ лепетъ ручья.

XV.

У СКАНДИНАВСКИХЪ СКАЛЪ.

Дремлютъ гранитныя скалы, викинговъ приютъ опустѣвшій,
 Мрачныя сосны одѣли ихъ твердую темную грудь.
 Скорбь въ небесахъ разлита, точно грусть о мечтѣ отлетѣвшей,
 Ночь безъ Луны и безъ звѣздъ безшумно свершаетъ свой путь.

Ластится къ берегу Море волной шаловливо-безпечной,
 Сердце невольно томится какою-то странной тоской:
 Хочется слиться съ Природой, прекрасной, гигантской, и вѣчной,
 Хочется канелькой быть въ безграницной пучинѣ морской.

XVI.

ПРИЗРАКЪ.

Гдѣ бы ни былъ я, вездѣ, какъ тѣнь, со мной — 8
 Мой милый братъ, отшедшій въ жизнь иную,
 Тоскующій, какъ ангелъ неземной,
 Въ своей душѣ талщій скорбь нѣмую, —
 Такъ явственно стоитъ онъ предо мной.

И я, какъ онъ, и плачу, и тоскую;
 Но плачу ли, смѣюсь ли, — духъ родной, —
 Онъ никогда меня не покидаетъ,
 Со мной живетъ онъ жизнью одной.

Ляль иногда въ тревожный часъ почной,
 Невольно умъ нъ тоскѣ изнемогаетъ,
 И я его спрошу: „Въ странѣ иной,
 За темную загадочной могилой,
 Увидимся ль съ тобой, о, братъ мой милый?“

Въ его глазахъ тогда мелькаетъ тѣнь,
 И слезы оны блестящія роняетъ,
 И какъ предъ ночью тихо гаснетъ день,
 Такъ отъ меня оны тихо улетаетъ.

XVII.

У ФЬОРДА.

Хмуро сѣверное небо,
 Скорбны плачущія тучи.
 Съ темныхъ скалъ на воды фьорда
 Мрачно смотритъ лѣсъ могучій.
 Безотрадно здѣсь мерцаеъ
 Безглагольной глубины,
 Непривѣтны вздохи вѣтра
 Между вѣтками сосны.

Прочь душа отсюда рвется,
 Жаждетъ воли и простора,
 Жаждетъ дуга, травъ душистыхъ,
 Ихъ зеленого убора.
 И встревоженный мечтою
 Слышишь въ ропотъ волны—
 Колокольчикъ русской тройки
 Въ царствѣ стени и Луны.

XVIII.

ЗАРОЖДАЮЩАЯСЯ ЖИЗНЬ.

СОПЕТЬ.

Еще послѣдній снѣгъ въ долину мглистой
 На свѣтлый ликъ весны бросаетъ тѣнь,
 Но ужъ цвѣтеть душистая сирень,
 И барвинокъ, и ландышъ серебристый.

Какъ кротокъ и отраденъ день лучистый,
 И какъ привѣтна явь прибрежныхъ сѣнь.
 Какъ будто ожилъ даже мшистый пенъ,
 Склонясь къ водѣ, безтрепетной и чистой.

Кукушки нѣжный плачь въ глуши лѣсной
 Звучитъ мольбой тоскующей и странной.
 Какъ весело, какъ горестно весной,—

Какъ мѣръ хорошъ въ своей крашѣ нежданной,
 Контрастовъ мѣръ, съ улыбкой неземной,
 Загадочный нодъ дымкою туманной.

XIX.

НОРВЕЖСКАЯ ДѢВУШКА.

Очи твои, голубыя и чистыя —
 Сліянье небесной лазури съ измѣнчивымъ блескомъ волны;
 Приди волосъ золотистыя
 Нѣжице, чѣмъ нить наутыны въ сіяньи вечерней Луны.

Вся ты—наместь, вся ты—сказка прекрасная,
 Ты—отблескъ зарницы, ты—отзвукъ загадочной пѣсни безъ словъ;
 Свѣтлая, дѣвственно-ясная,
 Вакханка съ душою весталки, цвѣтокъ подъ покровомъ снѣговъ.

XX.

М***.

Ты—шелестъ иѣжнаго листка,
 Ты—вѣтеръ, шепчущій украдкой,
 Ты—свѣтъ, бросаемый лампадкой,
 Гдѣ брезжить сладкая тоска.

Миѣ чудится, что я когда-то
 Тебя видалъ, съ тобою былъ,
 Когда я сердцемъ то любилъ,
 Къ чему миѣ больше нѣтъ возврата.

XXI.

ЧАЙКА.

Чайка, сѣрая чайка съ печальными криками носится
 Надъ холодной пучиной морской.
 И откуда примчалась? Зачѣмъ? Почему ея жалобы
 Такъ полны безграничной тоской?

Безконечная даль. Непривѣтное небо нахмурилось.
 Закурчавилась пѣна сѣдая на гребнѣ волны.
 Плачетъ сѣверный вѣтеръ, и чайка рыдаетъ, безумная,
 Безпріютная чайка изъ дальней страны.

XXII.

ГОРНЫЙ КОРОЛЬ.

СКАНДИНАВСКАЯ ПѢСНЯ.

H. Ibsen. Gildet paa Solhaug.

Горный король на далекомъ пути.

— Скучно въ чужой сторонѣ. —

Дѣву-красавицу хочетъ найти.

— Ты не вернешься ко мнѣ. —

Видитъ усадьбу на мшистой горѣ.

— Скучно въ чужой сторонѣ. —

Кирстанъ-малютка стоять на дворѣ.

— Ты не вернешься ко мнѣ. —

Онъ называетъ невѣстой ее.

— Скучно въ чужой сторонѣ. —

Дѣвъ даритъ ожерелье свое.

— Ты не вернешься ко мнѣ. —

Далъ ей онъ кольца, и за руку взялъ.

— Скучно въ чужой сторонѣ. —

Кирстанъ-малютку въ свой замокъ умчалъ.

— Ты не вернешься ко мнѣ. —

Годы проходить, пять лѣтъ пронеслось.

— Скучно въ чужой сторонѣ. —

Много бѣдняжкѣ поплакать пришлось.

— Ты не вернешься ко мнѣ. —

Девять и десять умчалось лѣтъ.

— Скучно въ чужую сторонѣ. —

Кирстэнъ забыла про солнечный свѣтъ.

— Ты не вернешься ко мнѣ. —

Гдѣ-то веселье, цвѣты, и весна.

— Скучно въ чужой сторонѣ. —

Кирстэнъ во мракѣ тоскуеть одна.

— Ты не вернешься ко мнѣ. —

XXIII.

КАРТИНКА.

СОНЕТЪ.

Въ глухую ночь, неясною толпой,
Сбираются души моей созданья,
Тяжелую медлительной стопой
Проходятъ предо мной воспоминанья.

Я слышу пѣсни, смѣхъ, и восклицанья,
Я вижу, какъ неровною тропой,
Подъ ласкою вечерняго сіянья,
Предъ сномъ идутъ стада на водоной.

Едва-едва передвигая ноги,
Вздымають пыль клубами у дороги
Толпы овецъ пушистыхъ и быковъ.

Настухъ усталъ, объ ужинѣ мечтаетъ,
И надо всей картиною витаеть
Веселый рой безпечныхъ сельскихъ сновъ.

XXIV.

* * *

О, если бь мнѣ сердце холодное,
 Холодное сердце русалки,—
 Чтобь могь я спокойно внимать неумолчному ропоту Моря,
 И стону страданій людскихъ!

О, если бь мнѣ крылья орлиныя,
 Свободныя сильныя крылья,—
 Чтобь могь я на нихъ улетѣть въ безграничное царство Лазури,
 Чтобь могь я не видѣть людей!

XXV.

МЕЧТА.

Стекло Балтійскихъ водъ подь вѣтромъ чуть дрожало,
 Среди печальныхъ шхеръ на Сѣверь мы неслись.
 Невольно ты ко мнѣ свой милый взоръ склоняла.
 Въ двухъ молодыхъ сердцахъ мечты любви зажглись.

Ты мнѣ казалася волшебною загадкой,
 Казался я тебѣ загадкою,—и мы
 Мѣнялись взорами влюбленнымъ, украдкой,
 Подь кровомъ сѣверной вечерней полутьмы.

Какъ хороши любви застѣчивыя ласки,
 Когда двѣ юныя души озарены
 Мечтой минутиною, какъ чары дѣтской сказки,
 Какъ очертанія причудливой волны.

Ни слова мы съ тобой другъ другу не сказали,
 Но былъ нашъ разговоръ безъ словъ краснорѣчивъ,
 Съ тобой разстался я безъ муки, безъ печали,
 Но сохранилъ въ душѣ восторженный порывъ.

...Теперь другую страсть, страсть знойную, лелѣя,
 Я болѣе плененъ той чистою мечтой,—
 Какъ блѣдный Сѣверъ мнѣ и ближе, и милѣе,
 Чѣмъ свѣтлый, знойный Югъ съ своею красотой.

XXVI.

* * *

Когда между тучекъ туманныхъ
 Полночной порой загорится Луна,
 Душа непомятой печали полна,
 Исполнена думъ неслезанныхъ,
 Тѣхъ чувствъ, для которыхъ названія нѣтъ,
 И той Красоты безконечной,
 Что, вспыхнувъ, зарницею вѣчной,
 Сіяетъ потомъ въ черномъ сумракѣ дѣтъ.

XXVII.

* * *

Катеринѣ Алексѣевнѣ Андреевой.

Я разстался съ печальной Луною,—
 Удалилась царица небесъ,
 Тамъ, въ горахъ, за ихъ черной стѣною,
 Ея ликъ омраченный исчезъ.

И въ предутрепнемъ сумракѣ ясномъ
 Мнѣ послышался вздохъ вѣтерка,
 И въ лазури, на небѣ прекрасномъ,
 Отразилась нѣмая тоска.

Силуэты лѣсныхъ великановъ
 Молчаливо предстали вдали,
 И покровы дрожащихъ тумановъ
 Надъ заилаканнымъ лугомъ легли.

Вся Природа казалась больною
 И какъ будто молила мени,
 И грустила, прощалась съ Луною,
 Въ ожиданіи знойнаго дня.

XXVIII.

РАЗЛУКА.

Вдыхая морской освѣжительный воздухъ,
 Качаясь на сине-зеленыхъ волнахъ,
 Въ виду береговъ Скандинавіи,
 Я думалъ, мой другъ, о тебѣ,—
 О тебѣ,
 Чей образъ со мной неразлученъ,
 Точно такъ же, какъ часъ возвѣщающій дню
 Приближеніе ночи
 Неразлученъ съ красавицей неба, Вечерней Звѣздой,—
 Какъ морская волна неразлучна съ пугливою чайкой.
 Много яркихъ свѣтилъ въ безграничномъ пространствѣ Лазури,—
 Лучозарный Арктуръ, Береники блестящія кудри,
 Орионъ, и созвѣздіе Леды,
 Большая Медвѣдница,

Но среди миллионовъ свѣтилъ
 Нѣтъ свѣтла прекраснѣй—Вечерней Звѣзды.
 Много птицъ, много гостей крылатыхъ, летить черезъ Море,
 Бросивъ берегъ его, направляясь къ другому,
 Что вдали гдѣ-то тамъ затерялся среди синевы и тумановъ,—
 Но только одну бѣлокрылую чайку
 Съ любовью баюкаетъ, точно въ родной колыбели,
 Морская волна.
 Чайка взлетаетъ къ нависнувшимъ тучамъ,
 Чайка умчится въ далекія страны,—
 Куда и зачѣмъ, вридь ли знаетъ сама,—
 Но снова, какъ странникъ,
 Уставшій бродить въ безпріютныхъ краяхъ,
 Прилетитъ она къ сипей родимой волнѣ,
 Прильнетъ къ ней своей бѣлоснѣжною грудью,—
 И Солнце смѣется, взирая на нихъ,
 И шлетъ имъ лучистыя ласки.
 Такъ и я, разлучившись съ тобой,
 О, мой другъ безконечно любимый,
 Былъ сердцемъ съ тобой неразлученъ,
 Я баюкалъ твой ласковый образъ въ своей трепетавшей груди,
 Вдыхая морской освѣжительный воздухъ,
 Качаясь на сине-зеленыхъ волнахъ,
 Въ виду береговъ Скандинавіи.

XXIX.

* * *

Есть красота въ постоянствѣ страданія
 И въ неизмѣнности скорбной мечты.
 Знойнаго яркаго Солнца сіяніе,
 Пышной Весны молодыя черты

Въ сердцѣ не такъ вызываютъ сознание
 Ласки больной, неземной красоты,
 Какъ замка сѣдыя руины, печальной Луны трепетаніе,
 Застѣпчивыхъ сумерекъ скорбь, или осени грустной ласты.

XXX.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Липы душистой цвѣты распускаются...

Спи, моя радость, усни!

Ночь насъ окутаетъ ласковымъ сумракомъ,

Въ небѣ далекомъ зажгутся огни,

Вѣтеръ о чемъ-то зашепчетъ таинственно,

И позабудемъ мы прошлые дни,

И позабудемъ мы муку грядущую...

Спи, моя радость, усни!

Бѣдный ребенокъ, больной и застѣпчивый,

Мало на горькую долю твою

Выпало радости, много страданій.

Какъ наклоняется нежно къ ручью

Ива плакучая, ива печальная,

Такъ заглянула ты въ душу мою,

Ищешь отвѣта въ ней... Спи! Колыбельную

Я тебѣ пѣсню спою!

О, моя ласточка, о, моя дѣточка,

Въ мірѣ холодномъ съ тобой мы одни,

Радость и горе раздѣлимъ мы поровну,

Крѣпче къ надежному сердцу прильви,

Мы не измѣнимся, мы не разстанемся.
 Будемъ мы вмѣстѣ и ночи и дни.
 Вмѣстѣ съ тобою навѣкъ успокоимся...
 Спи, моя радость, усни!

XXXI.

ПѢСНЬ ЮДИНОУ.

ИЗЪ ВЪВЛЕИ.

Пусть кимвалы поюгъ,
 Пусть тимпаны звучать,
 Богу Нашему гимнь,
 Стройный гимнь возгласять.
 Пойте священныя пѣсни
 Въ честь Вседержителя-Бога,
 Онъ за народъ Свой смиренный
 Поднялъ десницу Свою.

Съ сѣверныхъ горъ, изъ далекой земли,
 Полчища вражьи Ассура пришли,
 Какъ саранча, не десятки, а тьмы,
 Конница ихъ заняла всѣ холмы.

Врагъ грозилъ, что предѣлы мои онъ сожжетъ,
 Что мечомъ моихъ юношей онъ истребитъ,
 И о камень младенцевъ моихъ разобьетъ,
 И расхититъ дѣтей,
 И плѣнитъ дочерей,
 Дѣвъ прекрасныхъ плѣнитъ.

Но Господь-Вседержитель рукою жены
Низложилъ всѣхъ враговъ Иудейской страны.

Не отъ юношей палъ Олофернъ-великавъ,
Не рукою своею съ нимъ сражался титапъ.
Но Юднѣю красотою лица своего
Погубила его.

Громче звѣзды, кимвалы,
Пойте звучнѣе, тимпаны,
Господу Нашему Богу
Пѣснь вознесемъ до Небесъ.

XXXII.

АВГУСТЪ.

СОНЕТЪ.

Какъ ясенъ Августъ, нѣжный и спокойный,
Сознавшій мимолетность красоты.
Позодотивъ древесныя листы,
Онъ чувства заключилъ въ порядокъ стройный.

Въ пемъ кажется ошибкой полдень знойный,—
Съ нимъ больше сродны грустныя мечты,
Прохлада, прелесть тихой простоты
И отдыха отъ жизни безпокойной.

Въ послѣдній разъ, предъ остріемъ серпа,
Красуются колосья наливныя,
Взамѣнъ цвѣтовъ вездѣ плоды земныя.

Отрадесть видѣ тяжелаго снопа,
 А въ небѣ журавлей летитъ толпа,
 И крикомъ шлетъ „прости“ въ мѣста родныя.

XXXIII.

* * *

Марусѣ С***.

О, птичка пѣжная, ты не поймешь меня,
 Пока въ твоихъ глазахъ сверкаетъ утро Мая.
 Твой голосъ чуть дрожитъ, какъ серебро звеня,
 Съ улыбкой на тебя взираетъ мать родная.
 О, птичка пѣжная, ты не поймешь меня!

Вездѣ насъ ждетъ печаль. Мрачна юдоль земная.
 Миѣ страшно за тебя. Я плачу. Я скорблю.
 Изъ темнаго угла, твоимъ словамъ внимая,
 Смотрю я на тебя и Госнода молю:—
 Пусть будетъ для нея легка стезя земная!

Увы, и предо мной блистали краски дня.
 Мой день давно погасъ. Со мною тьма бочная.
 И я когда-то пѣлъ, чужую скорбь гоня,
 Когда-то и ко миѣ склонялась мать родная...
 О, птичка пѣжная, ты не поймешь меня!

ПАМЯТИ И. С. ТУРГЕНЕВА *).

1.

Уходят дни. И вотъ ужъ десять лѣтъ
 Прошло съ тѣхъ перъ, какъ смерть къ тебѣ склонилась.
 Но смерти для твоихъ созданій пѣтъ.
 Толпа твоихъ видѣній, о, поэтъ,
 Безсмертіемъ навѣки озарилась.

2.

Въ вѣмомъ гробу ты спишь глубокимъ сномъ.
 Родной страны суровыя мятели
 Рыдаютъ скорбно въ сумракъ почномъ.
 Вавкаютъ тебя въ твоей постели,
 И шепчуть о блаженствѣ неземномъ.

3.

Ты заслужилъ его. Во тьмѣ невзгоды,
 Когда, подъ тяжкимъ гнетомъ, край родной,
 Томясь напрасной жаждою свободы,
 Переживалъ мучительные годы,
 Ты былъ исполненъ думою одной: —

*) Было прочитано авторемъ 31-го октября 1893 года въ Москвѣ, въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, посвященномъ памяти И. С. Тургенева.

4.

Кумиръ неволи сбросить съ пьедестала,
 Живой волной ударить въ берега,
 Сломить ту силу, что умы сковала, —
 И ты поклонялся клятвой Ганнибала,
 Жить лишь затѣмъ, чтобъ растоптать врага.

5.

И ты спустился въ темныя пучины
 Народной жизни, горькой и простой,
 Пльняющей печальной красотой,
 И подсмотрѣлъ цвѣты средь грязной тины,
 Средь грубости—любви порывъ святой.

6.

И слился ты съ той свѣтлою илеядой,
 Предъ чьимъ огнемъ разсѣялася тьма,
 Предъ чьимъ тепломъ растаяла зима;
 Нахлынули борцы живой громадой, —
 И нала крѣпостничества тюрьма.

7.

Но въ этотъ мигъ, зиждигельный и чудный,
 Ты не хотѣлъ душою отдохнуть,
 Святымъ огнемъ твоя горѣла грудь,
 И вотъ опять — далекій, многотрудный,
 Передъ тобой открылся новый путь.

8.

Дворянскихъ гнѣздъ залѣтныя аллеи.
 Забытый садъ. Полузаросшій прудъ.
 Какъ хорошо, какъ все знакомо тутъ!
 Сирень, и резеда, и эпомей,
 И георгины гордые цвѣтутъ.

9.

Затмилась ночь. Чуть слышенъ листьевъ ропоть.
 За рощей чуть горитъ Луны эмаль.
 И въ сердцѣ молодомъ встаетъ печаль.
 И слышенъ чей-то странный, грустный шопоть.
 Кому-то въ этотъ часъ чего-то жаль.

10.

И тамъ вдали, гдѣ роша такъ туманна,
 Гдѣ лучъ едва трепещетъ надъ тропой,—
 Елена, Маша, Лиза, Маріанна,
 И Ася, и несчастная Сусанна—
 Собралися воздушною толпой.

11.

Знакомыя причудливыя тѣни,
 Созданія любви и красоты,
 И дѣвственной, и женственной мечты,
 Ихъ вызвалъ къ жизни чистый вѣжливый геній,
 Опъ далъ имъ форму, краски, и черты.

12.

Не будь его, мы долго бы не знали
 Странаній женской любящей души,
 Ея заветныхъ думъ, иѣмой печали,
 Лишь съ нимъ для насъ впервые прозвучали
 Тѣ иѣсни, что таилися въ тиши.

13.

Онъ возмутилъ стоячихъ водъ молчанье,
 Запросамъ тайнымъ громкій далъ отвѣтъ,
 Изъ тьмы онъ вывелъ женщину на свѣтъ,
 Въ широкій міръ стремлевіи и сознанья,
 На путь живыхъ восторговъ, битвъ, и бѣдъ.

14.

Вотъ почему, съ любовью вспоминая
 О томъ, кто удалился въ міръ иной,
 Предъ кѣмъ зажегся свѣточъ неземной,
 Здѣсь собралась толпа ему родная,
 Съ нимъ слившаяся мыслию одной: —

15.

Пусть мы съ тобой разлучены судьбою
 Ужь десять невозвратныхъ долгихъ лѣтъ,
 Но ты, нашъ другъ, учитель, и поэтъ,
 Среди насъ живешь! Сверкаетъ надъ тобою
 Безсмертія нетлѣнный чистый свѣтъ!

XXXV.

ЗАРЯ.

Николай Ильичу Стороженко

Брызнули первыя искры разсвѣта,
 Дымкой туманной покрылся ручей.
 Въ утренній часъ его рокоть звончѣй.
 Ночь умираетъ... И вотъ ужъ одѣта
 Въ нерукотворныя ткани изъ свѣта,
 Въ поясѣ пышномъ изъ яркихъ лучей,
 Мчится Заря благовоилаго лѣта

Изъ-за лѣсовъ и морей,
 Медлѣть на высяхъ обрывистыхъ горъ,
 Смотрится въ зеркало синихъ озеръ,
 Мчится Богиня Разсвѣта.

Слѣдомъ за ней
 Легкой гирляндой эльфы несутся,
 Хоромъ поютъ: „Пробудилась Заря!“
 Эхомъ стократнымъ ихъ пѣсни вездѣ отдаются,
 Листья другъ къ другу съ безмолвною ласкою жмутся,
 Въ небѣ—и блескъ изумруда, и блескъ янтара,
 Нѣжныхъ малиновокъ пѣсни кристалльныя льются:
 „Кончилась Ночь! Пробудилась Заря!“

XXXVI.

ДУХИ ЧУМЫ.

Мы сѣшимъ, мы плывемъ
На могучей волнѣ,
Незнакомы со спомъ,
Но всегда въ полуснѣ.

Слезы жень и дѣтей
Не замѣтитъ нашъ глазъ.
И гдѣ смерть для людей,
Тамъ отрада для насъ.

Нашей властью звучать
Папихиды въ церквахъ,
Въ двери къ людямъ стучать
Смерть, и гибель, и страхъ.

Между вешнихъ листовъ,
Символь сгнбнвшихъ силъ,
Милліоны крестовъ,
Милліоны могилъ.

Любо пѣжнюю мать
Умертвить, погубить,
Мы не можемъ ласкать,
Не умѣемъ любить.

Въ эти дни, какъ и встарь,
Каждый мигъ, каждый часъ,
Лучшій даръ на алтарь
Жизнь приносить для насъ.

И спѣшимъ, и плывемъ
 Мы въ ночной тишинѣ,
 Незнакомы со сномъ,
 Но всегда въ полуснѣ.

XXXVII.

ЧЕЛНЪ ТОМЛЕНЬЯ.

Князь А. П. Урусову.

Вечерь. Взморье. Вздохи вѣтра.
 Величавый возгласъ волнъ.
 Близко буря. Въ берегъ бьется
 Чуждый чарамъ черный челнъ.

Чуждый чистымъ чарамъ счастья,
 Челнъ томленья, челнъ тревогъ,
 Бросилъ берегъ, бьется съ бурей,
 Ищетъ свѣтлыхъ снова чертогъ.

Мчится взморьемъ, мчится моремъ,
 Отдаваясь волѣ волнъ.
 Мѣсяцъ матовыйзираеть,
 Мѣсяцъ горькой грусти полнъ.

Умеръ вечеръ. Ночь чернѣеть.
 Ронщеть море. Мракъ ростеть.
 Челнъ томленья тьмой охвачень.
 Буря воетъ въ безднѣ водъ.

XXXVIII.

* * *

О, женщина, дитя, привыкшее играть
 И взоромъ нѣжныхъ глазъ, и лаской поцѣлуя,
 Я долженъ бы тебя всѣмъ сердцемъ презирать,
 А я тебя люблю, волнуясь и тоскуя!
 Люблю и рвусь къ тебѣ, прощаю и люблю,
 Живу одной тобой въ моихъ терзаньяхъ страстныхъ.
 Для прихоти твоей я душу погублю,
 Все, все возьми себѣ—за взглядъ очей прекрасныхъ,
 За слово лживое, что истины нѣжной,
 За сладкую тоску восторженныхъ мученій!
 Ты, море странныхъ сновъ, и звуковъ, и огней!
 Ты, другъ и вѣчный врагъ! Злой духъ и добрый геній!

XXXIX.

ЦВѢТОКЪ.

Умеръ бѣдный цвѣтокъ на груди у тебя,
 Онъ навѣва поблекъ и завялъ,
 Но онъ умеръ тревожно и нѣжно любя,
 Онъ подаромъ страдалъ.

Долго ждалъ онъ тебя на просторѣ полей,
 Цѣлый день на груди красовался твоей,
 Какъ онъ пышно, какъ чудно, какъ ярко блисталъ,
 Онъ подаромъ любилъ и страдалъ.

XL.

* * *

Дышали твои ароматныя плечи,
 Упругія груди неровно вздымались,
 Твои сладострастныя тихія рѣчи
 Миѣ чѣмъ-то далекимъ и смутнымъ казались.

Надъ нами повиснули складки алькова,
 За окнами полночь шептала невнятно,
 И было миѣ это такъ чуждо, такъ ново,
 И такъ несказанно, и такъ непонятно.

И грезилось миѣ, что, прильнувъ къ изголовью,
 Какъ въ сказкѣ, лежу я подъ райскою сѣнью,
 И призрачной былъ я исполненъ любовью,
 И ты миѣ казалась воздушною тѣнью.

Забывъ о борьбѣ, о тоскѣ, о проклятияхъ,
 Какъ нектаръ, тревогу я пилъ неземную,—
 Какъ будто лежалъ я не въ грѣшныхъ объятыхъ,
 Какъ будто лелѣялъ я душу родную.

XII.

ДВА ГОЛОСА.

Скользятъ стрижки въ лазури неба чистой.
 — Въ лазури неба чистой горитъ закатъ. —
 Въ вечерній часъ какъ иѣженъ лугъ росистый!
 — Какъ иѣженъ лугъ росистый, и прудъ, и садъ! —

Вечерній часъ—предчувствіе полночи.
 — Въ предчувствіи полночи душа дрожить.—
 Предъ красотой минутной плачуть очи.
 — Какъ горько плачуть очи! Какъ мигъ бѣжить!—

XLII.

ПѢСНЯ БЕЗЪ СЛОВЪ.

Ландыши, лютики. Ласки любовныи.
 Ласточки лепеть. Лобзанье лучей.
 Лѣсъ зеленѣющій. Лугъ расцвѣтающій.
 Свѣтлый свободный журчащій ручей.

День догораетъ. Закатъ загорается.
 Шопотомъ, ронотомъ рощи полны.
 Новый восторгъ воскресаетъ для жителей
 Сказочной свѣтлой свободной страны.

Вѣтра вечерняго вздохъ замирающій.
 Полной Луны переменчивый ликъ.
 Радость безумная. Грусть непонятная.
 Мигъ невозможнаго. Счастія мигъ.

XLIII.

РАБСТВО.

сонетъ.

Ты льцешь ко мнѣ, какъ гибкая лоза,
 И всѣ твои движенія красивы,
 Твоихъ волосъ капризные извивы
 Пышиѣе, чѣмъ полночная гроза.

Настолько же прекрасны, как и лживы,
 Глубокіе спокойные глаза,
 Гдѣ искрится притворная слеза,
 Гдѣ видны сладострастные порывы.

Тотъ будетъ твой безвольный рабъ всегда,
 Кого ты отравила поцѣлуемъ,
 Въ немъ прошлое погибнетъ безъ слѣда,

Въ немъ вѣчно будетъ жгучая вражда
 Къ тому, чѣмъ прежде былъ онъ такъ волнуемъ,
 Къ свитыни, что погасла, какъ звѣзда.

XLIV.

КОНИМАРЬ.

сонетъ.

Въ печальный мигъ, въ печальный часъ ночной,
 Въ альковѣ пышномъ, полномъ аромата,
 Покинулась она передо мной,
 Дремотою изпѣженной объята.

И попялъ я, что мнѣ ужъ нѣтъ возврата
 Къ прошедшему, къ Лазури неземной:—
 Я увидалъ не человека-брата,
 Со мною былъ бездушный звѣрь лѣсной.

Незримыми нѣмыми голосами
 Душа моя наполнилася вдругъ
 Отъ этихъ губъ, отъ этихъ ногъ и рукъ.

Мгновения смѣнялися часами,
И видѣлъ я вездѣ — вездѣ вокругъ —
Змѣю съ полузакрытыми глазами.

XLV.

* * *

Нѣтъ, мнѣ никто не сдѣлалъ столько зла,
Какъ женщина, которая твердила
Мнѣ каждый мигъ: „Люблю тебя, люблю!“

Она украдкой кровь мою,
Какъ злой вампиръ, пила.

Она во мнѣ все чистое убила,
Она меня къ могилѣ привела.

Забывъ весь міръ, забывъ, что люди, братья,
Томятся гдѣ-то тамъ, во тьмѣ, вдали,
Я заключилъ въ преступныя объятія
Тебя, злой духъ, тебя, о, перлъ Земли.
Озарены большимъ сіяньемъ луннымъ,
Окутаны туманной полумглою,
Подобно духамъ тьмы иль звукамъ струннымъ,
Витаемъ мы межъ Небомъ и Землей.

Твой образъ, то насмѣшливый, то милый,
Мнѣ грезится въ какомъ-то смутномъ снѣ,
Цвѣты любви собирая надъ могилою,
Я вижу, какъ ты гробъ готовишь мнѣ.

Какъ мертвецу, мнѣ чуждо все живое...
Но кто же ты, мой гений неземной,

Во мнѣ зажегшій пламя роковое?
 Страдаю я, покуда ты со мной,—
 А пѣть тебя—и я страдаю вдвое.
 Въ твоей душѣ слились добро и зло...
 Зачѣмъ твое дыханье огневое
 Меня сожгло?

О, какъ прекрасна ты неотразимо,
 Какъ властна ты заставить все забыть!
 Твой пѣжный смѣхъ—улыбка серафима,
 И я тебя не въ силахъ не любить!
 Но почему жь во мнѣ не удержиимо
 Желаніе встаетъ—тебя убить?

XLVI.

ЛАСТОЧКИ.

СОПЕТЬ.

Земля покрыта тьмой. Оконченъ день заботъ.
 Я въ царствіи чистыхъ думъ, живыхъ очарованій.
 На башнѣ вдалекѣ протяжно полночь бьетъ,
 Часъ тайныхъ встрѣчъ, любви, блаженства, и рыданій.

Невольная въ душѣ тоска растетъ, растетъ.
 Встаетъ передо мной толпа воспоминаній,
 То вдругъ отпрянетъ прочь, то вдругъ опять првльнетъ
 Къ груди, исполненной бесбыточныхъ желаній.

Такъ въ знойный лѣтній день, надъ гладью ведъ рѣчныхъ
 Порою ласточка игриво пронесется,
 За ней послѣдъ толпа сестеръ ея живыхъ,

Веселыхъ спутницъ рой какъ будто бы смѣется,
Щебечуть громко всѣ,—и каждая изъ нихъ
Лагура водъ на мигъ крыломъ своимъ коснется.

XLVII.

ВЪ СТОЛИЦѢ.

Свѣжій запахъ душистаго сѣна мнѣ напомнилъ далекіе дни,
Невозвратнаго свѣтлаго дѣтства предо мной загорѣлись огни;
Предо мною воскресло то время, когда мнѣ я безгрѣшно любилъ,
Когда не былъ еще человѣкомъ, но когда уже богомъ я былъ.

Мнѣ снятся родные луга,
И звонкая пѣсня косца,
Зеленаго сѣна стога,
Веселье и смѣхъ безъ конца,
Іюльскаго дня красота,
Зарница іюльскихъ почей,
И дѣтскаго сердца мечта
Въ синьѣ нездѣшнихъ лучей.
Протяжное пѣнье стрекозъ,
Чуть слышныя всплески рѣки,
Роптаніе листвы и березъ,
Въ полупочной тьмѣ свѣтляки.
И все, что въ родной сторонѣ.
Меня озарило на мигъ,
Теперь пробудило во мнѣ
Печали пѣвучій родникъ.

И зачѣмъ истомленною грудью я вдыхаю живой ароматъ,
Вспоминая луга съ ихъ раздольемъ, и забытый запущенный садъ?
Свѣжій запахъ душистаго сѣна только болью терзаетъ меня:
Онъ мнѣ душною ночью напомнилъ отлетѣвшія радости дня.

XLVIII.

ГРУСТЬ.

Внемя вѣтру, тополь гнется, съ неба дождь осенній льется,
 Надо мною раздается мѣрный стукъ часовъ стѣнныхъ;
 Миѣ някто не улыбнется, и тревожно сердце бьется,
 И изъ устъ невольно рвется монотонный грустный стихъ;
 И какъ тихій дальній топотъ, за окномъ я слышу ропотъ,
 Непонятный странный шопотъ—шопотъ капель дождевыхъ.

Отчего такъ вѣтру скучно? Плачетъ, поетъ онъ докучно,—
 И въ отвѣтъ ему стозвучно капли бьются и бѣгутъ;
 Я внемяю, миѣ такъ же скучно, грусть со мною неразлучна,
 Равномѣрно, однозвучно рины стройныя текутъ;
 Въ эту пору непогоды, подъ унылый плачъ Природы,
 Дни, мгновенья, точно годы—годы медленно идутъ.

XLIX.

* * *

Въ полѣ искрилась роса,
 Въ небесахъ царилъ покой,
 Молодые голоса
 Звонко пѣли за рѣкой.

Но межъ тѣмъ какъ пѣсни звукъ
 Озарялъ нѣмую даль,
 Точно тѣнь, бродила вокругъ
 Неутѣшная печаль.

И, скорбя о трудномъ дѣлѣ,
 Гдѣ-то духъ страдалъ людской,
 Кто-то плакалъ въ тишинѣ
 Съ безконечною тоской.

L.

СМЕРТЬ.

СОПЕТЬ.

Суровый призракъ, демонъ, духъ всеильный,
 Владыка всѣхъ пространствъ и всѣхъ временъ,
 Нѣтъ дня, чтобъ жатвы ты не снялъ обильной,
 Нѣтъ бѣды, гдѣ бы ты не бралъ знамень.

Ты плешь очамъ бессоннымъ сонъ могильный,
 Несчастному, кто къ пыткамъ присужденъ,
 Какъ вольный вѣтеръ, шепчешь въ кельѣ пыльной,
 И свѣтъ дарить тому, кто тьмой стѣсненъ.

Ты всѣмъ несешь свой даръ успокоенья,
 И даже тѣмъ, кто суетной душой
 Исполненъ дерзновеннаго сомнѣнья.

Къ тебѣ, о, царь, владыка, духъ забвеня,
 Изъ бездны золь несется возгласъ мой:—
 Приди. Я жду. Я жажду примиренья!

LI.

СМЕРТЬ, УБАЮКАЙ МЕНЯ.

Жизнь утомла меня.
 Смерть, наклонись надо мной!
 Въ небѣ—предчувствіе дня,
 Сумракъ блѣднѣетъ ночной...
 Смерть, убаюкай меня!

Ранней душистой весной,
Въ утренней дѣвственной мглѣ,
Дубъ залепечетъ съ сосной.
Грустно повякнетъ къ землѣ
Ласковый ландышъ лѣсной.

Вѣстникъ безсмертнаго дня,
Гдѣ-то зашепчетъ родникъ,
Гдѣ-то проснется, звеня...
Въ этотъ таинственный мигъ,
Смерть, убаюкай меня!

Въ Безбрежности

Землю цѣлуй, и неустанно
ненасытно люби, всѣхъ люби,
все люби, иши восторга и восту-
пленія сего

Достоевскій

Я мечтою ловилъ уходящія тѣни,
 Уходящія тѣни погасившаго дня,
 Я на башню всходилъ, и дрожали ступени,
 И дрожали ступени подъ ногой у меня.

И чѣмъ выше я шелъ, тѣмъ яснѣй рисовались,
 Тѣмъ яснѣй рисовались очертанья вдали,
 И какіе-то звуки вдали раздавались,
 Вкругъ меня раздавались отъ Небесъ и Земли.

Чѣмъ я выше входилъ, тѣмъ свѣтлѣе сверкали.
 Тѣмъ свѣтлѣе сверкали выси дремящихъ горъ,
 И сіяньемъ прощальнымъ какъ будто ласкали,
 Словно нѣжно ласкали отуманенный взоръ.

И внизу подо мною ужъ ночь наступила,
 Уже ночь наступила для уснувшей земли,
 Для меня-же блистало дневное свѣтило,
 Отсвое свѣтило догораю вдали.

Я узналъ, какъ ловить уходящія тѣни,
 Уходящія тѣни потускнѣвшаго дня,
 И все выше я шелъ, и дрожали ступени,
 И дрожали ступени подъ ногой у меня.

ЗА ПРЕДѢЛЫ

Вѣчность движенія —
Область моя;
Смерть и рожденье,
Ткань бытія.

Гете, Духъ Земли

I.

БОЛОТНЫЯ ЛИЛИИ.

Поблѣдѣвшіе, пѣжно-стыдливые,
 Распустились въ болотной глуши
 Бѣлыхъ лилій цвѣты молчаливые,
 И вокругъ нихъ шелестятъ камыши.

Бѣлыхъ лилій цвѣты серебряные
 Вырастаютъ съ глубокаго дна,
 Гдѣ не свѣтитъ лучи золотистые,
 Гдѣ вода холодна и темна.

И не манятъ ихъ страсти преступныя,
 Ихъ волненья къ себѣ не зовутъ;
 Для нескромныхъ очей недоступныя,
 Для себя они только живутъ.

Проникаясь рѣшимостью твердою
 Жить мечтой и достигъ высоты,
 Распускаются съ пышностью гордою
 Бѣлыхъ лилій вѣные цвѣты.

Расцвѣтутъ, и поблѣкнутъ безстрастныя,
 Далеко отъ владѣній людскихъ,
 И распусятъ снова, прекрасныя, —
 И никто не узнаетъ о нихъ.

II.

* * *

Все мнѣ грезится Море да Небо глубокое,
 Безконечная грусть, безграничная даль,
 Трепетаніе звѣздъ, ихъ мерцанье стоокое,
 Догорающихъ тучекъ нѣмая печаль.

Все мнѣ чудится вздохъ камыша почернѣлаго,
 Глушь родимыхъ лѣсовъ, зановѣдный затопъ,
 И надъ озеромъ пѣніе лебедя бѣлаго,
 Точно сердца песнѣлаго жалобный стопъ.

III.

НА ДАЛЬНЕМЪ ПОЛЮСѢ.

На дальнемъ полюсѣ, гдѣ Солнце никогда
 Огнемъ своихъ лучей цвѣты не возрождаетъ,
 Гдѣ въ мертвомъ воздухѣ оплоты изо льда
 Безумная Луна, не грѣя, освѣщаетъ,—

Въ предѣлахъ Сѣвера тоскуетъ Океанъ
 Неумирающимъ безцѣльнымъ рокотаньемъ,
 И, точно испугнутый, крутится ураганъ,
 И вдалѣ уносится со вздохомъ и съ рыданьемъ.

На дальнемъ полюсѣ, гдѣ жизнь и смерть—одно,
 Моментъ спокойствія предъ вечеромъ подкрался:—
 Все было яркимъ сномъ лучей озарено,
 И только Океанъ угрюмо волновался.

Но вотъ застыль и онъ. Была ясна вода,
 Огненная, она терялася въ пространствѣ,
 И, какъ хрустальные нѣмые города,
 Вздмались глыбы льдовъ—въ нетронутомъ убранствѣ.

И точно вопрошала пустынный мѣръ: „За что?“
 И красота кругомъ безсмертная блистала,
 И этой красоты не увидалъ никто,
 Увы, она сама себя не увидала.

И быстротечный мигъ былъ полонъ странныхъ чаръ,—
 Полуугасшій день обнялся съ Океаномъ.
 Но жизни не было. И Солнца красный шаръ
 Тонулъ въ безстрастіи, склоняясь къ новымъ странамъ.

IV.

КАМЫШИ.

Полночной порою въ болотной глуши
 Чуть слышно, безшумно, шуршать камыши.

О чемъ они шепчуть? О чемъ говорятъ?
 Зачѣмъ огоньки между ними горять?

Мелькаютъ, мвгаютъ,—и слова ихъ нѣтъ.
 И снова забрезжилъ блуждающій свѣтъ.

Полночной порой камыши шелестять.
 Въ нихъ жабы гнѣздятся, въ нихъ змѣи свистять.

Въ болотѣ дрожить умирающій лякъ,
 То Мѣсяцъ багровый печально понвкъ.

И тпной запахло. И сырость ползеть.
Трясина заманить, сожметъ, засосеть.

„Кого? Для чего?“—камышп говорятъ.
„Зачѣмъ огоньки между нами горять?“

Но Мѣсяць печальный безмолвно поникъ.
Не знаетъ. Склоняетъ все ниже свой лякъ.

И, вздохъ повторяя погпбшей души,
Тоскливо, безшумно, шуршать камыши.

V.

ПОДВОДНЫЯ РАСТЕНЬЯ.

СОПЕТЪ.

На днѣ морскомъ подводныя растенья
Распростраляютъ блѣдныя лсты,
И таятуса, растутъ какъ привидѣнья,
Въ безмолвіи угрюмой темноты.

Ихъ тяготитъ покой уединенья,
Ихъ манитъ мѣръ безвѣстной высоты,
Имъ хочется любви, лучей, волненья,
Имъ снятся ароматныя цвѣты.

Но нѣтъ пути въ страну борьбы и свѣта,
Молчитъ кругомъ холодная вода.
Акулы проплываютъ иногда.

Ни проблеска, ни звука, ни привѣта,
И сверху посмлаетъ зыбь морей
Лишь трупы и обломки кораблей.

VI.

ПУСТЫНЯ.

Я видѣлъ Норвежскіе фьорды съ ихъ жесткой бездушной красой,
 Я видѣлъ долину Арагвы, омытую свѣжей росой,
 Исландіи берегъ холодный, и Альпъ снѣговые хребты,—
 Люблю я Пустыню, Пустыню, царицу земной красоты.

Моря, и долины, и фьорды, и глыбы тоскующихъ горъ
 Лишь краткой окутають лаской, на мигъ убаюкають взоръ,
 А образъ безмолвной Пустыни, царицы земной красоты,
 Войдя, не выходитъ изъ сердца, навѣкъ отравляетъ мечты.

Въ молчаньи песковъ безиредѣльныхъ я слышу невѣдомый шумъ,
 Какъ будто изъ дали неоглядной встаетъ и крутится самумъ,
 Встаетъ, и бѣжить, пропадаетъ,—и снова молчанье растетъ,
 И снова миражъ лучезарный обманно узоры плететь.

И мапять куда-то далеко незримая чудная власть,
 И мысль поднимается къ Небу, чтобъ снова безсильно упасть:
 Какъ будто бы Жизнь задрожала, съ напрасной мечтой и борьбой,
 И Смерть на нее наступила своею тяжелой стопой.

VII.

ЗМѢННЫЙ ГЛАЗЬ.

Датскому лирику Торю Лааге.

Огней полночныхъ караванъ
 Въ степи Небесъ плыветъ.
 Но кто меня въ ночной тумавъ
 Такъ ласково зоветъ?

Зачѣмъ отъ сердца далека
Мечта о Небесахъ?
Зачѣмъ дрожать моя рука?
Зачѣмъ такъ манить прахъ?

Болото спитъ. Ночная тишь
Ростеть и все ростеть.
Шуршать загадочно камышъ,
Змѣяный глазъ цвѣтеть.

Змѣяный глазъ глядитъ, ростеть,
Его лепетъ Ночь.
Къ нему кто близко подойдетъ,
Уйти не можетъ прочь.

Онъ смутно слышитъ свистъ змѣи,
Какъ иѣжный близкій зовъ,
Онъ еле видитъ въ забытьи
Огни иныхъ міровъ.

Не манитъ блескъ былыхъ утѣхъ,
Далекъ живой родникъ.
Въ болотѣ слышенъ чей-то смѣхъ,
И чей-то слабый крикъ.

VIII.

ГИБЕЛЬ.

Предчувствіемъ бури окутанъ былъ садъ.
 Сильнѣй заструился цвѣтовъ аромать.
 Узлыстые сучья какъ змѣи сплелись.
 Змѣистыя молніи въ тучахъ зажглись.

Какъ хохотъ стократный, громовый раскатъ
 Смутилъ, оглушилъ зачарованный садъ.
 Свернулись, закрылись цвѣтовъ лепестки.
 На тонкихъ осинахъ забились листки.

Зарыгалъ мелькающій бѣшеный градъ.
 Врасплохъ былъ захваченъ испуганный садъ.
 Съ грозой обняться и слиться хотѣлъ.
 Погибъ—и убитъ грозой не успѣлъ.

IX.

* * *

Е. А. Варженевской.

Вечерній свѣтъ погасъ.
 Чуть дышетъ гладь воды.
 Насталъ завѣтный часъ
 Для искристой Звѣзды.

Она теперь горитъ,
 Окутанная мглой,
 И свѣтомъ говоритъ
 Не съ Небомъ, а съ Землей.

Увидѣла она,
 Какъ тамъ внизу темно,
 Какъ сладко спать волна,
 Какъ спать рѣчное дно.

И вотъ во мглѣ, вдали,
 Открывъ лицо свое,
 Кувшинки расцвѣли
 И смотрять на нее.

Они горять въ ночи,
 Ихъ пѣжитъ гладь воды,
 Ласкають ихъ лучи
 Застѣнчивой Звѣзды.

И будутъ надъ водой
 Всю ночь они горѣть,
 Чтобъ съ Утренней Звѣздой
 Стыдливо умереть.

X.

ИСПОЛИНСКІЯ ГОРЫ.

Исполинскія горы,
 Заповѣдныя скалы,
 Вы—земные узоры,
 Вы—вселенной кристалы.

Вы всегда благородны,
 Неизмѣнно прекрасны,
 Отъ стремленій свободны,
 Къ человѣку безстрастны.

Вы простерли изломы,
 Обрамленные мохомъ.
 Вы съ борьбой незнакомы,
 Незнакомы со вадомъ.

Вы спокойно безмолвны,
 Васъ не тронуть рыданья,
 Вы—застывшія волны
 Отъ временъ Мірозданья.

XI.

КОВЫЛЬ.

Точно призракъ умирающій,
 На степи ковыль качается,
 Смотритъ Мѣсяцъ догорающій,
 Бѣлой тучкой омрачается.

И блуждаютъ тѣни смутныя
 По пространству неоглядному,
 И непрочныя, минутныя,
 Что то шепчуть вѣтру жадному.

И мерцаніе мелькнувшее
 Исчезаетъ за туманами,
 Утонувшее минувшее
 Возникаетъ надъ курганами.

Мѣсяцъ меркнеть, омрачается,
 Догорающій и тающій,
 И, дрожа, ковыль качается,
 Точно призракъ умирающій.

XII.

ОКЕАНЪ.

СОПЕТЪ.

Вдали отъ береговъ Страны Обѣтованной,
 Храня на днѣ души надежды блѣдный свѣтъ.
 Я волны вопрошала, и Океанъ туманный
 Угромо рокоталъ и говорилъ въ отвѣтъ.

„Забудь о свѣтлыхъ снахъ. Забудь. Надежды нѣтъ.
 „Ты ввѣрился мечтѣ обманчивой и странной.
 „Скитайся дни, года, десятки, сотни лѣтъ,—
 „Ты не найдешь нигдѣ Страны Обѣтованной“.

И вдругъ понявъ душой всѣхъ дерзкихъ сновъ обманъ,
 Охваченъ пламенной, но безутѣшной думой,
 Я горько спросилъ безбрежный Океанъ,—

Зачѣмъ онъ страстныхъ бурь питаетъ ураганъ,
 Зачѣмъ волнуется,—но Океанъ угрюмый,
 Свой ропотъ заглушивъ, окутался въ туманъ.

XIII.

* * *

Вѣчно-безмолвное Небо, смутно-прекрасное Море,
 Оба окутаны свѣтомъ мертвенно-блѣдной Луны.
 Вѣтеръ въ прострaвствѣ смутился, смолкъ въ безутѣшномъ просторѣ,
 Небо, и Вѣтеръ, и Море грустью одною больны.

Въ холодѣ гибнетъ и меркнетъ все, что глубоко и нѣжно,
 Въ ужасѣ Небо застыло, страшно мерцаетъ Луна.
 Горькая влага бездонна, Море спитъ безбрежно,
 Скорбь бытія неизбежна, нѣтъ и не будетъ ей дна.

XIV.

ЛЕБЕДЬ.

Заводь спить. Молчить вода зеркальная.
 Только тамъ, гдѣ дремлютъ камыши,
 Чья-то пѣсня слышится, печальная,
 Какъ послѣдній вздохъ души.

Это плачетъ лебедь умирающій,
 Онъ съ своимъ прошедшимъ говорить,
 А на небѣ вечеръ догорающій
 И горитъ и не горитъ.

Отчего такъ грустны эти жалобы?
 Отчего такъ бьется эта грудь?
 Въ этотъ мигъ душа его желала бы
 Невозвратное вернуть.

Все, чѣмъ жилъ съ тревогой, съ наслажденіемъ,
 Все, на что надѣялась любовь,
 Проскользнуло быстрымъ сновидѣніемъ,
 Никогда не вспыхнетъ вновь.

Все, на чемъ печать неоправимаго,
 Бѣлый лебедь въ этой пѣснѣ слылъ,
 Точно онъ у озера родимаго
 О прощеніи молилъ.

И когда блеснули звѣзды дальнія,
 И когда туманъ вставалъ въ глуши,
 Лебедь пѣлъ все тише, все печальнѣе,
 И шептался камыши.

Не живой онъ пѣлъ, а умирающій,
 Оттого онъ пѣлъ въ предсмертный часъ,
 Что предъ смертью, вѣчной, примирающей,
 Видѣлъ правду въ первый разъ.

XV.

БЕЗПРИУТНОСТЬ.

сонетъ.

Меня не манятъ тихая отрада,
 Покой, тепло родного очага,
 Не снятся мнѣ цвѣты родного сада,
 Родимые безмолвные луга.

Краса иная сердцу дорога,
 Я слышу ревъ и рокотъ водопада,
 Мнѣ грезятся морскіе берега,
 И горь неумолимая громада.

Среди другихъ обманчивыхъ утѣхъ
 Есть у меня завѣтная утѣха:
 Забыть, что значить плачь, что значить смѣхъ,—

Будить въ горахъ грохочущее эхо,
 И въ бурю созерцать, подъ громъ и вой,
 Величіе пустыни міровой.

XVI.

НАДЪ ПУЧИНОЙ МОРСКОЙ.

Флинтъ ***

Надъ пучиной морской, тяготѣя, повисла скала,
 У подножья скалы бьются волны толной неустанной,
 Грѣбеть зной ея камни, къ ней ластятся вѣтеръ и мгла,
 Но безмолвна она—въ часъ почпой, въ часъ зари златотканной.

Бѣлоснѣжная тучка мелькнетъ и растаетъ надъ ней,
 Прощебечетъ блуждающихъ птицъ перелетная стая,
 Загорится, забрезжитъ за моремъ звезда золотая,
 Небо вспыхнетъ въ отвѣтъ мириадами свнпихъ огней.

Но не видя, не внемля, гранитная дремлетъ громада,
 Если жь волны сильнѣе нахлынутъ, журча и звеня,
 Словно шепчетъ она еле слышно: „Не надо... не надо...
 „Утишите волнение свое... Не будите меня...“

XVII.

ВЪ ПЕЩЕРЬ.

Въ пещерѣ угрюмой, подъ сводами скалъ,
Гдѣ свѣточъ дневной никогда не сверкалъ,
Иду я на-ощупь, не видно ни зги,
И гулко во тьмѣ отдаются шаги.

И кто-то со мною какъ будто идетъ,
Ведетъ въ лабиринтъ впередъ и впередъ.
И, вскрикнувъ, я слышу, какъ тотчасъ вокругъ,
Отвѣтный, стократный, разносится звукъ.

Скользи по уступамъ, иду безъ конца,
Невольно мнѣ чудится очеркъ лица,
Невольно хочу я кого-то обнять,
Кого,—не могу и не смѣю понять.

Но тщетно безумной томлюсь я тоской:—
Лишь голые камни хватаю рукой,
Лишь чувствую сырость на влажной стѣнѣ,—
И ужась вливается въ сердце ко мнѣ.

„Кто шепчетъ?“—кричу я. „Ты другъ мнѣ? Приди!“
И голосъ гремитъ и хохочетъ: „Иди!“
И въ страхъ кричу я: „Скажи мнѣ, куда?“
И съ хохотомъ голосъ гремитъ: „Никуда!“

Безплодно скитанье въ пустылѣ земной,
Близнецъ мой, страданье, повсюду со мной.
Гдѣ выходъ, не знаю,—въ пещерѣ темно,
Все слито въ одно роковое звено.

XVIII.

АЮДАГЪ.

Сняѣтъ ширь морская, чериѣтъ Аюдагъ.
 Тѣснитса изъ-за Моря, ростеть, густѣтъ мракъ.
 Холодный вѣтеръ вѣтъ, туманы поднялись,
 И звѣзды между тучекъ чуть видныя зажглись.

Неслышно Ночь ступаетъ, вступаетъ въ этотъ мѣръ,
 И таинство свершаетъ, и шествуетъ на пиръ.
 Безмолвіе ей шепчетъ, что дню пришелъ конецъ,
 И звѣзды ей слетаютъ серебряный вѣнецъ.

И все полнѣй молчанье, и все чернѣе мракъ.
 Застылъ, какъ изваянье, тяжелый Аюдагъ.
 И Ночь, смѣясь, покрыла весь мѣръ своимъ крыломъ,
 Чтобъ тотъ, кто настрадался, вздохнулъ предъ новымъ зломъ.

XIX.

*
* * *

Въ этой жизни смутной
 Насъ повсюду ждетъ—
 За восторгъ минутный—
 Долгой скорби гнетъ.

Радость совершенства
 Смѣшана съ тоской.
 Есть одно блаженство:—
 Мертвенный покой.

Жажду наслажденья
 Въ сердцѣ побѣди,
 Усыни волнеца,
 Ничего не жди.

XX.

* * *

Нѣтъ, не могу я заснуть, и не ждатель, и смириться,
 Въ сердцѣ волнеца растутъ и растутъ!
 Можетъ ли вѣтеръ свободный кому покориться?
 Можетъ ли звѣздъ не блистать хороводъ?

Нѣтъ, мнѣ не нужно покоя, не нужно забвенья,
 Если же счастье намъ не дано,—
 Въ море отчаянья, въ темную бездну мученья
 Брошусь на самое дно!

XXI.

ВЪ ЧАСЪ РАЗСВѢТА.

Надъ ущельемъ осторожнымъ, межъ тревожныхъ чуткихъ скалъ,
 Переключкѣ горныхъ духовъ въ часъ разсвѣта я внималъ.
 Со скалы къ скалѣ срывался, точно зовъ, неясный звукъ.
 Освѣженный, улыбался, пробуждался мѣръ вокругъ.

Гдѣ-то серна пробѣжала, гдѣ-то коршунъ промелькнулъ,
 Оборвался тяжкій камень, между скалъ раздался гулъ.
 И гнѣздится, и клѣбится легкій паръ, источникъ тучъ,
 Зацѣпляясь, проползаетъ по уступамъ влажныхъ кручъ.

И за гранью отдаленной,—радость горь, долинь, полей,—
 Открываетъ ликъ побѣдный, все полнѣй и все свѣтлѣй,
 Ярко-красное Свѣтило расцвѣтающаго дня,
 Какъ цвѣтокъ садовъ гигантскихъ, полный жизни и огня.

XXII.

ВЪТЕРЬ.

Я жить не могу настоящимъ,
 Я люблю безпокойные сны,
 Подъ солнечнымъ блескомъ палящимъ,
 И подъ влажнымъ мерцаемъ Луны.
 Я жить не хочу настоящимъ,
 Я внимаю намекамъ струны,
 Цвѣтамъ и деревнямъ шумящимъ,
 И легендамъ приморской волны.

Желаньемъ томясь песказаннымъ,
 Я въ неясномъ грядущемъ живу,
 Вздыхаю въ разсвѣтъ туманномъ,
 И съ вечернею тучкой плыву.
 И часто въ восторгѣ нежданномъ
 Поцѣлую тревожу лнству.
 Я въ бѣгствѣ живу неустаяномъ,
 Въ ненасытной тревогѣ живу.

XXIII.

ПРИЗРАКИ.

Шелестъ листьевъ, шопоть травъ,
 Переплескъ рѣчной волны,
 Ропоть вѣтра, гуль дубравъ,
 Ровный блѣдный блескъ Луны.

Словно въ дѣтствѣ предо мною,
 Надъ рѣчною глубиною,
 Нимфы блѣдною гирляндой обнялись, переплелись.
 Брызнуть пѣной, разомкнутся,
 И опять плотнѣй сожмутся,
 Опускаясь, поднимаясь, на волнѣ и вверхъ и внизъ.

Шепчуть темныя дубравы.
 Шепчуть травы про забавы
 Этихъ блѣдныхъ, этихъ пѣжныхъ обитательницъ волны.
 Къ нимъ изъ дали неизвѣстной
 Опустился эльфъ чудесный,
 Какъ на нити золотистой, на прямомъ лучѣ Луны.

Выше истинн земной,
 Обольстительнѣе зла,
 Эта жизнь въ тиши ночной,
 Эта призрачная мгла.

XXIV.

ЗАРОЖДЕНИЕ РУЧЬЯ.

На вершинѣ скалы, гдѣ потокомъ лучей
 Соляце жжетъ горячѣй, гдѣ гнѣзятся орлы,
 Изъ тумановъ и мглы зародился ручей,
 Все звончѣй и звончѣй по уступамъ скалы
 Онь волной ударялъ, и гранить повторялъ
 Мѣрный отзвукъ на звукъ, возникавшій вокругъ.

Какъ прозрачный кристалъ, какъ сверкающій лучъ,
 Перемѣчивый ключъ межъ камней трепеталъ,
 На гранитъ блисталъ, и красивъ, и пѣвучъ,
 Жакдой жизни могучъ, онъ отъ счастья рыдалъ,
 И кричали орлы, на уступахъ скалы,
 У истоковъ ручья, въ торжествѣ бытія.

XXV.

ДУХЪ ВѢТРОВЪ.

Духъ вѣтровъ, Зефиръ игривый
 Прощумѣлъ среди листовъ,
 Прикоснулся шаловливый
 Къ нѣжнымъ чашечкамъ цвѣтовъ.

И шевнулъ неуловимый,
 И волною шевельнулъ,
 Къ арфѣ звучной и незримой
 Дланью быстрою прильнулъ.

И съ безпечностью ребенка,
 Не заботясь ни о чемъ,
 Опъ игралъ легко и звонко
 Въ ясномъ воздухѣ ночномъ.

И влюбленные наяды
 Показались изъ волны,
 И къ нему кидали взгляды
 Въ свѣтъ гаснущей Луны.

Нимфа съ нимфою шепталась,
 О блаженствѣ говоря.
 А за Моремъ пробуждалась
 Розоперстая заря.

XXVI.

* * *

Вѣтеръ перелетный обласкалъ меня
 И шепнулъ печально: „Ночь сильнѣе дня“.
 И закатъ померкнулъ. Тучи почернѣли.
 Дрогнули, смутились насмурныя ели.

И надъ темнымъ моремъ, гдѣ крутился валь,
 Вѣтеръ перелетный зыбью пробѣжалъ.
 Ночь царила въ мѣрѣ. А межъ тѣмъ далеко,
 За моремъ зажглося огненное око.

Новый распустился въ небесахъ цвѣтокъ,
 Свѣтомъ возрожденнымъ заблесталъ Востокъ.
 Вѣтеръ смѣнился, и нахнулъ мнѣ въ очи,
 И шепнулъ съ усмѣшкой: „День сильнѣе ночи“.

XXVII.

РУЧЕЙ.

(съ восточнаго).

Что ты плачешь, печальный прозрачный ручей?
 Пусть ты сковаешь дѣлами суровой зимы,
 Скоро вспыхнетъ весна, запоешь ты звончѣй,
 На зарѣ, подъ покровомъ нѣмой полутмы.

И свободный отъ мертвыхъ бездушныхъ оковъ,
 Ты блеснешь и плеснешь изумрудной волной,
 И на твой жизнерадостный сладостный зовъ
 Вольный откликъ послышится въ чащѣ лѣсной.

И, подъ шестелью листка, вѣтерка поцѣлуй
 Заволнуетъ твою бѣлоснѣжную грудь,
 И застѣпчивымъ лиліямъ въ зеркало струй
 На себя будетъ любо украдкой взглянуть.

Вся земля оживится подъ лаской ручей,
 И безслѣдно растають оковы зимы.
 Что жъ ты плачешь, скорбящій звенящій ручей,
 Что жъ ты рвешься такъ страстно изъ темной тюрьмы?

XXVIII.

* * *

Утомленное Солнце, стыдись своего утомленья,
 Раскраснѣвшеюся ликъ наклонило и скрыло за лѣсомъ,
 Гдѣ чуть дышетъ, чуть шепчетъ въ вѣтвяхъ вѣтерка дуновенье,
 Гдѣ листва чуть трепещетъ въ лучахъ изумруднымъ навѣсомъ.

Распростертую Землю ласкало дневное Свѣтло,
 И ушло на покой, но Земля не насытилась лаской,
 И съ блѣднѣющимъ Мѣсяцемъ Солнцу она цѣмѣнила,
 И любовь ихъ зажглась обольстительной новою сказкой.

Вся небесная даль озарилась улыбкой стыдливой,
 На фіалкахъ лѣсныхъ заблестали росой слезинки,
 Зашепталась рѣчная волна съ серебристою ивой,
 И, качаясь на влагѣ, другъ другу кивали кувшинки.

XXIX.

ЗВУКИ ПРИБОЯ.

Какъ глухъ сердитый шумъ
 Взволнованнаго Моря!
 Какъ сводъ Небесъ угрюмъ,
 Какъ бьются тучи, спора!

О чемъ шумить волна,
 О чемъ протяжно стонеть?
 И чья тамъ тѣнь видна,
 И кто тамъ въ Морѣ тонеть?

Гремитъ морской прибой,
 И долготъ вой упорный:
 „Идемъ, идемъ на бой,
 „На бой съ Землею черной!

„Разрушимъ грань Земли,
 „Покроемъ все водою!
 „Внемли, Земля, внемли,
 „Нашъ крикъ грозитъ бѣдою!

„Мы все заьемъ, возьмемъ,
 „Поглотимъ жадной бездной,
 „Громадой волиъ плеснемъ,
 „Взберемся въ мѣръ надзвѣздный!“

„Шуми, греми, прибой!“
 И стонуть всплески смѣха.
 „Идемъ, идемъ на бой!“ —
 „На бой“—грохочеть эхо.

XXX.

МОРСКОЕ ДНО.

СОНЕТЪ.

Съ морского дна безмолвные упреки
 Доносятся до ласковой Луны —
 О томъ, что эти области далеки
 Отъ воздуха, отъ вольной вышины.

Тамъ все живеть, тамъ звучень плескъ волны,
 А здѣсь на жизнь лишь блѣдныя намеки,
 Здѣсь вѣчный сонъ, пустыня тишины,
 Пучины Моря мертвенно-глубоки.

И вотъ Луна, проснувшись въ высотѣ,
 Поитъ огнемъ кипуче приливы,
 И волны рвутся къ дальней Красотѣ.

Луна горить, играютъ переливы,—
 Но тамъ, подъ блескомъ волиъ, морское дно
 По-прежнему безжизненно-темно.

XXXI.

* * *

Е. Н. Лисагоровской.

Кто это ходить въ ночной тишинѣ,
Кто это бродить при блѣдной Лунѣ?

Сонныя вѣтви рукою качаетъ,
Вздохомъ протяжнымъ на вздохъ отвѣчаетъ.

Кто надъ нѣмою дремою стоять,
Влажнымъ дыханіемъ травы нонть?

Чье это видно лучистое око—
Ближе и ближе—и снова далеко?

Слышно, какъ старья сосны шумять,
Слышенъ гвоздики ночной аромать.

Въ сонномъ болотѣ знакомыя травы
Больше не дышуть дыханьемъ отравы.

Тише! Остайся, помедли со мной!
Кто ты,—не знаю, о, призракъ почной.

Сладко съ тобой подъ Луною встрѣчаться,
Съ призракомъ—призракомъ легкимъ качаться.

Что же ты вновь убѣгаешь, скользи,—
Или намъ ближе обняться нельзя?

Или подвластны мы чарамъ запрета
Въ царствѣ холоднаго луннаго свѣта?

Кто жь это гонится тамъ за тобой?—
Призракъ сверкаетъ блестящей стопой.

Легкимъ видѣниемъ тѣнь убѣгаетъ,—
Только на небѣ зарница мелькаетъ.

XXXII.

ОСТРОВЪ ЦВѢТОВЪ.

Графиня Е. Н. Телстая.

Жемчужина морей,
Цвѣтущій Островъ дремлетъ,
И въ пышности своей
Волнамъ влюбленнымъ впемлетъ.

Надъ нимъ—просторъ Небесъ,
Кругомъ—пустыня Моря,
На немъ зеленый лѣсъ
Шумитъ, прибою вторя.

Здѣсь нѣтъ людскихъ слѣдовъ,
Здѣсь легкой вѣтеръ нѣтъ,
Опъ чашечки цвѣтовъ
Дыханіемъ ледѣтъ.

Безмолвные цвѣты—
Властители пространства,
И жаждой красоты
Живетъ цвѣтовъ убранство.

И вотъ за грапью горь
 Встаетъ дворець Востока,—
 Украшенъ травъ коверъ
 Цвѣтами златоока.

И снова въ свой чередъ
 Вздохнеть Закать усталый,
 И береть внонь цвѣтеть,
 Лазурный, желтый, алый.

Проходить жизнь какъ сонъ,
 Разсвѣтъ, какъ прежде, пынень,
 Полеть сѣдыхъ времелъ
 Надъ Островомъ не слышенъ.

Лучи съ Небесъ глядятъ,
 И кротокъ свѣтъ Заката,
 Цвѣты дучамъ кадятъ
 Струями аромата.

Надильница морей,
 Цвѣтами Островъ дышетъ,
 А вѣтеръ съть вѣтвей
 Колышетъ и колышетъ.

XXXIII.

ТУМАНЫ.

Туманы таяли и вновь росли надъ лугомъ,
 Ползли, холодные, надъ мертвою травой,
 И блѣдные цвѣты шепталися другъ съ другомъ,
 Скорбя застывшею листвою.

Они хотѣли жить, блистая лепестками,
 Вдыхать, дышать, горѣть, лелѣять аромать,
 Любитьсѣ съ пчелами, дрожать подѣ мотыльками,
 Изъ міра сдѣлать пышный садъ.

Они изнемогли подѣ сыростью тумана,
 И жаждали зарн, и жаждали огня,
 И плакали, что смерть приходитѣ слишкомъ рано,
 Что поздно всныхнуть краски дня.

И день забрезжился. Туманы задрожали,
 Воздушнымъ кораблемъ повисли надѣ землей.
 И вѣтры буйныѣ, смѣясь, его качали,
 И свѣтъ боролся съ тусклой мглой.

Все жарче день пылалъ сверкающимъ привѣтомъ,
 Холодный кругъ земли дыханьемъ горяча, —
 И облако зажглось, пронизанное свѣтомъ
 Непобѣдимого луча!

XXXIV.

ЧАХЛІЯ СОСНЫ.

Хмурятся скалы, ослоты земной тишины:
 Вѣтеръ въ пролетахъ свиститѣ отъ стѣвы до стѣвы.

Таинство жизни трещетѣ средѣ мертвыхъ камней,
 Что-то забилося, какъ будто бы тѣни тѣней.

Чахлыя сосны растутѣ на отвѣсной стѣнѣ,
 Шепчутѣ подѣ Солицемъ, и зябнутѣ при тусклой Лунѣ.

Хочется соснамъ на горную высь посягнуть:
Цѣпкіе корни въѣдаются въ твердую грудь.

Скучно ихъ кормить бездушныя глыбы скалы.
Съ жадными криками посятся сверху орлы.

Чахлая сосны безъ влаги растутъ и растутъ.
Чахлая сосны къ Лазури дорогу найдутъ!

ЛЮБОВЬ И ТѢНИ ЛЮБВИ

Amore e' l cor gentil sono una cosa.

Dante

Воспоминаніе гранничть съ раскаяньемъ.

Бальмонтъ

I.

* * *

Въ пустынь безбрежнаго Моря
Я островъ нашель голубой,
Гдѣ, арфѣ невидимой вторя,
И рошцетъ и плачетъ прибой.

Тамъ есть позабытая вила,
И, точно видѣніе, въ ней
Гадаетъ сѣдая Сибилла,
Въ мерцаньи невѣрныхъ огней.

И тотъ, кто взойдетъ на ступени,
Предъ Вѣщей преклонится ницъ,—
Увидитъ поблекшія тѣни
Знакомыхъ исчезнувшихъ лицъ.

И кто, преклоняясь, замѣтитъ,
Какъ тускло змѣятся огни,
Тотъ взглядомъ сильнѣй ихъ засвѣтитъ,—
И вспомнитъ погябіе дни.

И жаднымъ виваяся взоромъ
Въ черты безтѣлесныхъ тѣней,
Внимая беззвучнымъ укорамъ,
Что бури громовой слышитъ,—

Онъ вскрикнетъ, и кинется страстно
Туда, гдѣ былая стезя...
Но тѣни пройдутъ безучастно,
И съ нами обиятся—нельзя.

II.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Въ царствѣ свѣта, въ царствѣ тѣни, бурныхъ словъ и тихой дѣви,
 Въ царствѣ счастья земного и небесной красоты,
 Я всѣмъ сердцемъ отдавался чарамъ тайныхъ откровеній,
 Я рвался душой въ предѣлы недоступной высоты,
 Для меня блистало Солнце въ дни весеннихъ упоеній,
 Пѣли птицы, навѣвая лучезарныя мечты,
 И акаціи густыя и душистыя сирени
 Надо мною наклоняли бѣлоснѣжныя цвѣты.

Точно сказочныя змѣи, безконечныя аллеи
 Извивались и слетались въ этой ласковой странѣ,
 Эльфы свѣтлые скликались, и толпой скользила фея,
 И водили хоромы при сверкающей Лунѣ,
 И съ улыбкою богини, съ нѣжнымъ профилемъ камня,
 Чья-то тѣнь ко мнѣ безшумно наклонялась въ полуснѣ,
 И зардѣвшіяся розы и стыдливыя лилеи
 Нашу страсть благословляли въ полуночной тишинѣ.

III.

НОЧЬ.

Скоро на небѣ Мѣсяць проглотить.
 Листья застыли. Время уснуть.
 Ночь пронесется. Утро настанетъ.
 Снова забота сдавить намъ грудь.

Птички замолкли. Другъ безпріютный,
 Птички заснули,—что жь ты не спишь?
 Сердцемъ отдайся грезѣ минутной.
 Въ Небѣ глубокомъ звѣздная тишь.

Скоро двурогій Мѣсяць засвѣтитъ.
 Слышишь, какъ дышетъ, шепчетъ сирень?
 Сумракъ полночный мыслямъ отвѣтитъ.
 Тѣка насъ ласкаетъ. Кончился день.

Что же ты плачешь? Видишь—мы рядомъ.
 Будемъ другъ друга тихо любить.
 Что-же ты смотришь горестнымъ взглядомъ?
 Или не можешь полдень забыть?

Все, что смущало, все, чѣмъ обмануть,
 Встало волною, плещется въ грудь.
 Звѣзды свѣтить намъ дважды не стануть.
 Ночь убываетъ. Сновъ не вернуть.

Сѣрая чайка плачетъ надъ моремъ.
 Въ Небѣ свилцовомъ тусклая мгла.
 Ахъ, не разстаться съ тигостнымъ горемъ!
 Гдѣ-же мы были? Ночь ужъ прошла.

IV.

БАЮШКИ - БАЮ.

Спя, моя печальная,
 Спя, многострадальная,
 Грустная, стыдливая,
 Вѣчно молчаливая.
 Я тебѣ спю
 Баюшки-баю.

Съ радостью свиданія
 Къ вамъ идутъ страданія,
 Лучше—отреченіе,
 Скорбь, самозабвеніе.

Счастія не жди,

Въ сердце не гляди.

Въ жизни кто оглянется,
 Тотъ во всемъ обманется,
 Лучше безразсудными
 Жить мечтами чудными.

Жизнь проспять свою.

Баюшки-баю.

Гдѣ-то море пѣнится,

И оно измѣнится,

Утомится шумное,

Шумное, безумное.

Будетъ подъ Луной

Чуть дышать волной.

Сни же, спи, печальная,

Спи, многострадальная,

Грустная, стыдливая,

Птичка боязливая.

Я тебѣ пою

Баюшки-баю.

V.

* * *

Не могу я забыть неотступный укоръ,
 Что застылъ въ глубинѣ неподвижныхъ очей,
 Онь повсюду со мной, этотъ мертвенный взоръ,
 И въ сіяніи дня, и въ молчаньи ночей.

Всюду вижу ее, хоть ея уже нѣтъ,
 Съ кѣмъ когда-то восторгъ и страданье дѣлалъ,
 Ту, въ чьемъ сердцѣ всегда находилъ я отвѣтъ,
 Ту, кого я ласкалъ, н, лаская, убилъ.

Сколько разъ я внималъ рокотанью морей,
 Сколько разъ уходилъ въ безмятежіе горъ,
 Но во мракъ ночномъ и въ сіяньи лучей
 Предъ собой я встрѣчалъ укоризненный взоръ.

Всюду вижу какъ сонъ—запрокинутый трупъ,
 Онъ молчитъ, онъ живеть выраженьемъ лица.
 И усмѣшкой нѣмой исказившихся губъ
 Онъ со мной говорить—говорить безъ конца.

VI.

* * *

День за днемъ ускользаетъ песмѣю,
 Ночи стелютъ свой черный покровъ.
 Снова полночь нѣмая приспѣла,
 Слышенъ бой колокольныхъ часовъ.

Гулкій звонъ разростается, стонетъ,
 Заунывнымъ призывомъ звучить,
 И въ застывшемъ безмолвіи топетъ.—
 И пустынная полночь молчитъ.

Мѣдный говоръ такъ долго тянулся,
 Что, казалось, не будетъ конца.
 И какъ-будто вдали улыбнулся
 Милый очеркъ родного лица.

И забылся весь ужасъ изгнанья,
 Засвѣтился родимый очагъ...
 Но мгновенно настало молчанье,
 Неоглядный раскинулся мракъ.

Дверь открылась и, снова замкнулась,
 Лучъ блеснулъ, и его не видать,—
 И бессильно въ груди шевельнулось
 То, чему не бывать, не бывать.

VII.

* * *

Мы шли въ золотистомъ туманѣ,
 И выйти на свѣтъ не могли,
 Тонули въ нѣмомъ Океанѣ,
 Какъ тонуть во мгли корабли.

Намъ снились видѣнія Гая,
 Чужіе лѣса и дуга,
 И прочь отъ родимаго края
 Иные влекли берега.

Стремясь ускользящимъ взглядомъ
 Къ предѣламъ безвѣстной земли,
 Дышали съ тобою мы рядомъ,
 Но былъ я какъ-будто вдали.

И лгали намъ вѣтры и тучи,
 Смѣялись извивы волны,
 И были такъ странно шѣвучи
 Беззвучные смутные сны.

И мы безконечно топули,
 Стремясь от влаги къ землѣ—
 И звѣзды печально шепнули,
 Что мы утонули во мглѣ.

VIII.

ОАЗИСЪ.

Ты была какъ оазисъ въ пустынѣ,
 Ты мерцала стыдливой звѣздой,
 Ты Луною зажглась золотой,
 И тебѣ, недоступной богинѣ,
 Отдавалъ я мечту за мечтой.

Я рѣшился въ желаніи смѣломъ
 По кремнистой дорогѣ идти
 И не медлить нигдѣ на пути,
 Ты казалась мнѣ высшимъ предѣломъ,
 За который нельзя перейти.

И потомъ... О, какое мученье!
 Къ недоступному доступъ найденъ.
 Я какъ жалкій ребенокъ смущень.
 Гдѣ любовь, гдѣ восторгъ упоенья?
 Все прошло, ускользнуло, какъ сонъ.

Я мечты отдавалъ не богинѣ,
 Ты къ всѣмъ, ты—земля на землѣ,
 Я одинъ въ удушающей мглѣ.
 Я очнулся въ безплодной пустынѣ,
 Я проснулся на жесткой скалѣ.

IX.

* * *

Колеблются стебли зеленой долины,
Ихъ красить цвѣтовъ разноцвѣтный уборъ.
А справа и слѣва дымятся вершины,
Дымятся вершины торжественныхъ горъ.

Я бросаю свой домъ, онъ исчезъ за горами,
Оставляю навѣки родную семью.
Подъ Небомъ глубокимъ съ его облаками,
Межъ горъ многоснѣжныхъ, въ раздумьи стою.

Я жду, чтобы брызнули краски разсвѣта,
Чтобъ легкій отъ горъ удалился дымокъ.
Но въ сердцѣ напрасно ищу я отвѣта,
Гдѣ Западъ и Сѣверъ, гдѣ Югъ и Востокъ.

Я жду. Все воздушный оттънки Лазури.
Надъ сонной долиной—нѣмой полусвѣтъ.
Блѣднѣютъ обрывки умолкнувшей бури.
И вотъ загорается гдѣ-то разсвѣтъ.

Блеснули цвѣты пробужденной долины.
Въ небесномъ пространствѣ заискрился день.
Но съ лѣвой горы, съ недоступной вершины,
Легла на меня исполинская тѣнь.

Я сталъ удаляться отъ тѣни угрюмой,
Но тѣнь, выростая, скользила за мной.
Долина блистала смѣющейся думой,
А я былъ преслѣдуемъ тьмою ночной.

И вспыхнул закат перламутрово-алый,
 За горы склонялся задумчивый день,
 До новой горы доходил я, усталый,
 И съ правой горы опрокинулась тѣнь.

И тѣни слились. И заря догорѣла.
 И горы окутались въ сумракъ ночной.
 Съ вершины къ вершинѣ, протяжно, несмѣло,
 Пророчества духовъ неслись надо мной.

X.

* * *

Въ молчаньи забывшейся ночи
 Уснулъ я при блѣдной Лунѣ,
 И странно-знакомыя очи
 Во снѣ наклонялись ко мнѣ.

И странно-печальныя рѣчи
 Я слышалъ смущенной душой,
 И зналъ, что дождался я встрѣчи
 Съ родной, отдаленно-чужой.

И вотъ бѣлоснѣжныя крылья
 Растутъ и дрожать въ полуснѣ,
 И плавно, легко, безъ усилія,
 Мы близимся къ блѣдной Лунѣ.

И чье-то остывшее тѣло
 Внизу разглядѣть я хочу.
 Но нѣтъ для безсмертья предѣла,
 И выше, все выше лечу!

XI.

* * *

Не буди воспоминаній. Не волнуй меня.
 Мнѣ отраденъ мракъ полночный. Страшенъ свѣточъ дня.

Былъ и я когда-то счастливъ. Вѣрилъ и любилъ.
 Но когда и гдѣ, не помню. Все теперь забылъ.

Съ кѣмъ я жизнь свою размыкалъ? И зачѣмъ, зачѣмъ?
 Самъ не знаю. Въ сердцѣ пусто. Умъ безсильный нѣмъ.

Дождь струится безошадный. Вѣтеръ бьетъ въ окно.
 Смѣхъ безпечный стихъ и замеръ—далеко, давно.

Для чего-жь ты вновь со мною, позабытый другъ?
 Точно тѣнь, встаешь и манишь. Но темво вокругъ.

Мнѣ не нуженъ запоздалый, горькій твой привѣтъ.
 Не хочу изъ тьмы могильной выходить на свѣтъ.

Нѣтъ въ душѣ ни думъ, ни звуковъ. Нѣтъ въ глазахъ огня.
 Тише, тише. Засыпаю. Не буди меня.

XII.

ТРИОЛЕТЫ.

1.

Твоя застѣнчивая пѣжность—
 Въ землѣ сокрытый водопадъ,
 Въ ней страсти дремлющей безбрежность.
 Твоя застѣнчивая пѣжность—

Ростущей тучи безмятежность,
 Цвѣтовъ несмятыхъ аромать.
 Твоя застѣчивая пѣжность—
 Готовый вспыхнуть водопадъ.

2.

Нѣмая царственная вѣчность
 Для насъ зажгла свои огни,
 Любви блаженства и безпечность.
 Нѣмая царственная вѣчность
 Насъ увлекаетъ въ безконечность,
 И въ цѣломъ мірѣ—мы одни:
 Нѣмая царственная вѣчность
 Для насъ зажгла свои огни.

3.

Любви цвѣтокъ необычайный,
 Зачѣмъ такъ рано ты поблѣкъ!
 Твое рожденье было тайной,
 Любви цвѣтокъ необычайный,
 Ты мнѣ блеснула мечтой случайной,
 И я, какъ прежде, одинокъ.
 Любви цвѣтокъ необычайный,
 Зачѣмъ такъ рано ты поблѣкъ!

4.

Ты промелькнула, какъ видѣнье,
 О, юность быстрая моя,
 Одно сплошное заблужденье!
 Ты промелькнула, какъ видѣнье,

И мнѣ осталось сожалѣнье,
 И поздней мудрости змѣя.
 Ты промелькнула, какъ видѣнье,
 О, юность быстрая моя!

ХІІІ.

РУСАЛКИ.

Мы знаемъ страсть, но страсти не подвластны.
 Красою нашихъ душъ и нашихъ тѣлъ нагихъ
 Мы только будимъ страсть въ другихъ.
 А сама холодно-безстрастна.

Любя любовь, бессильны мы любить.
 Мы дразнимъ и зовемъ, мы вводимъ въ заблужденье.
 Чтобы напитокъ охлажденья
 За знойной вспышкой жадно пить.

Нашъ взглядъ глубокъ и чистъ, какъ у ребенка.
 Мы вщемъ Красоты и міръ для насъ красявъ,
 Когда, безумца погубивъ,
 Смѣемся весело и звонко.

И какъ свѣтла измѣнчивая даль,
 Когда любовь и смерть мы заключимъ въ объятъе,
 Какъ сладокъ этотъ стонъ проклятья,
 Любви предсмертная печаль!

XIV.

ПОЗДНО.

ДВА СОНЕТА.

1.

О, если бь кто-нибудь любилъ меня, какъ ты,
 Въ тѣ дни далекіе предчувствій и печали,
 Когда я полонъ былъ дыханьемъ красоты,
 И гиммы ангеловъ заоблачныхъ звучали.

На думы тайныя мнѣ тучки отвѣчали,
 Луна сочувственно глядѣла съ высоты,
 Но струны лучшія въ душѣ моей молчали,
 И призракъ женщины смутилъ мои мечты.

И призракъ женщины склонился надо мною.
 Я жаждалъ счастія. Но призракъ измѣнялъ.
 И много дней прошло. Ты встрѣтилась со мною.

Я полюбилъ тебя. Но точно бурный валь,
 Предвѣстникъ гибели, какой-то голосъ грозно
 Гремить насмѣшкою и вторить: „Поздно! Поздно!“

2.

Съ невѣрнымъ спутникомъ — непрочнымъ челнокомъ —
 Присталъ я къ берегу и ждалъ успокоенья.
 Увы, я опоздалъ, застигнуть былъ врагомъ:
 Гремучій валь скользилъ, дрожалъ отъ петерфильня.

Прилива жаднаго кипучее волненье
 Обутало меня. За легкимъ вѣтеркомъ
 Нахлынула гроза, и силою теченья
 Я схваченъ, унесенъ, лежу на днѣ морскомъ.

Я въ Морѣ утопулъ. Теперь моя стихія—
 Холодная вода, безмолвіе, и мгла,
 Вокругъ меня кишать чудовища морскія.

Постелью служить мнѣ подводная скала,
 Подводные цвѣты цвѣтутъ безъ аромата.
 И къ звѣздамъ нѣтъ пути, и къ Солнцу нѣтъ возврата.

XV.

АРГУЛИ.

Слушай! Ужъ колоколь плачетъ вдали.
 Я умираю.
 Что мнѣ осталось? Прижаться лицомъ къ Аргули!
 Точно свѣча, я горю и сгораю.

Милый мой другъ,
 Если бездушная полночь свой сумракъ раскинетъ вокругъ,
 Голосу друга умершаго чутко внимли,
 Сердцемъ задумчиво-нѣжнымъ
 Будешь ты вѣчно моею, о, птичка моя, Аргули!

Будь далека отъ земли, и крыломъ бѣлоспѣннымъ
 Вѣчно скользи
 Въ чистыхъ предѣлахъ небесной стези.
 Мыслямъ отдайся безбрежнымъ,
 Плачь и мечтай,
 Прочь отъ враждебной земли улетай.

Лучше бродить по вершинамъ холоднымъ и снѣжнымъ,
 Взоръ навсегда обратить къ Красотѣ,
 Лучше страдать, но страдать на такой высотѣ,
 Духомъ мятежнымъ
 Такъ унестиcя, чтобъ земля чуть видѣлась вдали.
 О, моя птичка! Моя Аргули!

XVI.

МЭРИ.

сонетъ

Когда въ глухой тиши стариннаго музея,
 Исполненный на мигъ несбыточной мечты,
 Смотрю на вѣчныя содашня красоты,
 Мнѣ кажется живой ибмая галлерей.

И предъ Мадоннами душой благоговѣя,
 Я вижу много въ нихъ священной простоты,
 И въ книгѣ прошлаго завѣтные листы
 Читаю и одинъ, волнуясь и блѣднѣя.

Такъ точно близъ тебя душою я постигъ,
 Что можно пережить вѣка въ единый мигъ,
 Любить и тосковать, о томъ сказать не смѣя,

И выразить всѣхъ чувствъ волшебныхъ не умѣя.—
 Я вѣчной Красоты въ тебѣ позналъ родинку,
 Мечта художника, безмолвная камень.

XVII.

* * *

Слова смолкали на устахъ,
 Медькалаъ смычекъ, рыдала скрипка,
 И возникала въ двухъ сердцахъ
 Безумно-свѣтлая ошибка.

И взоры жадные слились
 Въ мечтѣ, которой нѣтъ названья,
 И витью зыбкою сплелись,
 Томясь, и не страшась признаья.

Среди толпы, среди огней
 Любовь росла и возростала,
 И скрипка, точно слившись съ ней,
 Дрожала, пѣла, и рыдала.

XVIII.

ТРУВАДУРЪ.

Мадонна, солнце между звѣздъ, мадоннѣ прекрасныхъ украшенье,
 Ты въ сладость обращаешь скорбь, даешь и смерть и возрожденье.
 Какъ саламандра, я горю въ огнѣ любви, но не сгораю,
 Какъ лебедь, пѣсню я пою, и послѣ пѣсни умираю.

Мадонна, цвѣтъ среди цвѣтовъ, среди красавицъ украшенье,
 Тебѣ—мой вздохъ, тебѣ—мой стихъ, пѣжизнѣ, чѣмъ утра дуновение.
 Какъ фениксъ, я хочу сгорѣть, чтобы возстать преображеннымъ,
 И для мадонны умереть, и для мадонны жить влюбленнымъ.

XIX.

СЛОВА ЛЮБВИ.

Слова любви всегда безсвязны,
 Они дрожатъ, они алмазны,
 Какъ въ часъ предутренній—звѣзда,
 Они журчатъ, какъ ключъ въ пустынь,
 Съ начала міра и донныѣ,
 И будутъ первыми всегда.
 Всегда дробясь, повсюду цѣльны,
 Какъ свѣтъ, какъ воздухъ, безпредѣльны,
 Легки, какъ всплески въ тростникахъ,
 Какъ взмахи птицы опьяненной,
 Съ другою птицею сплетенной
 Въ летучемъ бѣгѣ, въ облакахъ.

XX.

. . .

Смѣшались дни и ночи,
 Едва гляжу на свѣтъ,
 Видѣній щипутъ очи,
 Родныхъ видѣній иѣтъ.

Все то, чему смѣялась
 Влюбленная душа,
 Къ безвѣстному умчалось,
 И плача, и спѣша.

Поблекля маргаритки,
 Склонивъ головки внизъ,
 И липкія улитки
 На листьяхъ собрались.

И если предо мною,
 Надъ лономъ сонныхъ водъ,
 Безсмертною Луною
 Блистаетъ небосводъ,—

Мнѣ кажется, что это
 Луна погібшихъ дней,
 И въ пей не столько свѣта,
 Какъ скорби и тѣней.

И если вѣтеръ злится,
 И если дождь идетъ,
 Моя душа томится
 И странно счастья ждетъ.

И плачутъ, плачутъ очи,
 И Солнца больше нѣтъ,
 Смѣивались дни и ночи,
 Следились и тьма, и свѣтъ.

XXI.

БЕАТРИЧЕ.

СОНЕТЪ.

Я полюбилъ тебя, лишь увидалъ впервые.
 Я помню, шелъ кругомъ ничтожный разговоръ.
 Молчала только ты, и рѣчи огневныя,
 Безмолвныя слова мнѣ посылашь твой взоръ.

За днями гасли дни. Ужь годъ прошелъ съ тѣхъ поръ.
 И снова плетъ Весна лучи свои живые,
 Цвѣты одѣли вновь причудливый уборъ.
 А я? Я все люблю, какъ прежде, какъ впервые.

И ты попрежнему безмолвна и грустна,
 Лишь взоръ твой искрится и говоритъ порою.
 Не такъ ли иногда владычица-Луна

Свой лучезарный ликъ скрываетъ за горою,—
 Но и за гранью скалъ, склонивъ свое чело,
 Изъ тѣсной темноты она горитъ свѣтло.

XXII.

* * *

Отчего насъ всегда оныяняетъ Луна?
 Оттого, что она холодна и блѣдна.
 Слишкомъ много сянья намъ Солнце даетъ,
 И никто ему пѣсни такой не споетъ,
 Что къ Лунѣ, при Лунѣ, между темныхъ вѣтвей,
 Ароматною ночью поетъ соловей.

Отчего между женщинъ намъ дороги тѣ,
 Что безстрастны въ побѣдной своей красотѣ?
 Оттого, что въ волшебной холодности ихъ
 Больше скрытыхъ восторговъ и ласкъ огневыхъ,
 Чѣмъ въ сянїи щедрой покорной мечты,
 Чѣмъ въ объятыхъ доступной для насъ красоты.

XXIII.

ЧЕРНОГЛАЗАЯ ЛАНЬ.

1.

Печальные глаза, изогнутыя брови,
 Какая властная въ васъ дышетъ красота!
 Усмѣшкой горькою искажены уста.
 Зачѣмъ?

Такъ глубоко волнуешь ты и манишь,—
 И страшной близости со мной достигнувъ,—вдругъ
 Ты измѣняешься. И вновь темно вокругъ.
 Ты вновь чужая мнѣ. Зачѣмъ?

Я умираю.

Что значить этотъ смѣхъ? Что значить этотъ взглядъ?
 Глядятъ такъ ангелы? Такъ духи тьмы глядятъ?

2.

Червоглазая лань, ты глядишь на меня,
 И во взорѣ твоємъ больше тьмы, чѣмъ огня.

Не гляди. Погляди. Отъ любви я умру.
 Я люблю этихъ глазъ роковую игру.

Чтѣ мнѣ жизнь! Все забылъ, все утратилъ любя.
 Не пойму я тебя. Но люблю я тебя.

Ты ничья. Никому этихъ глазъ не повѣть.
 Подожди! Подожди! Дай хоть взглядомъ обнять!

XXIV.

* * *

Я боюсь, что любовью выпучей
 Я, быть-можетъ, тебя оскорбилъ.
 Милый другъ, это чувство нахлынуло тучей,
 Я бороться не могъ, я тебя полюбилъ.
 О, прости! Точно сказкой пѣвучей,
 Точно сномъ зачарованъ я былъ.

И уйду, и умруть укоризны,
 И ты будешь одна, холодна.
 Только скорбной мольбой замолкающей трезны
 Донесется къ тебѣ пѣнопѣній волна.
 Точно пѣсни забытой отчизны,
 Точно вздохъ отлетѣвшаго сна.

XXV.

НОЧНЫЕ ЦВЕТЫ.

Въ воздухъ пѣжномъ прозрачнаго мая
 Дышетъ влюбленность жнвой теплоты:
 Въ легкихъ объятыхъ другъ друга сплная,
 Дышутъ и шепчутъ ночные цвѣты.

Тѣни какія-то смутно блуждаютъ,
 Звукъ невнятные гдѣ то звенять,
 Въ воздухъ таютъ, и вновь возрастаютъ.
 Летятъ съ цвѣтовъ уноительный ядъ.

То не жасминъ, не фіалки, не розы,
 То не застѣнчивыхъ ландышей цвѣтъ,
 То не душистый восторгъ туберозы,—
 Этимъ растеньямъ названія нѣтъ.

Только влюбленнымъ дапо ихъ увидѣть,
 Съ ними душою весь міръ позабыть,
 Тѣмъ, что не могутъ другъ друга обидѣть,
 Тѣмъ, что умѣютъ ласкать и любить.

Знай же, о, счастье, любовь золотая,
 Если тебя я забыться молю,
 Это—дыханье прозрачнаго Мая,
 Это—тебя я всѣмъ сердцемъ люблю.

Если видѣнья въ душѣ пролетаютъ,
 Если ты жаждешь и ждешь Красоты,—
 Это вблизи гдѣ-нибудь расцвѣтаютъ,
 Гдѣ-нибудь дышутъ—ночные цвѣты.

XXVI.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Легкій вѣтеръ прismsирѣлъ,
 Вечеръ блѣдный догорѣлъ,
 Съ неба звѣздные огни
 Говорить тебѣ: „Усни!“
 Не страшись передъ Судьбой,
 Я какъ няня здѣсь съ тобой
 Я, какъ няня здѣсь пою:
 „Баю-баюшки-баю“.

Тотъ, кто знаетъ скорби гнеть,
 Темной ночью отдохнетъ,
 Все, что дышетъ на Землѣ,
 Сладко спитъ въ полночной мглѣ,
 Дремлютъ птички и цвѣты,
 Отдохни, усни и ты,
 Я всю ночь здѣсь проною:
 „Баю-баюшки-баю“.

XXVII.

* * *

Засвѣтилася лампада
 Предъ иконою святой.
 Миръ далекій, миръ-громада,
 Отлетѣлъ, какъ сонъ пустой.

Мы въ тиши уединенной.
 Часъ, когда колокола
 Будятъ воздухъ полусовный,
 Часъ, когда прозрачна мгла.

Ласка этой мглы вечерней
 Убаюкиваетъ взглядъ,
 И уколы жгучихъ терній
 Сердце больше не язвить.

Помолись въ тиши безмолвной
 Предъ иконою святой,
 Чтобы миръ, страданьемъ полный,
 Вспыхнулъ новою мечтой.

Помолись со мной, родная,
 Чтобы жизнь свѣтлѣй прошла,
 Чтобы насъ стези земная
 Вмѣстѣ къ гробу привела.

Надъ пучиной неизвѣстной
 Пусть мы склонимся вдвоемъ,
 Пусть чудесный гимнь небесный
 Вмѣстѣ Богу мы споемъ.

XXVIII.

ЛУННЫЙ ЛУЧЬ.

Я лунный лучь, я другъ влюбленныхъ.
 Сбѣпивъ вечернюю зарю,
 Я ночью ласково горю,
 Для всѣхъ, безумьемъ озаренныхъ,
 Полуживыхъ, неутоленныхъ;
 Для всѣхъ тоскующихъ, влюбленныхъ,
 Я свѣтомъ сказочнымъ горю,
 И о восторгахъ полусонныхъ
 Невнятной рѣчью говорю.

Мой свѣтъ скользить, мой свѣтъ змѣится,
 Но я тебѣ не измѣню,
 Когда отдашься ты огню,
 Тому огню, что не дымится,
 Что въ тѣсной комнатѣ томится.
 И все сильнѣй горѣть стремится—
 Наперекоръ иѣмому дню.
 Тебѣ, въ чьемъ сердцѣ страсть томится,
 Я никогда не измѣню.

XXIX.

* * *

Предъ разсвѣтомъ дремлютъ воды,
 Дремлетъ сумракъ молчаливый,
 Ликъ застычивой Природы
 Дышетъ ласкою стыдливой.

Но постой—вдали зажгутся,
 Вспыхнутъ полосы огня,
 Воды шумно разольются,
 И сверкая, и звени.

Такъ и ты молчишь безстрастно,
 Нѣтъ въ душѣ твоей порыва,
 Ты застычиво-прекрасна,
 Ты чарующе-стыдлива.

Но настанетъ пробужденье,
 Новымъ чувствомъ испыхнетъ взглядъ,
 „Возрожденье! Возрожденье!“
 Струны сердца зазвонятъ.

XXX.

ЭЛЬЗИ.

Эльзи! Красавица горной Шотландіи!
 Я люблю тебя, Эльзи!

Лунный лучъ проскользнулъ черезъ высокое окно.
 Лунный ликъ потерялся за сѣтью развѣсистыхъ елей.
 Какъ прекрасна полѣночный часъ!
 Какъ прекрасна любовь въ тишинѣ полуплчи!

Эльзи, слушай меня.

Я тебѣ пашенчу мимолетныя чувства,
 Я тебѣ пашенчу гармоничныя думы,
 Какихъ ты не знала до этой минуты, вдали отъ меня,
 Не знала, когда надъ тобою шептались,
 Родимыя сосны далекой Шотландіи.
 Не дрожи и не бойся меня.
 Моя любовь воздушна, какъ весеннее облачко,
 Моя любовь пѣжна, какъ колыбельная пѣсня.

Эльзи, какъ случилось, что мы съ тобою вдвоемъ?

Здѣсь, среди Скандинавскихъ скалъ.
 Насъ ничто не потревожить.
 Никто не напомнить мнѣ
 О печальной Россіи,
 Никто не напомнить тебѣ
 О туманной Шотландіи.
 Въ этотъ часъ лунныхъ лучей и лунныхъ мечтаний
 Мы съ тобою похожи на двухъ безтѣлесныхъ эльфовъ,
 Мы какъ будто летимъ все выше и выше,—
 И нѣтъ у меня родины, кромѣ тебя,
 И нѣтъ у тебя родины, кромѣ меня.

Какъ странно спутался пряди
 Твоихъ золотистыхъ волосъ,
 Какъ странно глядятъ
 Твои глубокіе и темные глаза!
 Ты молчишь, какъ русалка.
 Но много говорить мнѣ
 Твое стыдливое молчаніе.
 Знойныя ласки сказали бы меньше.
 И зачѣмъ намъ ласки,

Когда мы переполнены счастьемъ,
 Когда сквозь окно
 Для насъ горять своими снѣгами высоты Рондана,
 И смутное эхо
 Вторить далекому говору
 Сѣдыхъ водопадовъ,
 И угрюмый горный король
 Своей тяжелой стопою будить уснувшія ели.

Я не сжимаю твоей руки въ моей рукѣ,
 Я не цѣлую твоихъ губъ.
 Но мы съ тобою два цвѣтка одной и той же вѣтви,
 И наши взоры говорятъ на такомъ языкѣ,
 Который вшитъ только нашимъ душамъ.

Хочешь,—разскажу тебѣ старую сагу.
 Хочешь,—спою тебѣ пѣсню.
 Здѣсь, подь Сѣвернымъ небомъ,
 Я противъ воли дѣлаюсь скальдомъ,
 А скалды,—ты знаешь,—
 Могли пѣть свои пѣсни каждый мигъ.
 Будь же моей Торбѣргъ Кольбрувъ,
 Будь моей вдохновительницей.
 Смотри, передь тобою твой—твой пѣвецъ,
 Тормодъ Кольбрунарскальдъ.

Ужъ и слышу звуки незримыхъ голосовъ,
 Трепеталье струны нездѣвней арфы.
 Пусть будетъ моя пѣсня воздушна, какъ чувство любви,
 Легка какъ шелестъ камышей,
 И если въ ней будетъ
 Хоть капли того яда,

Эльзи, Эльзи, я здѣсь, я съ тобой!
 Я люблю тебя!—
 Эльзи!

XXXI.

* * *

Въ стыдливости нѣмой есть много красоты:
 Полурасцвѣтшіе цвѣты
 Внушаютъ намъ любовь и нѣжное участие,
 И дѣвственной Луны плѣнительна мечта.

Но есть иная красота:
 Души влюбленной сладострастье.
 Предъ этой чудной выпышкой счастья
 Полубожественнаго сна,
 Стыдливость чуть горитъ воспоминаньемъ блѣднымъ,
 Какъ потускнѣвшая Луна
 Предъ Солнцемъ пышнымъ и побѣднымъ.

XXXII.

НЕПОПРАВИМОЕ.

М. А. Дурново.

Прекрасенъ полуночный часъ для любовныхъ свиданій,
 Ужасенъ полуночный часъ для бездомныхъ тѣней.
 Какъ сладко блаженство объятій и страстныхъ рыданій,
 И какъ безутѣшна печаль о возможномъ несбывшихся дней!
 Прекрасенъ полуночный часъ для любовныхъ свиданій.

Земля не устанеть любить, и любить безъ конца.
 Промчатся столѣтъя и будутъ мгновеньемъ казаться,
 И горькія слезы польются, польются съ лица,
 И тотъ не устанеть рыдать, кто любви былъ безсилецъ отдаться,
 А мѣръ будетъ вѣчно любить, и любить безъ конца.

Франческа, Паоло, воздушныя нежныя тѣни,
 Вы свято любили, и свѣтитъ вамъ нежность въ Аду.
 Но горе тому, кто замедлил на первой ступени,
 Кто ввѣрится спамъ не посмѣлъ и всю жизнь протомился въ бреду.
 Франческа, Паоло, въ несчастіи счастливыя тѣни!

XXXIII.

* * *

Тебя я хочу, мое счастье,
 Моя неземная краса!
 Ты—Солнце во мракѣ кенастыя,
 Ты—жгучему сердцу роса!

Любовью къ тебѣ окрыленный,
 Я брошусь на битву съ судьбой.
 Какъ колосъ, грозой опаленный,
 Склонюся я во прахъ предъ тобой.

За сладкій восторгъ упоенья
 Я жизнью своей заплачу!
 Хотя бы цѣной преступленья—
 Тебя я хочу!

XXXIV.

* * *

Быль покинуть очагъ. И скользящей стопой
На морскомъ берегу мы блуждали съ тобой.

Въ Небесахъ передъ нами сверкала Скорпионъ,
И преступной любви ослѣпительный сонъ

Очаровывалъ насъ все полнѣй и нѣжнѣй
Красотой содрогавшихся яркихъ огней.

Сколько таинства было въ полночной тини!
Сколько смѣлости въ мощномъ размахѣ души!

Цѣлый мѣръ задремалъ, не вставала волна,
Намъ никто не мѣшалъ вынуть чашу до дна.

И какъ будто надъ нами виталъ Серафимъ,
Покрывалъ насъ крыломъ бѣлоспѣжнымъ своимъ.

И какъ будто съ Небесъ чуть послышался зовъ,
Чуть послышался зовъ неземныхъ голосовъ.

„Нѣтъ грѣха въ тѣхъ сердцахъ, что любовь пьютъ до дна,
Гдѣ любовь глубока—глубока и полна.

„Если жь стынетъ очагъ, пусть остынетъ совѣсьмъ,
Тотъ, въ комъ чувство молчать, пусть совѣсьмъ будетъ нѣмъ“.

И отъ прошлаго прочь шли мы твердой стопой,
Уходили все дальше, и дальше съ тобой.

Въ Небесахъ потускнѣлъ, поблѣднѣлъ Скорпіонъ,
И пурпурной зарей былъ Востокъ напоенъ.

И пурпурной зарей озарился весь міръ:
Просвѣтленной любви онъ привѣтствовалъ ниръ.

XXXV.

Я ЖДУ.

Ужь ночь закигаетъ лампы
Предъ ликомъ пресвѣтлымъ Творца,
Нѣбителенъ ронотъ прохлады,
И водная даль—безъ конца.

Мечта напѣваетъ мнѣ, вторя:
„Мой милый, желанный... Приду!“
Надъ синею влагою Моря,
Въ ладѣ легкокрылой я жду.

Я жду, и заветное слово
„Люблю“ повторяю, любя,
И все, что есть въ сердцѣ святого,
Зоветь, призываетъ тебя.

Приди, о, любовь золотая,
Простигая съ добромъ и со зломъ,
Все Море отъ края до края
Измѣряемъ быстрымъ весломъ.

Умчимся съ тобой въ безконечность,
 Къ дворцу сверхземной Красоты,
 Гдѣ мигъ превращается въ вѣчность,
 Гдѣ „я“ превращается въ „ты“.

Хочу несказанныхъ мгновений,
 Восторговъ безумно святыхъ,
 Признаній, любви, пѣснопѣній
 Нетронутыхъ струнь золотыхъ.

Тебѣ я отдамъ безвозвратно
 Весь пылъ вдохновенной души,
 Чѣмъ жизнь какъ цвѣтокъ ароматна,
 Что дышетъ грядущимъ въ тиши.

Съ тобою хочу я молиться
 Свѣтлзамъ нездѣшной страны,
 Обняться, смѣшаться, и слиться
 Съ тобой, какъ съ дыханьемъ Веспы.

Съ тобою какъ призракъ я буду,
 Какъ тѣнь за тобою пойду,
 Всегда, неизмѣнно, повсюду...
 Я жду!

МЕЖДУ НОЧЬЮ И ДНЕМЪ

Immer weiter...

Goethe

I.

* * *

Восходящее Солнце, умирающій Мѣсяцъ,
 Каждый день я люблю васъ и жду.
 Но сильнѣе, чѣмъ Мѣсяцъ, и нѣжнѣе, чѣмъ Солнце,
 Я люблю Золотую Звѣзду.

Ту звѣзду золотую, что мерцаетъ стыдливо
 Въ предразсвѣтной мистической мглѣ,
 И въ молчаньи вечернемъ, холодна и прекрасна,
 Посылаетъ сіяніе Землѣ.

Тѣмъ, кто днемъ утомился я враждой и заботой,
 Этотъ блескъ о любви говоритъ,
 Для того, кто во мракѣ тосковалъ безпросвѣтно,
 Онъ съ высотъ упованьемъ горитъ.

Оттого такъ люблю я ту Звѣзду-Чаровницу:
 Я живу между ночью и днемъ,
 Отъ нея мое сердце научилося брезжить
 Не побѣднымъ, но нѣжнымъ огнемъ.

II.

ДАНТЕ.

видѣние.

Пророкъ, съ душой восторженной поэта,
 Чуждавшейся малѣйшей тѣни зла,
 Одинъ, въ ночной тиши, вдали отъ свѣта,
 Молился онъ,—и Тѣнь къ нему пришла.

Святая Тѣнь, которую увидѣть
 Здѣсь на землѣ немногимъ суждено.
 Тѣмъ избраннымъ съ ней говорить дано,
 Что могутъ безкорыстно ненавидѣть
 И быть всегда—съ Любовью заодно.

И долго Тѣнь безмолвіе хранила,
 На Данте устремивъ пылливый взоръ.
 И вотъ, вздохнувъ, она заговорила,
 И вздохъ ея рѣчей звучалъ уныло,
 Какъ вѣтра шумъ среди угрюмыхъ горъ.

„Зачѣмъ зовешь? Зачѣмъ меня тревожишь?
 Тебѣ одно могу блаженство дать,
 Ты молодъ, ты понять его не можешь:
 Блаженство за другихъ душой страдать.
 „Тотъ путь суровъ. Пустынею безлюдной
 Среди песковъ онъ странника ведетъ.
 Достигнетъ ли изгнанникъ цѣли чудной,—
 Иль не дойдя беспильно упадетъ?
 „Осмѣиный глухой толпой людскою,
 Ты станешь ненавидящихъ любить,
 Питаться будешь пламенной тоскою,
 Ты будешь слезы собственные пить.
 „И холодна, какъ ледъ, людская злоба!
 Пытался тщетно цѣни тьмы порвать,
 Какъ ложа ласкъ, ты будешь жаждать гроба,
 Ты будешь смерть, какъ друга, призывать!“

И отвѣчалъ мечтатель благородный:
 „Не страшень мнѣ бездушной злобы ледъ,
 Любовью я согрѣю мракъ холодный.
 Я въ путь хочу! Хочу идти впередъ!“

И долго Тѣнь безмолвіе хранила,
 Печальна и страдальчески-блѣдна.
 И въ Небесахъ, изъ темныхъ тучъ, уныло
 Взошла кроваво-красная Луна.

И говорила Тѣнь:

„Себя отринуть,
 Себя забыть—избраннику легко.
 Но тѣхъ, съ кѣмъ жизнь свизалъ, навѣкъ покинуть,
 Отъ нихъ уйти куда-то далеко,—
 Навѣкъ со всѣмъ, что дорого разстаться,
 Оставить свой очагъ, жену, дѣтей,
 И много дней, и много лѣтъ скитаться,
 Въ чужой странѣ, среди чужихъ людей,—
 Какая скорбь! И ты ее узнаешь!
 И пусть тебѣ отчуждена дорога,
 Пусть ты ее, любя, благословляешь,
 Она тебя отвергнетъ, какъ врага!
 Придетъ ли день, ты будешь жаждать ночи,
 Придетъ ли ночь, ты будешь ждать утра,
 И всюду зло, и нѣтъ нигдѣ добра,
 И скрыть нельзя заплаканныя очи!
 И ты поймешь, какъ горекъ хлѣбъ чужой,
 Какъ тяжелы чужихъ домовъ ступени,
 Поднимешься—въ борьбѣ съ самимъ собой,
 И внизъ пойдешь—своей стыдися тѣни.
 О, ужасъ, о, мучительный позоръ:
 Выпрашиваетъ милостыню—Геній!“

И Данте отвѣчалъ, потупя взоръ:
 „Я принимаю бремя всѣхъ мученій!“

.

И Тѣнь его отмѣтила перстомъ,
И вдругъ ушла, въ беззвучіи рыдая,
И Данте въ путь пошелъ, изнемогая
Подъ никому невидимымъ крестомъ.

III.

ПОГИБШИИ.

два отрывка изъ поэмы.

1.

Ужь ночь. Калитка заперта.
Аллея длинная пуста.

Окованъ блѣдною Луной,
Весь паркъ уснулъ во мглѣ ночью.

Весь паркъ не шелохнетъ листомъ.
И заколдованъ старый домъ.

Могильны окна, лишь одно
Мерцаемъ свѣчь озарено.

Не спать—изгнанникъ средь людей,—
И мысли другъ,—и врагъ страстей.

Онъ въ часъ любви, облятій, снова
Читаетъ книги мудрецовъ.

Онъ слышитъ, какъ плыветъ Луна,
Какъ дышетъ, шепчетъ тишина.

Онъ видитъ въ мѣрѣ мѣрѣ иной,
И въ немъ живетъ онъ часъ ночной.

Тотъ мѣрѣ—лишь въ немъ, и съ нимъ умереть,
Въ томъ мѣрѣ свѣточъ онъ беретъ.

То бѣглый свѣтъ, то краткій свѣтъ,
Но для него забвенья нѣтъ.

2.

Помогите! помогите! Я одинъ въ почвой тиши.
Цѣлый мѣрѣ пошу я въ сердцѣ, по со мною ни души.

Для чего кровавымъ потомъ обагрется чело?
Какъ мнѣ тяжело! Какъ мнѣ душно! Вѣковое давить зло!

Помогите! помогите! Но никто не впемлетъ мнѣ.
Только звѣзды, улыбаясь, чуть трепещутъ въ вышинѣ.

Только ликъ Луны мерцасть, да въ саду, среди вершинъ,
Шепчетъ Вѣтеръ перелетный: Ты одинъ—одвиъ—одвиъ.

IV.

ТРИ СОНЕТА.

I. вонгось.

Меня плѣняетъ все: и свѣтъ, и тѣни,
И тучи мракъ, и красота цвѣтка,
Упорный трудъ, и нѣга тихой лѣни,
И бурный громъ, и шопоть ручейка.

И быстрый бѣгъ обманчивыхъ мгновений,
 И цѣпь событій, длищихся вѣка;
 Во всемъ слѣды таинственныхъ вѣдній,
 Во всемъ видна Создателя рука.

Лишь одного постичь мой умъ не можетъ:—
 Зачѣмъ Господь въ борьбѣ намъ не поможетъ,
 Не сниметъ съ насъ терноваго вѣнца?

Зачѣмъ Онъ создалъ смерть, болѣзнь, страданье,
 Зачѣмъ Онъ далъ намъ жгучее желанье—
 Грѣшить, роптать, и проклинать Творца?

2. откликъ.

Кто тамъ вздыхаетъ въ нѣдрахъ темной бездны?
 Чьи слезы льются скорбно по лицу?
 Кто шлетъ свой крикъ бессильный въ мѣръ надзвѣздный,
 Зывая святотатственно къ Творцу?

Богохуленныя ропотъ безолезный,
 Слова упрека, отъ дѣтей къ отцу.
 Пойметъ ли человекъ законъ желѣзный:—
 Безъ вѣчныхъ мукъ пришелъ бы мѣръ къ концу.

Ужели маловѣрнымъ непонятно,
 Что правда—только въ образѣ Христа?
 Его слова звучать свѣтло и внятно.

„Я—жизни смыслъ, печаль и красота...
 „Къ блаженству Я пришелъ стезей мученья...
 „Смерть побѣдилъ Я свѣтомъ отреченья...“

3. Библия.

Въ тиши полуразрушенной гробницы
 Намъ истина является на мигъ.
 Передо мной заветныя страницы,
 То Библия, святая книга книгъ.

Людьми забытый, сладостный родинкъ,
 Текущій близъ покинутой станицы.
 Въ раздумьи вокругъ него, склонивъ свой ликъ,
 Былыхъ вѣковъ столпились вереницы.

Я вижу узелъ жизни—строгий долгъ—
 Въ суровомъ Пятикнижьи Моисея;
 У Соломона, эллина-еврея,

Любовь и жизнь одѣты въ яркій шелкъ;
 Но Ювъ жизнь клянетъ, клянетъ, блѣднѣя,
 И этотъ стонъ донынѣ не умолкъ.

V.

*
 * * *

О, только бы знать, что могу я молиться,
 Что можно молиться, кому я молюсь!
 О, только бы въ мысляхъ, въ желаніяхъ саяться
 Съ тѣмъ чистымъ, къ чему я такъ жадно стремлюсь!
 И что мнѣ лишенья, и что мнѣ страданья,
 И что мнѣ рыдающихъ струй трепетапья,—
 Пусть буду я ждать и томиться года,
 Безумствовать, падать во тѣмѣ испытанья,—

Но только бы вѣрить всегда,
 Но только бы видѣть изъ бездны преступной,
 Что тамъ, надо мной, въ высотѣ недоступной,
 Горить—и не меркнетъ Звѣзда!

VI.

* * *

Свѣча горить и меркнетъ и вновь горить сильнѣй,
 Но меркнетъ безвозвратно сіянье юныхъ дней,
 Горн же, разгорайся, пока еще ты юнъ,
 Сильнѣй, полнѣй касайся сердечныхъ звонкихъ струнъ.
 Чтобъ было что припомнить на склонѣ трудныхъ лѣтъ,
 Чтобъ старости холодной свѣтиль нетлѣнный свѣтъ—
 Мечтаній благородныхъ, порывовъ молодыхъ,
 Безумныхъ, но прекрасныхъ, безумныхъ—и святыхъ.

VII.

НАДГРОВНЫЕ ЦВЕТЫ.

Среди могилъ неясный шопоть,
 Неясный шопоть вѣтерка.
 Печальный вздохъ, тоскливый ропоть,
 Тоскливый ропоть ивыяка.

Среди могилъ блуждаютъ тѣни
 Усопшихъ дѣдовъ и отцовъ,
 И на церковныя ступени
 Восходятъ тѣни мертвецовъ.

И въ дверь церковную стучатся,
Они стучатся до зари,
Пока вдали не загорятся
На небѣ блѣдномъ янтари.

Тогда, понявъ, что жизнь мигутна,
Что безуспѣшна ихъ борьба,
Рыдая горестно и смутно,
Они идутъ въ свои гроба.

Вотъ почему подь утро блещуть
Цвѣты надъ темною плитой:
Въ нихъ слезы горькія тренещуть
О жизни—жизни прожитой.

VIII.

ИЗЪ-ПОДЪ СЪВЕРНАГО НЕБА.

Изъ-подъ сѣвернаго неба я ушелъ на свѣтлый Югъ.
Гдѣ звучитъ поцѣлуй, гдѣ пышный цвѣтущій лугъ.
Я хотѣлъ забыть о смерти, я хотѣлъ убить печаль,
И умчался беззаботно въ неизвѣданную даль.

Отчего же здѣсь на Югѣ мнѣ мерещится митель,
Спятся снѣжные сугробы, тусклый мѣсяцъ, сосны, ель?
Отчего же здѣсь на Югѣ, гдѣ широкъ мечты полетъ,
Мнѣ такъ хочется увидѣть воды, убранныя въ ледъ?

Да, не понялъ я, не понялъ, что съ тоскливою душой
Не должны мы вдаль стремиться, въ край волшебный и чужой!
Да, не понялъ я, не понялъ, что родимая печаль
Лучше, выше, и волшебнѣй, чѣмъ чужбины ширь и даль!

Полнымъ слезъ, туманнымъ взоромъ я вокругъ себя гляжу,
 Съ обольстительнаго Юга вновь на Сѣверъ ухожу.
 И какъ узникъ, полюбившій долгодѣтній мракъ тюрьмы,
 Я отъ Солнца удаляюсь, возвращаясь въ царство тьмы.

IX

БОЛЬНОЙ.

Ахъ, мнѣ хотѣлось бы немножко отдохнуть!
 Я такъ измучился, мнѣ въ тягость всѣ заботы,
 И ждать, надѣяться—нѣтъ силъ и нѣтъ охоты,
 Я слишкомъ долго жилъ, мнѣ хочется уснуть.
 Вотъ видишь, я усталъ. Я жилъ еще немного,
 Но слишкомъ долго жилъ: Мой день длиннѣй, чѣмъ годъ.
 Я столько зналъ тоски, я столько зналъ невзгодъ,
 Что безконечною мнѣ кажется дорога,—
 Дорога прошлаго. Еще одна ступень,
 Еще ступень, еще... И вотъ слабѣютъ силы,
 И тѣни прошлаго мнѣ болѣе не милы,
 И ночь заманива, и ненавистенъ день...
 Успуть, навѣкъ уснуть! Какое наслажденье!
 И развѣ смерть страшнѣе? Жизнь во сто кратъ страшнѣй.
 Всего несноснѣй цѣль минутъ, часовъ, и дней,
 Ужасно правды ждать и видѣть заблужденье,
 И пылъ своей души безцѣльно расточать,
 Жить въ неизвѣстности мучительной и страшной,
 И вѣчно раздражать себя мечтой обманной,
 Чтобы тотчасъ же ее съ насмѣшкой развѣичать.
 Но ты не сердись? Я жалуясь, тоскую...
 Ну, нѣтъ, конечно нѣтъ... Я знаю, ты добра,
 О, запоздалая, о, вѣжная сестра!

Дай руку мнѣ свою.. вотъ такъ... я поцѣлую,
 Я буду цѣловать всѣ пальчики твои,—
 Ты знаешь, никогда мнѣ счастье не смѣялось,
 И въ дѣтствѣ надо мной ни разу не склонилось
 Родимое лицо съ улыбкою любви.
 Но около тебя я полночь чѣмъ-то повывмъ,
 Мнѣ кажется, что я отъ горя отдохнулъ;
 Вотъ если бы еще немножко я уснулъ,
 Съ постели я бы всталъ совсѣмъ-совсѣмъ здоровымъ...
 А если я умру? Ты каждую весну
 Въѣдъ будешь приходить поплакать у могилы?
 Ахъ, какъ-то странно мнѣ... Совсѣмъ теряю силы...
 Послушай, не сердись... Я... кажется... уеду!

X.

МОРОЗНЫЕ УЗОРЫ.

Бьютъ часы. Бѣгутъ мгновения.
 Вечеръ вснихнулъ и погасъ.
 И настойчивы мучены
 Въ этотъ поздній горькій часъ.
 Лучъ Луны кладетъ узоры
 На морозное стекло.
 Сердца трепетные взоры
 Ищутъ правды, видятъ зло.
 Нетъ отрады, нетъ привѣта
 Выѣ Земли и на Землѣ,
 Въ царствѣ солнечнаго свѣта,
 И въ холодной лунной мглѣ.
 Миръ молчитъ, а сердце внемлетъ,
 Мчатся годы и вѣка,

Не заснетъ и не задремлетъ
 Неустанная тоска.
 Въ Небесахъ плывутъ Свѣтила
 Безутѣшной чередой,
 И безсмыслино и уныло
 Тучи стелются грядой.
 Зло съ добромъ, печаль съ мечтою
 Нераздѣльная семья,
 И безцѣльной Красотою
 Всныхнулъ свѣточъ Бытія.
 И какъ будто кто-то топеть
 Въ этой безднѣ міровой,
 Кто-то плачетъ, кто-то стонетъ
 Полумертвый, но живой.
 И бѣгутъ, бѣгутъ мгновенья,
 Новый вечеръ вповѣь погасъ,
 И настойчивы мученья
 Въ этотъ поздній горькій часъ.
 И напрасно ищутъ взоры
 Разгадать добро и зло.
 И Луна кладетъ узоры
 На морозное стекло.

XI.

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ.

Мѣсяца не видно. Свѣтитъ Млечный Путь.
 Голову сѣдую свѣсивши на грудь,
 Спятъ ямщикъ усталый. Кони чуть идутъ.
 Звѣзды межъ собою разговоръ ведутъ.
 Звѣзды золотыя блещутъ безъ конца.
 Звѣзды прославляютъ Господа Творца.

„Господа“, спросонокъ прошепталъ ямщикъ,
И, крестясь, зѣваетъ, и опять поникъ.
И опять склонилъ онъ голову на грудь.
И скрипять полозья. Убѣгаетъ путь.

ХП.

НЕСКОНЧАЕМЫЙ КОШМАРЪ.

Едва-едва горятъ мерцающе
Пустынной гаснущей Луны,
Среди безбрежной тишины,
Среди бездоннаго молчанья.
Иду одинъ... Вездѣ снѣга,
Снѣга и льды, и воздухъ мертвый,
Надъ мертвымъ царствомъ распростертый.
Пустыни свѣтлой берега
Вдали рисуются туманно;
На нихъ гигантскіе цвѣты,
Въ расцвѣтѣ блѣдной красоты,
Встаютъ и гаснутъ безпрестанно.
Бросаю къ Небу тусклый взоръ
И тамъ не вижу тверди синей:
Тамъ блѣдный, бѣлый, мертвый иней
Сплелся въ нависнувшій соборъ.
Иду... Пространству нѣтъ предѣла!
И въ этой страшной тишинѣ
Моя шаги не слышны мнѣ.
Мое замерзнувшее тѣло
Бѣжитъ впередъ, скорѣй, скорѣй,—
Гонимо жаждою белцѣльной,

Възять въ пустынь безпредѣльной.
 И тѣни собственной моей
 Не вижу въ этомъ бѣгѣ вѣчномъ,—
 И лишь гигантскіе цвѣты,
 Какъ вѣчныхъ спѣжныхъ горъ хребты,
 Растутъ въ пространствѣ безконечномъ!

XIII.

НЕБЕСНАЯ РОСА.

День погасъ, и ночь пришла.
 Въ черной тьмѣ душа свѣтла.
 Въ смерти жизнь, и таетъ смерть.
 Неба гаснущая твердь
 Новой вспыхнула красой:
 Тамъ серебряной росой,
 Въ самой смерти жизнь любя,
 Ночь уснула себя.
 Ходятъ Ангелы во мглѣ,
 Слезы счастья шлеть землѣ,
 Славятъ свѣтлаго Творца,
 Любить, любить безъ конца.

XIV.

* * *

Ночью мнѣ видѣлся Кто-то таинственный,
 Тихо склонялся Онь, тихо шепталъ;
 Лучшей надеждою, думой единственной,
 Свѣтомъ нездѣвшимся во мнѣ трепеталъ.

Ждалъ меня, звалъ меня долгими взорами,
 Къ небу родимому путь открывалъ,
 Гимны оттуда звучали укорами,
 Сонъ позабытый все ярче вставалъ.

Что отъ незримыхъ очей заслонялося
 Тканью тѣлесною, грезами дня,
 Все это съ ласкою пѣжной склонялося,
 Выше и выше манило меня.

Пали преграды, и сладкими муками
 Сердце воскресшее билось во мнѣ,
 Тѣни вставали и таили звуками,
 Тѣни къ родимой влекли сторонѣ.

Звали Эдема воздушные жители
 Въ царство, гдѣ Роза цвѣтеть у Креста.
 Вотъ ужъ я съ ними... въ ихъ тихой обители...
 „Гдѣ же я медлил?“—шептали уста.

XV.

ПОСЛѢДНЯЯ МЫСЛЬ ПРОМЕТЕЯ.

Благородному борцу

Петру Федоровичу Николаеву.

Вдали отъ блеска дня, вдали отъ шума,
 Я жилъ не годъ, не два, а сотни лѣтъ.
 Тюремщикъ злой всегда молчалъ угрюмо,
 Опъ мнѣ твердилъ одно лишь слово:—„Нѣтъ“.
 И я забылъ, что въ мнѣ дышетъ свѣтъ,
 И я забылъ, что значать звуки смѣха,

Я ждалъ—чего-то ждалъ—хоть новыхъ бѣдъ.

И мнѣ одна была дана утѣха:—

Крича, будить въ тюрьмѣ грохочущее эхо.

Въ умѣ вставали мысли прежнихъ дней,

И гасли вновь, какъ бѣглыя зарницы,

Какъ проблески блуждающихъ огней,

Какъ буквы строкъ сжигаемой страницы

И вмѣсто нихъ тянулись вереницы

Насмѣшливыхъ кроваво-смутныхъ сновъ;

Какъ хищныя прожорливыя птицы,

Какъ полчища уродливыхъ враговъ,

Неслись они ко мнѣ на звонъ моихъ оковъ.

И все же въ этой черной тьмѣ изгнанья

Зажегся блескъ, зажегся, наконецъ;

Кипучія и жгучія страданья

Взлелѣяли сверкающей вѣнецъ,

И первый лучъ смѣялся, какъ гонецъ

Моей весны, душистаго разсвѣта;

Со вздохомъ я привѣтствовала конецъ

Ночной тоски въ пустынь безъ отвѣта,

И видѣла взглядъ любви, и слышала гулъ привѣта.

И вотъ я вновь живу среди людей,

Подъ Солнцемъ ослѣпительно-лучистымъ.

И вижу я дѣтей моихъ дѣтей,

Внимаю въ полдень птичкамъ голосистымъ,

Роптанью травъ, струямъ кристально-чистымъ.—

Но я опять вернулся бы въ тюрьму,

Къ уступамъ скалъ, безжизненнымъ и мгlistымъ,

Когда бы зналъ, что, выбравъ скорбь и тьму,

Я съ чьей-нибудь души тяжелый грѣхъ сплуну!

XVI.

НА МОТИВЪ ПСАЛМА XVIII-го.

Ночь ночи открываетъ знашье,
 Дню ото дня передается рѣчь.
 Чтобъ славу Господа непопранной сберечь,
 Возславить Господа должны Его созданья.

Все отъ Него—и жизнь, и смерть.
 У ногъ Его легли, простерлись бездны,
 О помыслахъ Его вѣщаетъ громко твердь,
 Во славу дѣлъ Его сіяетъ свѣточъ звѣздный.

Выходить Солнце-исполянъ,
 Какъ будто бы женихъ изъ брачнаго чертога,
 Смѣется свѣтлый ликъ луговъ, садовъ, долинь,
 Отъ края въ край небесъ плетъ его дорога.

Святъ, святъ Господь, Зилдатель мой!
 Передъ лицомъ Твоимъ разсѣялась забота.
 И сладостнѣй, чѣмъ медь, и слаще капель сота
 Единый жизни мигъ, дарованный Тобой!

XVII.

ВЪ БЕЗДОННОМЪ КОЛОДЦѢ.

Межъ стѣнъ отсырѣвшихъ, покрытыхъ грибами,
 Въ бездонномъ колодцѣ, на днѣ, глубоко,
 Мы ждемъ, притаившись, и дышемъ легко,
 И звезды въ Лазури сіяютъ надъ нами,—

Лучистыя звѣзды, горящія днемъ
 Для тѣхъ, кто умѣеть во тьму опускаться,
 Чтобъ въ царствѣ беззвучья полифе отдаться
 Мечтамъ, озареннымъ небеснымъ огнемъ.

Вдали отъ людского нестройнаго гула,
 Не видя, какъ скользкая плѣсень растетъ,
 Мечтой мы бѣжимъ все впередъ и впередъ.—
 Вселенная спомъ безмятежнымъ уснула.

И чище, чѣмъ свѣтъ суетливаго дня,
 Воздушный, чѣмъ звуки земныхъ испонившій,
 Средь звѣздъ пролетаетъ блуждающій Гений,
 На лютнѣ незримой чуть слышно звени.

И въ Небѣ какъ будто расторглась завѣса,
 Дрожать отъ восторженныхъ мукъ небосклонъ,
 Трепещуть Плеяды, блеститъ Оріонъ,
 И брезжитъ далекій огонь Геркулеса.

Силетаются звѣзды—и пскрятся днемъ
 Для тѣхъ, кто умѣеть во тьму опускаться,
 Для тѣхъ, кто умѣеть во тьмѣ отдаваться
 Мечтамъ, озареннымъ небеснымъ огнемъ.

XVIII.

* * *

И Сонъ и Смерть равно смежаютъ очи,
 Кладутъ предѣлы волненіямъ души,
 На смѣну дня приводятъ сумракъ ночи,
 Даютъ страстямъ заснуть въ нѣмой тиши.

И въ чьей груди еще живетъ стремленье,
 Къ тому свой взоръ склываетъ Ангелъ Сна,
 Чтобъ онъ узналъ блаженство пробужденя,
 Чтобъ за зимой къ нему пришла весна. /

Но кто постигъ, что вѣчный мракъ—отрада,
 Съ тѣмъ вступить Смерть въ союзъ любви живой,
 И отъ ея внимательнаго взгляда
 Къ страдальцу сонъ нисходитъ гробовой.

XIX.

НА МОТИВЪ ЭККЛЕЗИАСТА.

Родъ проходитъ и снова приходитъ,
 Бновъ къ истокамъ стекаются рѣки,
 Солнце всходитъ и Солнце заходитъ,
 А Земля пребываетъ вѣки.

Вѣетъ вѣтеръ отъ Сѣвера къ Югу,
 И отъ Юга на Сѣверъ стремится,
 И бѣжитъ онъ во мракъ по кругу,
 Чтобы снова подъ Солнцемъ кружиться.

Суета! Что премудрость и знанье!
 Намъ одно всё вѣка завѣщали:
 Тотъ, кто хочетъ умножить познанья,
 Умножаетъ тѣмъ самымъ печали.

Полдень жжетъ ослѣпительнымъ зноемъ,
 Ночь смиряетъ тѣмъ усыпленьемъ:
 Лучше горсть съ невозбранымъ покоемъ,
 Чѣмъ пригоршни съ трудомъ и томленьемъ.

Смѣхъ напрасель, забота сурова,
 И никто ничего не откроеть,
 И ничто здѣсь подъ Солицемъ не ново,
 Только Смерть—только Смерть успокоить!

XX.

ВОСКРЕСШІЙ.

Полузломанный, разбитый,
 Съ окровавленной головой,
 Очнулся я на мостовой,
 Лучами яркими облитой.

Зачѣмъ я бросился въ окно?
 Цѣною страшнаго паденья
 Хотѣлъ купить освобожденье
 Отъ узъ, наскучившихъ давно.

Хотѣлъ убить змѣю печали,
 Забыть позоръ погибшихъ дней...
 По пять воздушныхъ саженей
 Моехъ надеждъ не оправдали.

И вдругъ открылось мнѣ тогда,
 Что все, что сдѣлалъ я,—преступно.
 И было Небо недоступно,
 И высоко, какъ нивагда.

Въ себѣ унизивъ человѣка,
 Я отъ своей ушелъ стези,
 И вотъ лежалъ теперь въ грязи,
 Полурастоптанный калѣка.

И сквозь столичный шумъ и гуль,
 Сквозь этотъ грохотъ безучастный
 Ко мнѣ донесся звукъ неясный:
 Знакомый духъ ко мнѣ прильнулъ.

И смутный шопоть, замирая,
 Вдыхала чуть слышно надо мной,
 И былъ тотъ шопоть—звукъ родной
 Давно утраченнаго рая:—

„Ты не исполнилъ свой предѣлъ,
 Ты захотѣлъ успокоенья,
 Но нужно заслужить забвенье
 Самозабвеньемъ чистыхъ дѣлъ.

„Умри, когда отдашь ты жизни
 Все то, что жизнь тебѣ дала,
 Иди сквозь мракъ земного зла,
 Къ небесной радостной отчизнѣ.

„Ты обманулся самъ въ себѣ
 И въ той, что лезть теперь рыданья,—
 Но это мелкія страданья.
 Забудь. Служи иной судьбѣ.

„Душой отзывною страдая,
 Страдай за міръ, живи съ людьми
 И послѣ—мой вѣнецъ прими“...
 Такъ говорила тѣбѣ святая.

То Смерть-владычица была,
 Она явилась на мгновенье,

Дала мнѣ жизни откровенье
И прочь—до времени—ушла.

И новый, лучший день, алѣя,
Зажегся для меня во мглѣ.—
И прикоснувшись къ землѣ,
И встала съ могуществомъ Антея.

XXI.

* * *

Символь смерти, символъ жизни, бьетъ полночный часъ.
Чтобы новый день зажегся, старый день угасъ.

Содрогнулась почь въ зачатъи новыхъ бодрыхъ силъ,
И заплакавшыя тѣни вышли изъ могиль.

Лишь на краткія мгновенья мраку власть дана,
Чтобъ созрѣла возрожденья новая волна.

Каждый день понышѣ видимъ чудо изъ чудесъ,
Всходитъ Солнце, свѣтитъ міру, гонитъ мракъ съ Небесъ.

Мірѣ исполненъ восхищенья миллионы лѣтъ,
Видя тайну превращенья тьмы въ лучистый свѣтъ.

XXII.

* * *

Горящій атомъ, я лечу
Въ пространствахъ—сердцу лишь извѣстныхъ,
Остановиться не хочу,
Покорный жгучему лучу,

Который жметъ въ поляхъ небесныхъ
 Колосья мыслей золотыхъ
 И съ неба зерна посылаетъ,
 И въ этихъ зернахъ жизнь пылаетъ.
 Сверканье блескокъ молодыхъ,
 Огни для атомовъ мятежныхъ,
 Что мчатся, такъ же, какъ и я,
 Въ туманной мглѣ пустынь безбрежныхъ,
 Въ бездонныхъ сферахъ Бытія.

XXIII.

* * *

Да, я верю, да, я знаю: Въ этой жизни счастья нѣтъ.
 Счастье брезжить, какъ мерцанье умирающихъ планетъ.

Тамъ въ пространствахъ недоступныхъ, вѣчно полныхъ, тишины,
 Ярко дышутъ, ярко свѣтятъ Неба огненные сны.

Дышутъ стройныя Свѣтила, блещутъ только для себя,
 Къ намъ невольный свѣтъ бросаютъ, насъ, безвѣстныхъ, не любя

Милліоны, міриады нескончаемыхъ вѣковъ,
 Мы, отрпнутые, стоимъ. слыша звонъ своихъ оковъ.

Мы не знаемъ, гдѣ родится новой истины звѣзда.
 Нами правятъ два проклятыя: *Навсегда* и *Никогда*.

Навсегда въ предѣлахъ жизни, къ мнимой смерти мы вдемъ,
 И страданье намъ смѣется надъ обманчивымъ путемъ.

Къ намъ доходить свѣтъ небесный—въ часъ когда умереть звѣзда
 И съ живой душой обняться мы не можемъ никогда.

XXIV.

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ.

За краткій мигъ существованья
 Я сотни лѣтъ готовъ страдать,
 И новыхъ—новыхъ пытокъ ждать
 За эту сладость упованья,
 Что въ тусклой мглѣ небытія
 Зажгутся быстрою слезою
 Цвѣты, спаленные грозою,
 И брызнетъ звонкій всплескъ ручья,
 И сонъ любви, какъ призракъ, встанетъ,
 И вновь и вновь меня обманетъ
 Улыбкой блѣднаго лица,
 И крикъ души сквозь Вѣчность грянетъ
 Восторгомъ жгучимъ безъ конца!

XXV.

* *

За предѣлы предѣльнаго,
 Къ безднамъ свѣтлой Безбрежности!

Въ ненасытной мятежности,
 Въ жаждѣ счастья цѣльнаго,

Мы, воздушные, летимъ
 И помедлить не хотимъ.

И едва качаемъ крыльями.

Все захватимъ, все возьмемъ,
Жаднымъ чувствомъ обоймемъ!

Дерзкими усильями
Устремляясь къ высотѣ,
Дальше, прочь отъ грани тѣсной,

Мы домчимся въ мѣръ чудесный,
Къ неизвѣстной

Красотѣ!

Тишина

ЛИРИЧЕСКІЯ ПОЭМЫ

Есть нѣкій часъ всемірнаго молчанья

Тютчевъ

1897.—Зима.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Сонетъ.

Близъ пышной Мексики, въ предѣлахъ Аризоны,
 Межъ рудниковъ нашли скамьей лъвъ,
 Въ потухшемъ кратерѣ, идь скаты и уклоны
 Безмолвно говорятъ о дняхъ былыхъ чудесъ.

Предъ взоромъ пристальнымъ испала мѣла звѣздъ,
 И вотъ горитъ аметъ, сафиры, халмеды,—
 Въ тропическихъ лучахъ изълучей Аризоны
 Сквозь тьму времени возсталъ давно отжившій лъвъ.

Онъ былъ засыпанъ золью молучимъ слодомъ пыли,
 Стихійной вспышкой отторкнутъ отъ земли,
 Съ ея Созвѣдьями, Зорящими водами.

Но канули вѣки, и кратеры остыли,
 Скитальны бльдные владыками прили,—
 И новымъ сномъ зажались обломки дачей были.

МЕРТВЫЕ КОРАБЛИ

Прежде чѣмъ душа найдетъ возможность постигать и дерзнетъ припоминать, она должна соединиться съ Безмолвнымъ Глаголомъ,—и тогда для внутренняго слуха будетъ говорить Голосъ Молчанія.

Изъ Индійской Мудрости

МЕРТВЫЕ КОРАБЛИ.

1.

Между льдовъ затерты, спять въ тиши морей
 Остовы нѣмые мертвыхъ кораблей.
 Вѣтеръ быстролетный, тронувъ паруса,
 Прочь спѣшитъ въ испугѣ, мчится въ небеса.
 Мчится—и не смѣетъ бить дыханьемъ твердь,
 Всюду видя только—блѣдность, холодъ, смерть.
 Точно саркофаги, глыбистые льды
 Длинною толпою встали изъ воды.
 Блѣлый спѣгъ ложится, вьется надъ волной,
 Воздухъ заполняя мертвой бѣлизной.
 Вьются хлопья, вьются, точно стаи птицъ.
 Царству бѣлой смерти нѣтъ нигдѣ границъ.
 Что-жь вы здѣсь искали, выброски зыбей,
 Остовы нѣмые мертвыхъ кораблей?

2.

„На Полюсь! На Полюсь! Вѣжимъ, поспѣшимъ,
 И новыя тайны откроемъ!
 Тамъ, вѣрно, есть островъ—красивъ, недвижимъ,
 Окованъ плѣнительнымъ зноемъ!

„Намъ скучны предѣлы родимыхъ полей,
 Извѣданныхъ думъ и желаній.
 Мы жаждемъ качанья нѣмыхъ кораблей.
 Мы жаждемъ далекихъ скитаній.

„Въ безвѣстномъ—улада тревожной души,
Въ туманностяхъ маять зарницы.
И сердцу рокочуть приливы: „Спѣши!“
И дразнить свободныя птицы.

„Намъ вѣтеръ бездомный шепнулъ въ полуснѣ,
Что сбудутся наши надежды:
Для новаго Солида, въ цвѣтущей странѣ,
Проснувшись, откроемъ мы вѣжды.

„Мы гордо раздвинемъ предѣлы Земли,
Намъ свѣтитъ нашъ разумъ стоокій.
Плывите, плывите скорѣй, корабли,
Плывите на Полюсь далекій!“

3.

Солнце свершаетъ
Скучный свой путь.
Что-то мѣшаетъ
Сердцу вздохнуть.

Въ морѣ приливы
Шумно растутъ.
Мирныя нивы
Гдѣ-то цвѣтуть.

Пѣнясь, про нѣгу
Шепчетъ вода.
Гдѣ-то къ ночлегу
Гонять стада.

4.

Грусть утихаетъ:
 Съ другомъ легко.
 Кто-то вздыхаетъ—
 Тамъ—далеко.

Счастливъ, кто мирной
 Долей живетъ.
 Кто-то въ обширной
 Безднѣ плыветъ.

Нѣжная ива
 Спитъ и молчитъ.
 Гдѣ-то тоскливо
 Чайка кричитъ.

5.

„Мы плыли—все дальше—мы плыли,
 Мы плыли не день и не два.
 Отъ влажной крутящейся пыли
 Кружилась не разъ голова.

„Туманы клубились густые,
 Вставалъ и гудѣлъ Океанъ,—
 Какъ будто бы вѣдьмы сѣдыя
 Раскинули вражескій станъ.

„И туча бѣжала за тучей,
 За валомъ мятежился валъ.
 Встрѣчали мы островъ пловучій,
 Но онъ отъ очей ускользаль.

„И тамъ, гдѣ пѣзъ воднаго плѣна
 На мигъ возставали цвѣты,
 Крутилась лишь бѣлая цѣна,
 Сверкая среди темноты.

„И дерзко смѣялись зарницы,
 Манявшіи міромъ чудесь.
 Кружились зловѣщія птицы
 Подъ склепомъ пустынныхъ Небесъ.

„Буруны закрыли со стономъ
 Сверканье Полярной Звѣзды.
 И вотъ ужъ съ пророческимъ звономъ
 Идутъ, надвигаются льды.

„Такъ что-жь, и для насъ развернула
 Свой свитокъ сѣдыя печаль?
 Такъ, значить, и насъ обманула
 Богатая сказками даль?

„Мы отданы бѣлымъ пустынямъ,
 Мы тривну свершаемъ на льдахъ.
 Мы тонемъ, мы гаснемъ, мы стынемъ
 Съ проклятьемъ на блѣдныхъ устахъ!“

6.

Скрипя, бѣжитъ среди валовъ,
 Гигантскій гробъ, скелеть пловучій.
 Въ тѣлахъ обманутыхъ пловцовъ
 Изсякъ свѣтильникъ жизни жгучей.

Огромный остовъ корабля
 Въ пустынь Моря быстро мчится,
 Какъ будто гдѣ-то есть земля,
 Къ которой жадно онъ стремится.

За нимъ, скрипя, среди зыбей
 Несутся бѣшено другіе,
 И привидѣнья кораблей
 Тревожатъ области морскія.

И шепчутъ волны межъ собой,
 Что дальше ихъ пускать не надо,—
 И встала бѣлою толпой
 Спѣговъ и льдистыхъ глыбъ громада.

И пѣсни имъ надгробной пѣть,
 Бездушень міръ пустыни сонной,
 И только Солнца красный свѣтъ
 Горитъ, какъ факель похоронный.

7.

Да легкіе хлопья летаютъ,
 И беззвучную сказку повѣтъ,
 И бѣлыя ткани сплетаютъ,
 Созидають для Смерти пріютъ.

И шепчуть: „Мы—дѣти Ээира,
„Мы—любимцы нѣмой тишины,
„Враги безпокойнаго міра,
„Мы—пушистые чистые сны.

„Мы падаемъ въ синее Море,
„Мы по воздуху молча плывемъ,
„И мчимся въ безбрежномъ просторѣ,
„И къ покою другъ друга зовемъ.

„И вѣчно мы, вѣчно летаемъ,
„И не нужно намъ шума земли,
„Мы вьмемся, бѣжимъ, пропадаемъ,
„И летаемъ, и таемъ вдали...“

ИСКРЫ

И они отпали отъ Великаго Источника, и
падая зажглись невѣрнымъ свѣтомъ.

Изъ Лѣтописи Мира

ИСКРЫ.

1.

Туманъ ли собирается,
 Скрывая небосводъ,
 Звѣзда ли загорается
 Надъ лономъ синихъ водъ,—
 Безсмѣнно-однокая,
 Душа груститъ всегда,
 Душа души далека,
 Какъ для звѣзды звѣзда.

2.

Повсюду сказка блѣдная—
 Загадкой предо мной,
 Горитъ заря побѣдная,
 Смѣшается Луной,—
 Но вѣтъ отвѣта нѣжности,
 И гасну я безъ словъ,
 Затерянный въ безбрежности
 Тоскующихъ міровъ.

3.

Какъ медленно движеніе
 Томительныхъ часовъ!
 Какъ мало отраженія
 Въ обманѣ нашихъ словъ!

Какъ мало отраженія
 Негаснущихъ огней,
 Что дремлютъ безъ движенія
 За гранью нашихъ дней!

4.

За гранью отдаленною
 Безчисленныхъ свѣтилъ,
 За этой возмущенною
 Толпой живыхъ могилъ,
 Есть ясное Безвѣтріе
 Безъ плачущаго я.
 Есть свѣтлое Безвѣтріе
 Безъ жажды бытія.

5.

Но то не Смерть, печальная
 Владычица людей,
 Не пляска погребальная
 Надъ грудями костей.
 За гранями алмазными
 Ни вочи, ни утра.
 Ни зла съ его соблазнами,
 Ни тусклаго добра.

6.

Тамъ вѣчны сны блаженные
 Въ прозрачной мглѣ мечты,
 Тамъ вѣчны сокровенныя
 Видѣнья Красоты.

Нетленнымъ свѣтомъ нѣжности
Тамъ все озарено,
Тамъ счастье Безбрежности,
Гдѣ слито все въ одно.

7.

Зачѣмъ же, — духъ стремленія,
Въ разлукѣ съ Красотой, —
Я жажду отдаленія
Отъ родины святой!
Я — искра, отступившая
Отъ Солнца своего,
И Бога позабывшая,
Не знаю для чего!

ВОЗДУШНО-БѢЛЫЕ

I tell thee, when I pass away, it is to ten-
fold life, to love, to peace, and raptures holy
Unseen descending weigh my light wings upon
balmy flowers.

Blake

И говори тебѣ, — уходя, я лужу къ десяти-
теренной жизни, къ миру, къ любви, къ свя-
тымъ восхищеньемъ. Незримо нисходя, тяготѣ-
ють мои легкія крылья надъ бальзамическими
цвѣтами.

Блэкъ

I.

СНѢЖНЫЕ ЦВѢТЫ.

1.

Въ жаждѣ сказочныхъ чудесъ,
 Въ тихой жаждѣ словъ таинственныхъ,
 Я пришелъ въ полпочный лѣсъ,
 Я раздвинулъ ткань завѣсъ
 Въ храмъ Геніевъ единственныхъ.

Въ храмъ Геніевъ Мечты
 Слышу возгласы несмѣлые,
 То—обѣты чистоты,
 То—нездѣнные цвѣты,
 Все цвѣты воздушно-бѣлые.

2.

Я тревожный призракъ, я стихійный геній,
 Въ міръ сповидній жить мнѣ суждено,
 Быть среди дышанья сказочныхъ растений,
 Видѣть, какъ безмолвно спитъ морское дно.

Только всныхнеть Веснерь, только Мѣсяцъ глянеть,
 Только ночь настанетъ раннею весной,—
 Сердце жаждетъ чуда, ночь его обманетъ,
 Сердце умираетъ съ гаснущей Луной.

Вновь бѣлѣетъ утро, таетъ рой видѣній.
 Каждый вздохъ растеній шепчетъ для меня:
 „О, мятежный призракъ, о, стихійный геній,
 Будемъ жаждать чуда, ждать кончины дня!“

3.

Въ глубинѣ души рожденныя,
 Чуткимъ словомъ пробужденныя,
 Мимолетныя мечты,
 Еле вспыхнувъ, улыбаются,
 Пылью свѣтлой осыпаются,
 Точно спѣжныя цвѣты,—

Безмятежныя, свободныя,
 Міру чуждыя, холодныя
 Звѣзды призрачныхъ Небесъ,
 Тѣхъ, что свѣтятъ надъ пустынями,
 Тѣхъ, что властвуютъ святинами
 Въ царствѣ сказокъ и чудесъ.

4.

Я когда-то былъ сыномъ Земли,
 Для меня маргаритки цвѣли,
 Я во всемъ былъ похожъ на другихъ,
 Былъ въ цѣняхъ заблужденій людскихъ.

Но, земную пелъ разлюбивъ,
 Разлученъ я съ колосьями пшвы,
 Я ушелъ отъ родимой земли,
 За предѣлы—и правды, и лжи.

И въ душѣ по возникнеть упрекъ,
 Я постигъ въ мнголетномъ памекъ,
 Я услышалъ таинственный зовъ,
 Безкопечность пѣмыхъ голосовъ.

Мнѣ открылось, что Времени нѣтъ,
 Что недвижны узоры планетъ,
 Что Безсмертіе къ Смерти ведетъ,
 Что за Смертью Безсмертіе ждетъ.

5.

Ожиданьемъ утомленный, одинокій, оскорбленный,
 Надъ пустыней полусонной умпрающихъ морей,
 Непохожъ на человѣка, я блуждаю вѣкъ отъ вѣка,
 Вѣкъ отъ вѣка вижу волны, вижу брызги янтарей.

Ускользящая пѣна... Помпнутная измѣна...
 Жажда вырваться изъ пѣна, вновь извѣдать гнетъ оковъ.
 И въ туманности далекой, оскорбленный, одинокій,
 Ищетъ геній свѣтлоокіи неизвѣстныхъ береговъ.

Слышитъ крики: „Свѣтлый геній!.. Возвратись на стопъ мученій...
 Для прозрачныхъ сновидѣній... Къ мирнымъ храмамъ... Къ очагу...“
 Но за далью небосклона гаснетъ звукъ родного звона,
 Человѣческаго стога полюбить я не могу.

6.

Мнѣ странно видѣть лицо людское,
 Я вижу взоры существъ иныхъ,
 Со мною вѣтеръ, и все морское,
 Все то, что чуждо для душъ земныхъ.

Со мною тѣни, за мною тѣни,
 Я слышу сказку морскихъ глубинъ,
 И царь надъ царствомъ живыхъ видѣній,
 Всегда свободный, всегда одинъ.

Я слышу бурю, удары грома,
 Пожары молній горять вдали,
 Я вижу Островъ, гдѣ все знакомо,
 Гдѣ я—владика моей земли.

Въ душѣ холодной мечты безмолвны,
 Я слышу сердцемъ полетъ времени,
 Со мною волны, за мною волны,
 Я вижу вѣщій—все тотъ же—Сонъ.

7.

Я вольный вѣтеръ, я вѣчно вѣю,
 Волную волны, ласкаю ивы,
 Въ вѣтвяхъ вѣдихаю, вздохнувь, пѣмью,
 Лелѣю травы, лелѣю ивы.

Весною свѣтлой, какъ вѣстникъ Мая,
 Цѣлую ландышъ, въ мечту влюбленный,
 И внемлетъ вѣтру Лазурь нѣмая,—
 Я вѣю, мѣю, воздушный, сонный.

Въ любви невѣрный, расту циклономъ,
 Взметаю тучи, взрываю Море,
 Промчусь въ равнинахъ протяжнымъ стопомъ,
 И громъ проснется въ нѣмомъ просторѣ.

Но слова легкой, всегда счастливый,
 Нежной, чѣмъ фея ласкаетъ фею,
 Я льну къ деревьямъ, дышу надъ нивой,
 И, вѣчно вольный, заблещемъ вѣю.

II.

СВѢТЛѢЙ СЕБЯ.

Прекрасенъ ликъ звѣзды съ прозрачнымъ взоромъ,
 Когда она, не рдѣя, не скорби,
 И зная только Небо и себя,
 Струитъ лучи натающимъ узоромъ,
 Среди дальнихъ звѣздъ, поющихъ свѣтлымъ хоромъ.

Но какъ она свѣтлѣй самой себя,
 Когда, воспламененнымъ метеоромъ,
 Огни лучей стремительно дробя,
 Горять—предъ смертью, падаетъ—любя!

III.

ЗОЛОТАЯ ЗВѢЗДА.

Золотая звѣзда падъ Землею въ пространствѣ летѣла,
 И съ Лазури на сонную Землю упасть захотѣла.

Обольстилась она голубыми земными цвѣтами,
 Изумрудной травой и шуршащими въ полночь листьями.

И, раскинувши путь золотой по Лазури бездонной,
 Полетѣла какъ ангель—какъ ангель преступно-влюбленный.

Чѣмъ быстрѣй улетала она, тѣмъ блистала яснѣе,
И горѣла, сгорала, въ восторгѣ любви пламенѣи.

И, зардѣвшись блаженствомъ, она уступила безсилью,
И, Земли не коснувшись, рассыпалась яркою пылью.

IV.

КАКЪ ЦВѢТОКЪ.

Какъ цвѣтокъ я хочу расцвѣсти
И угаснуть безъ слова упрека,
И въ душѣ я сумѣю пойти
Безконечный расцвѣтъ златоока.

И какъ ландышъ, блѣднѣя, цвѣту
Для мечтательныхъ, нѣжныхъ, влюбленныхъ,
И въ лѣсу создаю красоту
Для сердецъ, красотой утомленныхъ.

Полюбивъ молодую Весну,
Въ поцѣлуйхъ слетенныхъ тѣнъ,
Я порою всю ночь не усну
И мечтаю какъ вѣтка сирени.

И, узнавши изъ пѣнія птицъ,
Что окончилась празднества Мая,
Я при свѣтѣ полночныхъ зарницъ
Расцвѣту какъ гвоздика лѣсная.

И когда, разлюбивши мечты,
Я забудусь въ могильной постели,
Надо мной, въ торжествѣ Красоты,
Навсегда расцвѣтутъ иммортели.

V.

ЦВѢТЫ НАРЦИССА.

Точно изъ легкаго камня изсѣчены,
 Въ воду глядятъ лепестки бѣлоспѣжныя.
 Собственнымъ образомъ пристально встрѣчены,
 Въ глубь заглянули цвѣты безмятежныя.

Мягкое мѣтеть на нихъ трепетаніе,
 Двойственно-блѣдны, растутъ очертаніи.
 Въ глубь заглянули пѣмые цвѣты,—
 Поняли, поняли свѣтъ Красоты!

Сердце, багряной чертой окаймленное,
 Тайно хранитъ золотыя признанія.
 Только въ себя невозвратно-влюбленное,
 Стыщеть, блѣднѣеть, въ мечтахъ безъ названія.

Съ чистою грезой цвѣтокъ обручается,
 Грезу любя, онъ со Смертью вѣщается.
 Мигъ,—и отъ счастья гаснутъ цвѣты,—
 Какъ они поняли свѣтъ Красоты!

VI.

БРОМЕЛІЯ.

Въ окутанной свѣгомъ пльвингельной Швеціи
 На зимнія стекла я молча глядѣлъ,
 И ярко мнѣ спились кавалы Венеціи,
 Мнѣ спился далекій забытый предѣлъ.

Вливая дыханье цвѣтущей бромеліи,
 Цвѣтка золотого съ лазурной каймой,
 Я видѣлъ въ глазахъ наклонившейся Леліи
 Печаль, затѣпенную страстью нѣмой.

Встрѣчались взоры съ ответными взорами,
 Мы были далеко, мы были не тѣ.
 Барюкаль насъ шней своими узорами,
 Звала насъ бромелія къ дальней мечтѣ.

И снова, какъ прежде, звеня стоголесками,
 Волна сладкозвучно росла за волной,
 И свѣтлыя тѣни, поднятыя всесудесками,
 На гондолахъ плыла подъ блѣдной Луной.

VII.

ЭДЕЛЬВЕЙСЪ.

Я на землю смотрю съ голубой высоты.
 Я люблю эдельвейсъ, неземные цвѣты,
 Что растутъ далеко отъ обычныхъ оковъ,
 Какъ застѣпчивый совѣтчикъ зановѣдныхъ снѣговъ.

Съ голубой высоты я на землю смотрю,
 И безглазой мечтой и съ душой говорю,
 Съ той незримой Душой, что мерцаетъ во мнѣ
 Въ тѣ часы, какъ иду къ неземной вышинѣ.

И, помедливъ, уйду съ высоты голубой.
 Не оставивъ слѣда на снѣгахъ за собой,
 Но сдвинъ лишь намекъ, философичный цвѣтокъ,
 Мнѣ напомнить, что Миръ безконечно широкъ.

VIII.

БѢЛЫЙ ЛЕБЕДЬ.

Бѣлый лебедь, лебедь чистый,
Сны твои всегда безмолвны,
Безмятежно-серебристый,
Ты скользишь, рождая волны.

Подъ тобою—глубь нѣмая,
Безъ привѣта, безъ отвѣта,
Но скользишь ты, утопая
Въ безднѣ воздуха и свѣта.

Надъ тобой—Звѣрь бездонный
Съ яркой Утренней Звѣздой.
Ты скользишь, преображенный
Отраженной красотой.

Символь нѣжности безстрастной,
Недосказанной, несмѣлой,
Призракъ женственно-прекрасный
Лебедь чистый, лебедь бѣлый!

IX.

ВДАЛИ ОТЪ ЗЕМЛИ.

Вдали отъ Земли, безпокойной и мгливой,
Въ предѣлахъ бездонной, нѣмой чистоты,
Я выстроилъ замокъ воздушно-лучистый,
Воздушно-лучистый Дворецъ Красоты.

Какъ островъ пловучій надъ бурнымъ волненьемъ,
Надъ вѣчной тревогой и зыбью воды,
Я полонъ въ томъ замкѣ нѣмымъ уоеньемъ,
Нѣмымъ уоеньемъ безстрастной звѣзды.

Со мною бесѣдуютъ Гении Свѣта,
Прозрачныя тучки со мной говорятъ,
И звѣзды родныя огнями привѣта,
Огнями привѣта горять и горять.

И вижу я горы и вижу пустыни,
Но что мнѣ до вѣчной людской суеты,—
Мнѣ ласково свѣтять нныя святыни,
Нныя святыни въ Дворцѣ Красоты.

ВѢТЕРЪ СЪ МОРЯ

Marinero soy de amor
Y en su piélago profundo
Navego sin esperanza
De llegar á puerto alguno.

Cervantes

И морякъ любви, и въ ея глубокомъ океанѣ плыву безъ надежды достигъ до какой-нибудь гавани.

Сервантесъ

I.

МОРСКАЯ ПѢСНЯ.

Все, что любимъ, все мы клянемъ,
 Каждый мигъ для насъ другой:—
 Мы сжились душой морской
 Съ вѣчнымъ вѣтромъ, съ Моремъ синямъ.
 Нашъ полеть
 Все впередъ,
 Къ цѣлямъ сказочнымъ вѣдетъ.

Гдѣнный вечеръ, догорая,
 Тонетъ въ зеркалѣ Небесъ.
 Вотъ онъ, новый мѣръ чудесъ,
 Вотъ она, волна морская.
 Чудный видъ!
 Все молчить,
 Только валъ морской звучить.

Если мы вернемся вскорѣ
 Перемычпнымъ путемъ,
 Мы съ добычею придемъ:—
 Намъ дары приносить Море.
 Въ часъ поноиой,
 Ночь Лунной.
 Мы снѣшимъ къ страшнѣ иной.

Если жь даль не переспоримъ
 И пробьеть конецъ мечтѣ,—
 Мы потопемъ въ Красотѣ,
 Мы сольемся съ синимъ Моремъ,

И на днѣ,
 Въ полуснѣ,
 Будемъ грезить о волнѣ.

II.

ВЪ НЕПОЗНАННОЙ ЧАСТИ.

И повня волны,
 Въ непознанной части,
 Все повня волны
 Вставали для насъ.

Шумѣли, сверкали,
 И къ дали влекли,
 И гнали печали,
 И пѣли вдали.

„Гляди, погляди же,
 „Какъ бездна свѣтла!
 „Все ближе и ближе
 „Лазурная мгла!“

Какъ снпїя горы,
 Упавшія внизъ,
 Морскіе узоры
 Въ громаду слились.

Закрыли громадой
 Меня и тебя.
 И гибну съ отрадой,
 Я гасну любя.

Въ загадочномъ взорѣ,
Волнуясь, тону,
И слушаю въ Морѣ
Морскую волну.

III.

ОНА КАКЪ РУСАЛКА.

Она, какъ русалка, воздушна и странно-блѣдна,
Въ глазахъ у нея, ускользя, играетъ волна,
Въ зеленыхъ глазахъ у нея глубина—холодна.

Приди,—и ова обойметъ, заласкаетъ тебя,
Себя не жалѣя, терзая, быть-можетъ, губя,
Но все же она поцѣлуетъ тебя не любя.

И вмигъ отвернется, и будетъ душою вдали,
И будетъ молчать подъ Лунной въ золотистой пыли,
Смотря равнодушно, какъ тонуть вдали—корабли.

IV.

КАКЪ ВОЛНЫ МОРСКІЯ.

Какъ волны морскія,
Я не знаю покоя и вѣчно сиѣшу.
Какъ воины морскія,
Я слезами и холодомъ горькимъ дышу.

И какъ волны морскія,
Надъ равниной хочу высоко вознестись.
И какъ волны морскія,
Восходя, я сиѣшу опрокинутъ внизъ.

V.

ПОБЛѢДНѢВШАЯ НОЧЬ.

Зашумѣла волна,
 Покачнулся челнокъ.
 И возсталъ ото сна
 Пробужденный Востокъ.

Покачнулся челнокъ.
 И уносится прочь.
 И не видитъ Востокъ
 Поблѣднѣвшую ночь.

И уносится прочь
 Все, чѣмъ счастливъ я былъ,
 Что въ короткую ночь
 Беззавѣтно любилъ.

VI.

ПОЛОСА СВѢТА.

Море чуть мерцаетъ подь Луной
 Зеркадомъ глубокимъ и холоднымъ.
 Вѣетъ сномъ и грустью неземной,
 Чѣмъ-то дальнимъ, сладостнымъ, свободнымъ.

Точно духъ навѣкъ ушедшихъ дней
 Всталъ въ тѣни нѣмыхъ воспоминаній,
 Сталъ шептать слышишь и все слышишь
 Сказку счастья съ музыкой рыданій.

Свѣточемъ болѣзненнымъ сверкнулъ,
 Ярко вспыхнулъ дрогнувшей слезою,
 Прожилъ мигъ—и въ безднѣ утонулъ,
 Бросивъ свѣтъ широкой полосою.

VII.

БЕЗДОМНЫЕ.

Небосклонъ опрокинутый,
 Уходящая даль.
 Объ отчизнѣ покинутой
 Замираетъ печаль.

Надъ пустынями водными
 Виденъ ибннй узоръ.
 И слезами холодными
 Затуманился взоръ.

И надъ мачтой мелькающей
 Все темнѣй небеса.
 И корабль убѣгающій
 Уронилъ паруса.

Надъ свинцовыми тучами
 Альбатросы летять,
 За волнами кишучими
 Съ поднебесья слѣдятъ.

Такъ и ждутъ, что раздвинутся
 Очертанья волны,
 Чтобъ стремительно кинутся
 Съ неземной вышины.

И почувъвъ, раскатами
Набѣгающій, громъ,
Вновь рядами крылатыми
Выкликають кругомъ.

И бездомные, темные,
Посылають—въ Лазурь
Эти крики заемные,
Эти отклики бурь.

ВЪ ДЫМКѢ НѢЖНО-ЗОЛОТОЙ

Hay mas dicha, mas contento
Que adorar una hermosura,
Brujuleada entre los lejos
De lo imposible?

Calderon

Есть ли большее счастье, большая радость
какъ обожать красоту, медленно всташую въ
далекъ невозможнаго?

Кальдеронъ

I.

Я ЗНАЛЪ.

М. А. Лохвицкой.

Я зналъ, что, однажды тебя увидавъ,
 Я буду любить тебя вѣчно.
 Изъ жепственныхъ женщинъ богиню избравъ,
 Я жду—я люблю—безконечно.

И если обманна, какъ всюду, любовь,
 Любовью и мы усладимся,
 И если съ тобою мы встрѣтимся вновь,
 Мы снова чужими простимся.

А въ часъ преступленья, улыбокъ, и сна
 Я буду—ты будешь—далеко,
 Въ странѣ, что для насъ навсегда создана,
 Гдѣ нѣтъ ни любви, ни порока.

II.

НѢМАЯ ТѢНЬ.

Нѣмая тѣнь среди чужихъ тѣней,
 Я зналъ тебя, но ты не улыбалась,—
 И, стройная, едва-едва склопнялась
 Подъ бременемъ навѣкъ ушедшихъ дней,—

Какъ лилія, смущенная волною,
 Склоненная надъ зеркаломъ рѣки,—
 Какъ лебедь, ослѣпленный бѣлизною
 И полный удивленья и тоски.

III.

ОДНОДНЕВКА.

Я живу своей мечтой
 Въ дымкѣ нѣжно-золотой,
 Близъ уступовъ мертвыхъ скалъ,
 Тамъ, гдѣ вѣтеръ задремаль.

Весь я сотканъ изъ огня,
 Я лучистый факель дня,
 Въ дымкѣ утренней рождень,
 Къ свѣтлой смерти присуждёнъ.

Однодневкой золотой
 Вьюсь и рѣю надъ водой,
 Вижу Солнце, вижу свѣтъ,
 Всюду чувствую привѣтъ.

Только умеръ, вновь я живъ,
 Чуть шепчу въ колосьяхъ цивъ,
 Чуть звеню волной ручья,
 Слышу откликъ соловья.

Вижу взоры красоты,
 Слышу голосъ: „Милый! Ты?“
 Вновь спѣшу въ любви сгорѣть,
 Смертью сладкой умереть.

IV.

ИЗЪ-ЗА ДАЛЬНИХЪ МОРЕЙ.

Изъ-за дальнихъ морей, изъ-за синихъ громадъ,
 Изъ-за горъ, гдѣ шумить и гремитъ водопадъ,
 Въ твой альковъ я цвѣтовъ принесу для тебя,
 Зацѣлю, любя, заласкаю тебя.

А когда, отгорѣвъ, поблѣднѣетъ луна,
 И отъ жгучаго сна заалѣетъ Весна,
 Задрожнѣшь ты, какъ тѣнь, пробужденіе гоня,
 И, краснѣя весь день, не забудешь меня.

V.

НѢТЬ И НЕ БУДЕТЬ.

Какъ намъ отраднѣе задуматься въ сумеркахъ свѣтлыхъ вдвоемъ!
 Тѣнь пролетѣвшаго ангела вижу во взорѣ твоемъ.

Сердце трепещетъ восторженно вольною радостью птицъ.
 Ввижу блаженство, сокрытое бархатной тѣнью рѣсницъ.

Руки невольно касаются милыхъ сочувственныхъ рукъ
 Призраки мирнаго счастья кротко столпились вокругъ.

Бѣлыми свѣтлыми крыльями вѣютъ и рѣютъ во мглѣ.
 Какъ намъ отраднѣе проникнуться правдой Небесъ на Землѣ!

Нѣтъ, и не будетъ, и не было сердца нѣжнѣй твоего,
Нѣтъ и не будетъ и не было, кромѣ тебя, ничего.

Вотъ, мы блаженны, какъ ангелы, вотъ мы съ тобою вдвоемъ.
Другъ мой, какое признаніе вижу во взорѣ твоёмъ!

VI.

ДО ПОСЛѢДНЯГО ДНЯ.

Быть-можетъ, когда ты уйдешь отъ меня,
Ты будешь ко мнѣ холоднѣй.
Но цѣлую жизнь, до послѣдняго дня,
О, другъ мой, ты будешь моею.

Я знаю, что новыя страсти придутъ,
Съ другимъ ты забудешься вновь.
Но въ памяти прежніе образы ждутъ,
И старая тлѣетъ любовь.

И будетъ мучительно-сладостный мигъ:—
Въ лучахъ отлетѣвшаго дня,
Съ другимъ заглянувши въ безсмертный родникъ,
Ты вздрогнешь—и вспомнишь меня.

VII.

АЛАЯ И БѢЛАЯ.

1.

Мы встрѣтились молча. Закатъ умиралъ запоздалый.
Весь міръ былъ исполненъ возникшей для насъ тишиной.
Двѣ розы раскрылись и всыхнули грезой усталой,—
Одна—озаренная жизнью, съ окраскою алой,
Другая—горящая снѣжной нѣмой бѣлизной.

И вѣтеръ промчался. Онъ сблизилъ ихъ пышныя чаши.
 Мы сладко любили на склонѣ предсмертнаго дня.
 Какъ сладко дышали сердца и созвучія наши!
 Что въ мѣръ рождалось воздушнѣе, сказочнѣй, краше!
 Зачѣмъ, о, зачѣмъ же закрылась ты—прежде меня?

2.

Я свернула свѣтлыя одежды,
 Я погасла вмѣстѣ съ краской дни.
 Для меня поблекли всѣ надежды,
 Миѣ такъ сладко спать, закрывши вѣжды,—
 Для чего ты дышешь на меня!

Дышешь сладкимъ ядомъ аромата,
 Буднишь въ сердцаѣ прежніе огни...
 Я, какъ ты, была жива когда-то,
 Къ радости для сердца нѣтъ возврата...
 Будь какъ я! Забудь! Умри! Усни!

МГНОВЕНІЯ ПРАВДЫ

Кто часто бываетъ среди людей, того не
могутъ посѣщать ангелы.

Сульпицій Северъ

I.

ЗОВЪ.

Есть правдивыя мгновенья,
 Сны, дающіе заблеще,
 Лучь надъ бездною вѣчно-зыбкой,
 Взоры съ кроткою улыбкой.

Въ темной ночи этой жизни
 Дышетъ зовъ къ иной отчизнѣ.
 Звонъ заоблачныхъ соборовъ,
 Ткань свѣтлой земныхъ узоровъ.

Есть намекъ на Міръ Святыни,
 Есть оазисы въ пустынѣ,
 Счастливы тотъ, кто ждетъ участя,
 Счастливы тотъ, кто вѣритъ въ счастье.

Все, па чемъ печать мгновенья,
 Брызжетъ свѣтомъ откровенья,
 Вѣтъ жизнью вѣчно-цѣльной,
 Дышетъ правдой запредѣльной.

II.

ПОЗАБЫТОЕ.

Мечтой упошусь я къ мѣстамъ позабытымъ,
 Къ холмамъ одинокимъ, дождями размытымъ,
 Къ далекимъ, стоокимъ, роднымъ планетамъ,
 Что свѣтять сквозь вѣтви таинственнымъ свѣтомъ.

Я вновь удаляюсь къ первичнымъ святынямъ,
 Гдѣ дремлютъ купавы на озерѣ снземъ,
 Гдѣ ландыши въ роцѣ и дышуть, и свѣтятъ,
 И если ихъ спросишь,—слезами отвѣтятъ.

Мнѣ чудятся всплески, и запахъ фіалокъ,
 И эхо отъ звонкаго смѣха русалокъ,
 Мнѣ слышится голосъ умершей печали,—
 И стономъ за склономъ отвѣтствуютъ дали.

III.

РЕЗИГНАЦІЯ.

Звучная волна забытыхъ сочетаній,
 Шепчущій родникъ давно-умолкшихъ дней,
 Стоишь утихнувшихъ страданій,
 Свѣтъ угаснувшихъ огней,
 Съ вами говорю въ тѣни воспоминаній,
 Съ вами я дышу и глубже, и полнѣй!

Вижу я цвѣты заброшеннаго сада,
 Липы вѣковья, сосны, тополя.
 Здѣсь навѣкъ остаться надо,
 Здѣсь привѣтливы поля.
 Съ сердцемъ говоритъ церковная ограда,
 Кладбища родного мирная земля.

О, не отдавайся мыслямъ недовольнымъ!
 Спи, волненье живо, и туманна даль.—
 Все любилъ ты сердцемъ вольнымъ,
 Полюби свою печаль,—
 Отзвучать надежды звономъ колокольнымъ,
 И тебѣ не будетъ отжитого жаль.

IV.

ПАУТИНКИ.

Если вечеръ настанеть и длинныя, длинныя
Паутинки, летая, блстають по воздуху,
Вдругъ запросятся слезы изъ глазъ безпричинныя,
И стремишься изъ компаты къ волѣ и къ отдыху.

И, мгновенью отдавшись, какъ тѣнь, преклоняешься,
Удивляешься Солнцу, за лѣсомъ уснувшему,
И съ безмолвіемъ страннаго міра сливаешься,
Уходя къ незабвенному, къ счастью мнувшему.

И проходишь мечтою аллея старинныя,
Гдѣ въ вечернемъ сіяніи ждалъ неизвѣстнаго
И ребенкомъ слѣдилъ, какъ проносятся длинныя
Паутинки воздушныя, тѣни Чудеснаго.

V.

ТИШИНА.

Чуть блднѣють янтари
Нѣжно-палевой зари.
Всюду ласковая тишь,
Спать купавы, спать камышь.

Задремавшая рѣка
Отражаетъ облака,
Тихій, блдный свѣтъ небесъ,
Тихій, темный, сонный лѣсъ.

Въ этомъ царствѣ тишины
 Вѣютъ сладостные сны,
 Дышетъ ночь, смѣняя день,
 Медлитъ гаснущая тѣнь.

Въ эти воды съ вышины
 Смотритъ блѣдный серпъ Луны,
 Звѣзды тихій свѣтъ струять,
 Очи ангеловъ глядятъ.

VI.

ЛУННАЯ НОЧЬ.

сонетъ.

Когда я посмотрѣлъ на блѣдную Луну,
 Она шепнула мнѣ: „Сегодня спать не надо“.
 И я ушелъ вкушать ночную тишину,
 Меня лелѣяла воздушная прохлада.

Деревья старья заброшеннаго сада,
 Казалось, видѣли во снѣ свою весну,
 Была полна мечты ихъ смутная громада,
 Застылъ недвижный дубъ, ласкающій сосну.

И точно танцество безмолвное свершалось:
 Въ высотахъ облачныхъ печалилась Луна,
 Улыбкой грустною на что-то улыбалась.

И вдругъ открылось мнѣ, что жизнь моя темна,
 Что юность быстрая, какъ легкой сонъ, умчалась,—
 И плакала со мной ночная тишина.

VII.

ЗИМНИЙ ДЫМЪ.

Дымъ встаетъ, и къ бѣлой крышѣ
 Подъ упорствомъ вѣтра льетъ.
 Встало Солнце. Вѣтеръ тише.
 Дымъ воздушный отдохнетъ.

Будетъ ровной полосой
 Восходить, какъ омѣямъ.
 Вѣчно-тающей красою
 Къ вѣчно-свнймъ Небесамъ!

VIII.

ВЪ ЧАЩѢ ЛѢСА.

Дальнее, синее,
 Небо свѣтлѣется,
 Въ сѣткѣ изъ инея
 Ясно виднѣется,
 Синее, синее.

Тихое счастье
 Въ синей Безбрежности,
 Проблескъ участія,
 Чашень пѣжности,
 Кроткое счастье.

Счастье забвенія—
 Тамъ въ безпредѣльности,
 Свѣтъ откровенія,
 Въ безднѣ безцѣльности—
 Цѣльность забвенія.

IX.

ГАВАНЬ СПОКОЙНАЯ.

Гавань спокойная. Гуль умирающій.
 Звонъ колокольный, съ небесъ долетающій.
 Ангеловъ мирныхъ невнятное пѣніе.
 Радость прозрачная. Сладость забвенія.

Горъ отдаленныхъ вершины узорныя,
 Алыя, бѣлыя, темныя, черныя.
 Созданный духами ярко-пѣвучими,
 Радуги сводъ надъ огромными тучами.

Сладко-печальная, мгла полусонная,
 Тихой вечерней звѣздой озаренная.
 Богомъ открытая правда мгновенія.
 Буря умершая. Свѣтъ и забвеніе.

X.

ВЪ ПРОСТРАНСТВАХЪ ЭОИРА.

Въ прозрачныхъ пространствахъ Эоира,
 Надъ сумракомъ дольнаго міра,
 Надъ шумомъ забытой мятели,
 Два свѣтлые духа летѣли.

Они отъ земли удалялись,
И звѣздамъ чуть слышно смѣялись,
И съ Неба они увидали
За далями новыя дали.

И стихли они понемногу,
Стремясь къ неизмѣнному Богу,
И слышали новое эхо
Иного чуть слышнаго смѣха.

Съ Земли ихъ никто не примѣтилъ,
Но сумракъ вечерній былъ свѣтель,
Въ тотъ часъ какъ они надъ Землею
Летѣли, покрытыя мглою.

Съ Земли ихъ никто не увидѣлъ,
Но добраго злой не обидѣлъ,
Въ тотъ часъ какъ они увидали
За далями новыя дали.

XI.

ПРАВДА.

А правда пошла по поднебесью.
Изъ Голубиной книги.

Кривда съ Правдою сходилась,
Кривда въ спорѣ верхъ взяла.
Правда въ Солнце превратилась,
Въ мѣрѣ чистый свѣтъ зажгла.

Удалилась къ поднебесью,
 Бросивъ Кривду на землѣ,
 Свѣтитъ дугу, перелѣсью,
 Жизнь рождаетъ въ мертвой мглѣ.

Съ той поры до дней текущихъ
 Только Правдой и жива
 Межъ цвѣтовъ и травъ цвѣтущихъ
 Жизни грусть, плакутъ-трава.

Съ той поры на синемъ Морѣ,
 Тамъ, гдѣ валь пенобѣдимъ,
 Правды ждетъ съ огнемъ во взорѣ
 Птица мощная Стратимъ.

И когда ока протянетъ
 Два могучія крыла,—
 Солнце встанетъ, Море грянетъ:
 „Правда, Правда въ мѣръ пришла!“

XII.

СОНЪ.

Внемлите, смертные Земли,
 Я Тотъ, Кто былъ, Кто есть, Кто будетъ,
 Чьи мысли бездну звѣздъ загляи,
 Кто блѣдной травки не забудеть.

Любите, смертные, Меня,
 Свою мечту боготворите,
 Молитесь Митрѣ въ блескѣ дня,
 И ночью пойте гимнъ Танитѣ.

Зовите тысячью именъ
 Того, Кто сердце вамъ пробудить,
 Боготворите свѣтлый Сонъ,
 Который былъ, и есть, и будетъ.

XIII.

НЕЯСНАЯ РАДУГА.

Неясная радуга. Звѣзда отдаленная.
 Долина и облако. И грусть неизбежная.
 Легенда о счастьи, борьбой возмущенная.
 Лазурь непонятная, нѣмая, безбрежная.

Зарница невѣрная. Печаль многострунная.
 Цвѣты перасцвѣтшіе. Волненье безцѣльное.
 Мечта заповѣдная, туманная, лунная.
 И Море безопасное, какъ сонъ—безпредѣльное.

Видѣнья прозрачныя и призрачно-нѣжныя.
 Стыдливого ангела признанья песнѣнья.
 Стремленіе къ дальнему. Поля многоснѣжныя,
 Застывшія, мертвыя,—в бѣлыя, бѣлыя.

XIV.

„ПРОСТИ!“

Кто услышала тайный ропоть Вѣчности,
 Для того беззвученъ міръ земной,—
 Чья душа коснулась безконечности,
 Тотъ навѣкъ проникся тишиной.

Передъ нимъ видѣнья сокровенныя,
Вкругъ него безбрежность свѣтлыхъ сновъ,
Легче тучекъ, тихія, мгновенныя,
Легче грезы, музыка безъ словъ.

Онъ не будетъ жаждать избавленія,
Онъ его нашель на днѣ души,—
Это въ Морѣ часъ успокоенія,
Это парусъ, дремлющій въ тиши.

Бѣлый парусъ, въ синихъ даляхъ тающій,
Какъ „Прости“ всего, что Рокъ унесъ,
Какъ привѣтъ, въ послѣдній разъ блистающій,
Чтобъ угаснуть, тамъ—вдали—безъ слезъ.

У развалинъ Помпей.
Осень, 1837.

АККОРДЫ

Concord in discord...

John Ford

Единство въ разголоси...

Джонъ Фордъ

I.

АККОРДЫ.

C'est un pbare allumé sur mille citadelles.

Baudelaire.

Мнѣ снился мучительный Гойя, художникъ чудовищныхъ грезъ,—
Большая насмѣшка надъ жизнью,— надъ царствомъ могилы вопрошь.

Мнѣ снился безсмертный Веласкесъ, Козьмо, Мурвьло святой,
Создавшій воздушность и холодъ и пламень мечты золотой.

И Винчи, спокойный, какъ Гете, и свѣтлый, какъ сонъ, Рафаэль,
И вѣжнй какъ вздохъ, Боттичелли, пѣжнй, чѣмъ весною свирѣль.

Мнѣ снились волхвы откровеній, любимцы грядущихъ временъ,
Воззванья влекущихъ на битву, властительно-яркихъ знаменъ.

Намеки на сверхчеловѣка, обломки нездѣнныхъ міровъ,
Аккорды бездонныхъ значенемъ, еще не разгаданныхъ сновъ.

II.

ТРИ СИМВОЛА.

Явились въ міръ уже давно,—въ началѣ
Наипшихъ и мечтательныхъ временъ,—
Въичанный змѣй, собака, скорпионъ,
Три символа въ Персидскомъ ритуалѣ.

Вѣнчаннй змѣй—коварство и обманъ,
 И скорпионъ—источникъ разрушенья,
 Ихъ создалъ грозный царь уничтоженья,
 Властитель зла и ночи, Ариманъ,

Но противъ духовъ тьмы стоитъ собака.
 Ее Ормуздъ послалъ къ своимъ сынамъ,—
 Когда весь міръ успеть, уступить снамъ,
 Она не спитъ среди ночного мрака.

Ничтоженъ скорпионъ, безсиленъ змѣй,
 Всевластенъ свѣтъ лучистаго владыки,
 Во тьмѣ ночью звучать надъ міромъ клики:
 „Я жду! Будь твердь! Я жду! Благоговѣй!“

III.

МУЗЫКА.

Мы слышимъ воздушное пѣнье чудесной игры,
 Не видя поющаго намъ серафима.
 Вдыхаемъ подъ тѣнью гигантской горы,
 Вершина которой для нашего духа незрима.

И чувствуемъ смутно, что, еслибъ душой мы могли
 Достичь до вершины, далекой и снѣжной,
 Тогда бы—загадки печальной Земли
 Мы поняли лучше, упившись мечтою безбрежной.

Но пѣть, мы безсильны, закрыта звенящая даль,
 И звуки живые скорбятъ, умирая,
 И въ сердцѣ обманутомъ плачетъ печаль,
 И, гаснутъ, чуть всыхнуувъ, лучи недоступнаго Рая.

IV.

СПЯЩАЯ МАДОННА

САССОФЕРАТО, ВЪ МУЗЕѢ БРЕРА, ВЪ МИЛАНѢ.

Сонмомъ духовъ окруженная,
 Въ яркомъ свѣтѣ чистоты,
 Тихимъ вихремъ вознесенная
 За предѣлы высоты,
 Надъ уснувшимъ полусонная,
 Матерь Бога, это Ты!

Въ безгрѣховности зачавшая,
 Вѣчно-дѣвственная Мать,
 Сына свѣтлаго пославшая
 Смертью новый свѣтъ создать,
 Всей душою пострадавшая,
 Какъ могла лишь мать страдать!

Неразсказанная гениемъ,
 Непсчерпаемость мечты,
 Сонъ, зовущій къ сповѣдѣніямъ,
 Просвѣтленные черты,
 Вѣчный лучъ надъ вѣчнымъ тлѣніемъ,
 Матерь Бога, это Ты!

У.

ПРЕДЪ КАРТИНОЮ ГРЕКО

ВЪ МУЗЕЕ ПРАДО, ВЪ МАДРИДЪ.

1.

На картинѣ Греко вытянулись тѣни.
 Длиныя, восходятъ. Неба не достать.
 „Гдѣ же намъ найти воздушныя ступени?
 „Какъ же намъ пути небесныя создать?“

Сумрачный художникъ, ангелъ возмущенный.
 Неба захотѣлъ ты, въ Небо ты вступишь,—
 И, съ высотъ низвергнуть, Богомъ побѣжденный,
 Ужасомъ безумья дерзость искушишь.

2.

Да, но безумье твое было безумье священное,
 Мірѣ для тебя превратился въ тюрьму,
 Ты разлюбилъ все земное, невѣрное, плѣнное,
 Взорѣ устремлялъ ты лишь къ высшему Сну своему.

Да, всѣ монахи твои—это не тѣни согбенныя,
 Это не темныя сонмы рабовъ,
 Лица ихъ странныя, между другихъ—удлиненныя,
 Съ жадностью тянутся къ высшей разгадкѣ міровъ.

VI.

ОТВЕРЖЕННЫЙ.

Отчаянье истерзанной души,
 Въ свидѣтели тебя я призываю,
 Что я не спалъ въ изнѣженной тиши,
 Что я не шелъ къ заманчивому Раю.

Я свѣтлаго покоя не хотѣлъ,
 Боясь забыть о тѣхъ, на комъ проклятье,
 Меня манилъ мучительный удѣлъ,
 Меня влекли отверженныя братья.

Не ангелы, а демоны со мной
 Печальную дорогу совершили,
 И дни мои въ обители земной
 Развѣялись, какъ груда темной пыли.

VII.

КАМЕЯ.

Клеопатра, полповластная царица,
 Соль Египетскихъ почей,
 Чаровница и блудница,
 Озаренная сіаньемъ ускользящихъ лучей.

Ты окутана немеркнувшей славой,
 И доныль сохранилъ,
 Отблескъ славы величавой
 На волнахъ своихъ лѣнивыхъ плодоносный сонный Нилъ.

Дочь падменнаго владыки Птоломея,
 Я дарю тебѣ свой стихъ,
 Потому что ты, камея,
 И въ любви и въ самой смерти непохожа на другихъ.

VIII.

ПЛАМЯ.

Нѣтъ. Уходи скорѣй. Къ восторгамъ не зови.
 Любить?—Люби, убить,—вотъ красота любви.
 Я только мигъ люблю, и удаляюсь прочь.
 Со мной былъ яркій день, за мной клубится ночь.

Я не люблю тебя. Миѣ жаль тебя губить.
 Бѣги, пока еще ты можешь не любить.
 Какъ жерновъ буду я для полудѣтскихъ плечъ.
 Свѣтить и грѣть?..—Уйди! Могу я только жечь.

IX.

ПОЛУРАЗОРВАННЫЯ ТУЧИ.

Полуразорванныя тучи
 Плывуть надъ жадною землей,
 Они, спокойны и могучи,
 Поятъ весь міръ холодной мглой.

Своими взмахами живыми
Они даютъ и дождь, и тѣнь,
Они стрѣлами огневыми
Сжигаютъ пзбы деревень.

Есть души въ мѣрѣ—тѣ же тучи,
Для нихъ земля—какъ сонъ, какъ твердь;
Они, спокойны и могучи,
Даруютъ жизнь, даруютъ смерть.
Рабы мечты и сладострастья,
Въ себѣ лелѣютъ даръ пѣвца,
Они навѣкъ приносятъ счастье,
И губять, губять безъ конца.

X.

КОГДА ЖЕ?

О, жизни волшебье! О, свѣтъ и любовь!
Когда же мы встрѣтимся вновь?
Когда я узнаю не сынъ навву,
А радостный возгласъ: „Живу!“

Мы дѣтство не любимъ, отъ Солида ушли,
Забыли вѣдѣнья Земли,
И, сердце утративъ, отдавшись мечтѣ,
Слѣдые, мы ждемъ въ пустотѣ.

Отступники между уставшихъ враговъ,
Мы видимъ лишь гробъ и альковъ,
Холодное пламя угасшихъ свѣтилъ
Надъ царствомъ цвѣтовъ и могилъ.

XI.

АНГЛИЙСКІЙ ПЕЙЗАЖЪ.

Въ отдаленной дымкѣ утопая,
 Привидѣнныя деревья стали въ рядъ.
 Чуть замѣтна дымка голубая,
 Чуть замѣтные огни за ней горять.

Воздухъ полонъ тающей печалью,
 Все предчувствіемъ неяснымъ смущено.—
 Чтò тамъ топетъ? Чтò за этой далью?
 Тамъ какъ въ сердцѣ отуманенномъ темно!

Точно шопотъ ночи раздается,
 Точно небо наклонилось надъ землей
 И надъ ней, беззвучное, смѣется,
 Все какъ саваномъ окутанное мглой.

XII.

ВЪ ОКСФОРДѢ.

Словно усыпаны хлопьями снѣга,
 Искрятся яблони, мѣля въ цвѣтахъ.
 Вѣтеръ, о вѣтви ударивъ съ разбѣга,
 Шепчетъ и прячется въ дальнихъ кустахъ.
 Въ паркѣ мечтательномъ лунная нѣга,
 Лунныя ласки дрожатъ на листьяхъ.

Съ башенъ доносится бой колокольный,
 Дремлютъ колледжи въ объятяхъ тѣней.
 Сладостный часъ для души недовольной,
 Стройныя мысли слетаются въ ней,
 Къ небу уходить отъ горести дольвой,
 Въглотъ мннуть выступаетъ яснѣй.

Дышутъ деревья, ихъ пышность нетлѣнна,
 Грезять колледжи о Среднихъ Вѣкахъ.
 Звннн думы промчатся мгловенно,
 Воды проспнутся въ родныхъ берегахъ.
 Время проходить, мечта неизмѣнна,
 Наше грядущее въ нашихъ рукахъ.

XIII.

ВЕЧЕРЪ.

Удвоены влагой сквозною,
 Живя неземной бѣлизною,
 Купавы на небо глядятъ.
 И дремлютъ прибрежныя травы,
 И внемлютъ ихъ вздохамъ купавы,
 Но съ ними вздохнуть не хотятъ.

На озерѣ, тихомъ и сонномъ,
 Наскучивъ путемъ раскаленнымъ,
 Качается огненный ликъ,—
 То Солнце, зардѣвшись закатомъ,

На озерѣ, нѣгой объятюмъ,
Лелѣеть лучистый двойникъ.

И тучка,—воздушная нѣга,—
Воздушнѣй нагорнаго снѣга,
На воды глядитъ съ вышины;
Охвачена жизнью двойною,
Сквозя неземной бѣлизною,
Чуть дышетъ въ улыбки волны.

Оксфордъ.
Весна, 1897.

XIV.

РУЧЕЙ.

Вильяму Р. Морфилю.

„Кто печаль развѣялъ дымкой?
„Кто межъ тучекъ невидимкой
„Тусклый мѣсяцъ засвѣтилъ?
„Кто, шурша травой густою,
„Возмущаетъ надъ водою
„Точно дальнѣй дымъ кадилъ?“

„Чья печаль въ твоёмъ журчаньи?“
Я спросилъ въ nocturno молчаньи
У звенящаго ручья.
„Чья печаль въ росѣ блестящей,
И въ осокѣ шелестящей?“
Мнѣ ручей сказалъ: „Ничья!“

„Отчего же такъ печальны,
„Такъ уныло-музыкальны

„Трепетанья быстрыхъ водъ?“
 „Я пою!“ ручей отвѣтилъ.
 „Я всегда пѣвучъ и свѣтелъ,
 „Я всегда бѣгу впередъ!“

XV.

КРЫМСКАЯ КАРТИНКА.

Все сильнѣе горя,
 Молодая заря
 На цвѣты уронила росу.
 Гулъ въ лѣсу пробѣжалъ,
 Горный лѣсъ задрожалъ,
 Зашумѣлъ между скалъ водопадъ Учанъ-Су.
 И горячъ, и могучъ,
 Вспыхнулъ солнечный лучъ,
 Протянулся, дрожить, и цѣлуетъ росу,
 Поцѣлуй его жгучъ,
 Онъ сверкаетъ въ лѣсу,
 Тамъ, гдѣ гулъ такъ пѣвучъ,
 Онъ цѣлуетъ росу,
 А межъ сосенъ шумить и журчить Учанъ-Су.

XVI.

ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ МАДРИДА.

Ты глядѣла мнѣ въ душу съ улыбкой богини.
Ты со мною была, но была на картинѣ.

Ты собой создавала видѣнье Искусства,
Оваренное пламенемъ яркаго чувства.

Мы стремились къ горамъ изъ Испанской столицы.
Мы съ тобой улетали, какъ вольныя птицы.

И дома чуть видѣлись, въ лучахъ утопая.
И надъ нами раскинулась ширь голубая.

И предъ нами предстала вдали Гвадаррама,
Какъ преддверье воздушнаго блага храма.

XVII.

МЕЧТАТЕЛЬНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Мечтательный вечеръ надъ лѣсомъ дышалъ безмятежно,
Отъ новой Луны протянулась лучистая нить,
И первыя звѣзды мерпали такъ слабо и нѣжно,
Какъ будто бы вѣтеръ чуть слышный ихъ могъ погасить.

И было такъ странно, и были такъ сказочны ели,
 Какъ мертвая сталь, холодѣла поверхность рѣки,
 О чемъ-то невнятномъ, о чемъ-то печальномъ, безъ цѣли,
 Какъ будто бы пѣли надъ влажнымъ пескомъ тростники.

И въ блѣдномъ объятии двѣ тѣни родныя дрожали,
 И каждой хотѣлось въ другой о себѣ позабыть,
 Какъ будто бы можно въ блаженствѣ не вѣдать печали,
 Какъ будто бы сердце людское способно любить!

XVIII.

* * *

Отъ послѣдней улыбки луча
 На горахъ засвѣтилася нѣга,
 И родились, блести и журча,
 Два ключа изъ нагорнаго снѣга.

И, сбѣгая съ вершины горы,
 Обнимаясь въ восторгѣ единомъ,
 Устремились въ иные міры,
 Къ отдаленнымъ лугамъ и долинамъ.

И въ одинъ сочetaлися ключъ,
 Онъ бѣжалъ, прорѣзая узоры.
 Но отъ мрака разгнѣванныхъ тучъ
 Затуманились хмурыя горы.

И послѣдняя ласка луча
 Потонула въ туманной печали.
 И холодныя капли ключа
 На остывшую землю унали.

XIX.

* * *

Гдѣ-то волны отзвучали,
 Волны, полныя печали,
 И въ отвѣтъ
 Шепчетъ вѣтеръ перелетный,
 Беззаботный, безотчетный,
 Шепчетъ вѣтеръ перелетный,
 Что на свѣтъ горя нѣтъ.

XX.

АМАРИЛЛИСЬ.

Амариллисъ, блѣдная свѣтлана!
 Какъ нежданно сердце мнѣ смутили
 Ласки мимолетнаго обмана,
 Чашечки едва раскрытыхъ леплѣй.
 О, какъ сладко свѣтлое незнанье!
 Долго ли продлится обаянье,
 Много-ль золотистаго тумана,
 Сколько будетъ жить моя свѣтлана?

Призракъ упованій запредѣльныхъ,
 Тайна предразсвѣтнаго мечтанья,
 Радостей прозрачныхъ и безцѣльныхъ,—
 Съ чѣмъ тебя сравню изъ мірозданья?
 Съ ландышемъ сравнить тебя не смѣю,
 Молча, амариллисъ я леплю.
 Стройная плѣнительностью стана,
 Блѣдная воздушная свѣтлана!

XXI.

И ТЫ ИЗМѢНИЛА.

И ты измѣнила,
 Не черной измѣной,
 Но быстрою смертью своей красоты.
 Ушла, какъ свѣтло,
 Развѣялась пѣной,
 Померкла, какъ пѣсня, во мглѣ пустоты.

Цвѣты, распцѣтая,
 Нѣмой красотою
 Привѣтствуютъ Вѣчность и вянуть во снѣ.
 И пыль золотая
 Летитъ надъ водою,
 И таетъ и тонетъ въ чужой глубинѣ.

Я жаждалъ сліянья
 Съ лучомъ откровенья,
 Созвучія встрѣчи съ безсмертной душой.
 Но лѣтъ обаянья,
 Погасло мгновенье,
 И смертному смертный—павѣки чужой.

XXII.

КЪ ШЕЛЛИ.

Мой лучший братъ, мой свѣтлый гений,
 Съ тобою слился я въ одно.
 Межь нами цѣпь однихъ мученій,
 Однихъ небесныхъ заблужденій
 Всегда-лучистое звено.

И я, какъ ты, люблю равнины
 Безбрежныхъ стонущихъ морей,
 И я съ душою андрогинны,
 Нѣжной, чѣмъ ллія долины,
 Живу какъ тѣнь среди людей.

И я, какъ свѣтъ, вскормленный тучей,
 Блистаю вспышкой золотой.
 И мнѣ открыть аккорды пѣвучій
 Неумирающихъ созвучій,
 Рожденныхъ вѣчной Красотой.

КОШМАРЫ

For like an eyeless night-mare gief did sit
Upon his being...

Shelley

Потому что печаль, какъ безглазый кош-
марь, нависла надъ его существомъ...

Шелли

I.

УЗОРНОЕ ОКНО.

На блѣдно-лазурномъ стеклѣ
 Расписаны ярко узоры.
 Цвѣты наклонились къ землѣ,
 Скала убѣгаетъ къ скалѣ,
 И видно, какъ дремлютъ во мглѣ
 Далекія свѣжныя горы.
 Но что за высокимъ окномъ
 Горитъ неразказаннымъ спомъ,
 И краски сливается въ узоры?

Не дышетъ ли тамъ Красота
 Въ мерцашии мира и дѣни?
 Вскожу,—и блѣднѣетъ мечта,
 Къ печали ведетъ высота,
 За яркимъ окномъ пѣстота,—
 Меши обманули ступени.
 Все дремлетъ въ нѣмой полумглѣ,
 И только на мертвомъ стеклѣ
 Играютъ бездушныя тѣни.

II.

ПРОЙДУТЬ ВѢКА ВѢКОВЪ.

Пройдутъ вѣка вѣковъ, толны тысячелѣтій,
 Какъ туча саранчи, съ собой несущей смерть,
 И въ быстромъ ропотѣ испуганныхъ столѣтій
 До горькаго конца пребудетъ та же твердь,—

Нѣмая, мертвая, отвергнутая Богомъ,
 Живущимъ далеко въ беззвѣздныхъ небесахъ,
 Въ дыханьи Вѣчности, за гранью, за порогомъ
 Всего понятнаго, горящаго въ словахъ.

Всегда-холодная, пустыня звѣздъ надъ нами
 Останется чужой до горькаго конца,
 Когда она падеть кометными огнями,
 Какъ брызги слезъ нѣмыхъ съ печальнаго лица.

III.

ВѢЩІЙ СОНЪ.

СОНЕТЪ.

Какъ вѣщій сонъ волшебника-Халдея,
 Въ моей душѣ стоитъ одна мечта.
 Пустыня Мира дремлетъ, холодѣя,
 Въ Пустыни Мира дремлетъ Красота.

Отъ снѣжныхъ горъ съ высокаго хребта
 Гигантская восходитъ орхидея,
 Надъ ней отравой дышетъ пустота,
 И гаснутъ звѣзды, въ сумракѣ рѣдѣя.

Лазурный сводъ безбрежеш и глубока,
 Но въ глубь его зловѣще-тусклымъ взглядомъ
 Глядять—глядить чудовищный цвѣтокъ,

Валелѣянный желаньемъ, полный ядомъ,
И далеко—тѣспить нѣмой просторъ
Оплоты Мира, глыбы мертвыхъ горъ.

IV.

„БОГЪ НЕ ПОМНИТЬ ИХЪ...“

Въ тускломъ беззвучномъ Шеолѣ
Дремлютъ безъ сповъ рефанмы,
Тѣни умершихъ на волѣ,
Мертвой неволей хранимы.

Память склонилась у входа,
Къ темной стѣнѣ припадая.
Нѣтъ имъ ни часа, ни года,
Нѣтъ имъ призывовъ Шаддая.

Въ черной подземной пустынѣ
Мертвые спять караваны,
Снять вѣковыя твердыни,
Богомъ забытыя страны.

V.

СФИНКСЪ.

Среди песковъ пустыни иѣковой,
Безмолвный Сфинксъ царить на фопѣ ночи,
Въ лучахъ Луны гигантской головой
Встасть, ростеть,—глядять, не видя, очн.

Съ отчаяньемъ живого мертвеца,
 Восресшаго въ безвременной могилѣ,
 Здѣсь бился рабъ, томился безъ конца,—
 Рабы кошмаръ въ гранитъ воплотили.

И замысль чудовищной мечты,
 Средь Вѣчности, всегда однообразной,
 Возсталъ какъ врагъ обычной красоты,
 Какъ сонъ, слѣпой, нѣмой, и безобразный.

VI.

ВЪ ЧАСЪ ВЕЧЕРНІЙ.

Зачѣмъ въ названьи звѣздъ отравленные звуки,—
 Змѣя, и Скорпионъ, и Гидра, и Вѣсы?
 — О, другъ мой, въ царствѣ звѣздъ все та же боль разлуки,
 Тамъ такъ же тягостны мгновенья и часы.

О, другъ мой, плачущій со мною въ часъ вечерній,
 И тамъ, какъ здѣсь, царитъ Судьбы неправый судъ,
 Змѣей мерцаетъ ложь, и гидра жгучихъ терній—
 Отллата мрачная за радости минутъ.

И потому теперь въ туманности Эфира
 Разсыпались огни безвременной росы,
 И дышутъ въ темнотѣ, дрожать надъ болью Мира—
 Змѣя, и Скорпионъ, и Гидра, и Вѣсы.

VII.

РАВНИНА.

Какъ угрюмый кошмаръ исполина,
 Поглотивши луга и лѣса,
 Безъ конца протянулась равнина,
 И краями ушла въ небеса.

И краями пронзила пространство,
 И до звѣздъ прикоснулась вдали,
 Затѣвивъ міровое убранство
 Монотонной печалью Земли.

И далекія звѣзды застыли
 Въ безпредѣльности мертвыхъ небесъ,
 Какъ огни бриллиантовой пыли
 На лазури предвѣчныхъ завѣсъ.

И въ просторѣ пустыни безплодной,
 Гдѣ недвиженъ кошмаръ міровой,
 Только посится вѣтеръ холодный,
 Шевеля пожелтѣвшей травой.

ВЪ ЦАРСТВѢ ЛЬДОВЪ

Sit down; and let us
Upon that point fix all our eyes, that point there.
Make a dull silence, till you feel a sudden sadness
Give us new soul.

Beaumont

Сядемте; устремимъ все наше вниманіе на ту точку
вонъ на ту точку. Предадимся мрачному молчанію
пока вы не почувствуете, что внезапная скорбь дала
намъ новую душу.

Бомонтъ

I.

ВЪ ЦАРСТВѢ ЛЬДОВЪ.

1.

Какъ призраки огромные,
 Стоять нѣмые льды.
 Надъ нами тучи темныя,
 Подъ нами глубь воды.

Когда Луна,—гасильница
 Туманныхъ блѣдныхъ звѣздъ,—
 Небесная кадьльница,—
 Раскинетъ свѣтлый мостъ,

Раскинетъ мостъ сверкающій
 Надъ царствомъ бѣлыхъ льдовъ.—
 Пустышею летающей
 Идутъ ряды враговъ.

2.

Туманныя видѣнія
 Искателей земли
 Для жаднаго стремленія
 Преграду здѣсь пашли.

И были здѣсь отвергнуты
Холодною волной,
Отвергнуты, повергнуты
Пустыней ледяной.

Засыпаны бездушными
Пушиками снѣговъ,
Покрыты равнодушными
Тѣнями облаковъ.

3.

Но разъ въ году, единственный,
Въ ту ночь какъ новый годъ
Рождается таинственный
Изъ бездны темныхъ водъ,—

Путиами заповѣдными
Покинувъ Океанъ,
Луна горитъ побѣдными
Лучами сквозь туманъ.

И разъ въ году, единственный,
За гранью мертвыхъ водъ,
За дымкою таинственной
Умершее живеть.

4.

Изъ бездны отдаленія,
Искатели земли,
Встаютъ, какъ привидѣнія,
Нѣмые корабли.

И мачтами возносятся
 Высоко въ небеса,
 И точно въ битву просятся
 Съдые паруса.

Но снова, караванамъ,
 Растаютъ корабли,
 Не встрѣтивъ за туманами
 Певѣдомой земли.

5.

И вслѣдъ за ними,—смутныя
 Угрозы царству льдовъ,—
 Растутъ ежеминутныя
 Толпы новыхъ враговъ.

То люди первородные,
 Избранники Судьбы,
 Въ мечтаніяхъ—свободные,
 Въ скитаніяхъ—рабы.

Но, вставши на мгновеніе
 Угрозой царству льдовъ,
 Блѣднѣютъ привидѣнія,
 Рѣдѣютъ тѣни словъ.

6.

Другія перевозданныя
 Игралища страстей,
 Идутъ видѣнья странныя,—
 Похожи на людей.

Гигантскія чудовища,—
 Тяжелый сонъ вѣковъ,—
 Идутъ искать сокровища,
 Завѣтныхъ береговъ.

И въ страхѣ на мгновеніе,
 Звучитъ скала къ скалѣ,—
 Но вотъ уже видѣнія
 Растаяли во мглѣ.

7.

Безбрежно озаренная
 Мерцаніемъ Луны,
 Молчитъ пустыня сонная
 И вѣчно видитъ сны.

И видитъ сны преступные,—
 Судьбы неправый судъ.
 Но, вѣчно-недоступные,
 Оплоты льдовъ растутъ.

Въ насмѣшку надъ исканьями
 Восходитъ ихъ краса—
 Нѣмыми очертаньями
 Въ нѣмая Небеса.

II.

ЧТО СЛЫШНО ВЪ ГОРАХЪ?

„Что ты слышишь въ горахъ?“ ты спросила меня.

„Что ты слышишь въ горахъ?“ я спросила. „Расскажи
мнѣ сначала.“

„Пробужденье веселаго лѣтняго дня“,
Ты съ улыбкою мнѣ отвѣчала.

„Мелодичное пѣнье альпійскихъ рожковъ,
И блеянье овецъ, и мычанье быковъ,

И журчанье ключей искрометныхъ,

Надъ вершиной безшумный полетъ облаковъ.

Пѣнье птицъ, крики птицъ перелетныхъ...

Ну, а ты?“

И, задумавшись, я отвѣчала:—

„Нѣтъ, мнѣ слышенъ не шопотъ, а ропотъ.

Ропотъ черной грозы, и раскатный обвалъ,

Точно демоновъ яростный топотъ,

Заблудившихся путниковъ горестный крикъ,

Монотонно-гремящее эхо,

Человѣческихъ воплей отвѣтный двойникъ,

Звукъ чьего-то злораднаго смѣха.

И еще, что слышите всѣхъ бурь и громовъ,

Что страшите, чѣмъ звонъ долголѣтнихъ оковъ

И тяжелыя муки изгнанья:—

Это—сонъ вѣковыхъ непробудныхъ снѣговъ,

Это—Смерти молчанье...“

III.

МОРСКАЯ ПѢНА.

Какъ пѣна морская, на мигъ возникая,
 Погибнетъ, сверкая, растаетъ дождемъ,—
 Мы, дѣти мгновенья, живемъ для стремленья,
 И въ морѣ забвенья могилу найдемъ.

Зачѣмъ ежечасно, волнуясь напрасно,
 Стремимся мы страстно къ обманной мечтѣ?
 Зачѣмъ мы рыдаемъ, скользимъ и блистаемъ,
 И вновь пропадаемъ въ пѣмой пустотѣ?

О, жизни волненье! Блаженство, мученье!
 Печаль и сомнѣнье! Какъ жалко мнѣ васъ!
 Бѣжать бы мнѣ вѣчно, дышать безконечно,
 Свѣтиться безпечно въ полуденный часъ!

IV.

ВЪ ЛАБИРИНТѢ.

1.

ПРОХОДИ ПО ЛАБИРИНТУ.

Позабывъ о блескѣ Солнца, въ свѣтѣ призрачныхъ огней,
 Проходя по лабиринту безконечныхъ ступеней,
 Съ каждымъ шагомъ холодѣю, съ каждымъ днемъ темнѣе грусть,
 Все, что было, все, что будетъ, знаю, знаю навзгустъ.

Было много... Сны, надежды, свѣжесть чувства, чистота,
 А теперь душа измята, извращенна, и пуста.
 Я усталъ. Веса поблекла. Съ Небомъ порванъ мой завѣтъ.
 Тридцать лѣтъ монхъ я прожилъ. Больше молодости нѣтъ.

Я въ безцѣльности блуждаю, въ безпредѣльности грущу,
 И, утративъ счетъ ошибкамъ, больше Бога не ищю.
 Я хотѣлъ отъ сердца къ Небу перебросить свѣтлый мостъ,—
 Сердце прокляло созвѣзды, сердце хочетъ лучшихъ звѣздъ.

Что же мнѣ еще осталось? Съ каждымъ шагомъ холодѣть?
 И на все, что просить счастья, съ безучастіемъ глядѣть?
 О, послѣдняя надежда, свѣтъ измученной души,
 Смерть, улада всѣхъ страданій, Смерть, я жду тебя, спѣши!

2.

ОНА ПРИДЕТЬ.

Она придетъ ко мнѣ безмолвная,
 Она придетъ ко мнѣ безстрастная,
 Непостыжимой нѣги полная,
 Успокоительно-прекрасная.

Она придетъ какъ сонъ таинственный,
 Какъ звукъ родной во мглѣ изгнанія,
 И сладокъ будетъ мигъ единственный
 На грани мрака и сознанія.

Я буду тихимъ, буду радостнымъ,
 Извѣдавъ счастье примиренія,
 Я буду полною чувствомъ сладостнымъ,
 Незъяснимостью забвенія.

Безгласно буду я бесѣдовать
 Съ моею душою улетающей,
 Безгласно буду проповѣдовать
 О силѣ жизни созидающей,—

О силѣ Правды, не скудѣющей
 За невозбраними предѣлами,
 И надъ умершимъ тихо вѣющей
 Въ послѣдній разъ крылами бѣлыми.

V.

КОМУ Я МОЛЮСЬ?

Кому я молюсь? Холодному вѣтру.
 Кому я молюсь? Равнинѣ морской.
 Я братъ не людямъ, а бурѣ и вѣтру,
 Я братъ холодной равнинѣ морской.

Куда иду я? Къ горнымъ вершинамъ.
 Куда иду я? Къ пустынямъ глухимъ.
 Я братъ холодному горному вѣтру,
 Живу одиноко и растаю какъ дымъ.

Чего хочу я? Тѣни послѣдней.
 Чего хочу я? Смерти одной.
 Я духъ безстрастный, духъ безпріютный.
 Хочу я дремоты, дремоты ночной.

VI.

О, волны морскія, родная стихія моя,
 Всегда вы свободно бѣжите въ иные края,
 Всегда одинока въ холодномъ движеніи своемъ,
 А мы безутѣшно тоскуемъ—одни и вдвоемъ.

Зачѣмъ не могу я дышать и бѣжать, какъ волна,
 Я въ міръ одинъ, и душа у меня холодна,
 Я также спѣшу все въ иные, въ иные края,—
 О, волны морскія, родная стихія моя!

VII.

Море—вѣчное стремленье, горы—царственный покой.
 Если ты стремишься къ счастью, ввѣрь ладью волнѣ морской:
 Часъ придетъ, водненьемъ вѣчнымъ утомится жадный ваоръ,—
 Спи тогда съ разбитымъ сердцемъ въ тихомъ царствѣ мертвыхъ горъ.

VIII.

НА ВЕРШИНАХЪ.

Я въ горы ушелъ до разсвѣта:—
 Все выше, туда, къ ледникамъ,
 Гдѣ ласка горячаго лѣта
 Лишь снится предвѣчнымъ снѣгамъ,—

Туда, гдѣ холодныя волны
 Еще перожденныхъ ключей
 Блѣдиють, кристально-безмолвны,
 И грезять о чарахъ лучей,—

Гдѣ бѣлые призраки дремлютъ,
 Гдѣ Время сдержало полетъ,
 И вѣтру звенящему внемлютъ
 Лишь звѣзды, да тучи, да ледъ.

Я зналъ, что вѣка пролетѣли,
 Для сердца Земля умерла.
 Давно возвѣстили мители
 О гибели Блага и Зла.

Еще малодушные люди
 Цѣпей не хотѣли страхнуть.
 Но съ думой о сказочномъ чудѣ
 Я къ Небу направилъ свой путь.

И топотъ шаговъ неустанныхъ
 Окрестное эхо будиль,
 И въ откликахъ звучныхъ и странныхъ
 Я грезамъ отвѣтъ находилъ.

И слышала я сагу съдую,
 Пронѣтую Гениемъ горь,
 Я видѣлъ Звѣзду Золотую,
 Съ безмолвіемъ вель разговоръ.

Достигъ высочайшей вершины,
 И вдругъ мнѣ послышался гулъ:—
 Домчавшійся вѣтеръ долины
 Печальную пѣсню шениуль.

Опъ пѣлъ мнѣ: „Безумный! безумный!
 „Я—вѣтеръ долинь и полей,
 „Тамъ праздникъ, веселый и шумный,
 „Тамъ воздухъ пѣжикій и теплый“.

Опъ пѣлъ мнѣ: „Ты ищешь Лазури?
 „Какъ тучка растаешь во мгль!
 „И вѣчно небесныя бури
 „Стремятся къ зеленой Земль“.

„Прощай!“ говорилъ онъ. „Хочу я
 „Къ долинамъ уйти съ высоты,—
 „Тамъ ждуть моего поцѣлуя,
 „Тамъ дышутъ живые цвѣты.

„У каждаго домъ есть уютный,
 „Открытый дневному лучу.

„Прощай, пилгримъ безпріютный,
„Спѣшу... Убѣгаю... Лечу!“

Все смолкло. Снѣга холодѣли
Въ мерцаньи вечернихъ лучей.
И крупныя звѣзды блестѣли
Печалью нездѣшнихъ очей.

Далекое Небо вздымалось,
Ревнввую тайну храня.
И что-то въ душѣ оборвалось,
И льды усыпили меня.

Мнѣ чудилось: Колоколъ дальній
Съ лазурнаго Неба гудѣлъ,
Все тише, вѣжнѣй и печальнѣй,—
Онъ что-то напомнить хотѣлъ.

И, ввдя хребты ледяные,
Я понялъ въ тотъ призрачный мигъ,
Что, бросивъ обманы земные,
Я правды Небесъ не достигъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ

But now I am an emperor of a world,
This little world of man. My passions are
My subjects.

TOURNEUR

Но теперь я властитель надъ цѣлымъ мі-
ромъ, надъ этимъ малымъ міромъ человѣка.
Мои страсти—мои подданные.

Турнеръ

LXXVII.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ НЕНАПИСАННОЙ ПОЭМЫ.

1.

La luna мена... Полный луна...
 Иньесь, блѣдна, цѣлуешь, какъ гитана.
 Те ато... ато... Снова тишина...
 Но мрачепъ взоръ упорный Донъ-Жуана.

Слова солгутъ,—для мысли нѣтъ обмана,—
 Любовь людей,—она ему смѣшна.
 Онъ видѣлъ все, онъ понялъ слишкомъ рано
 Значеніе мечтательнаго сна.

Переходя отъ женщины продажной
 Къ монахинѣ, безгрѣшной, какъ мечта,
 Стремясь къ тому, въ чемъ дышетъ красота,

Ища улыбки глазъ бездонно-влажной,
 Онъ видѣлъ сонъ земли, не сонъ небесъ,
 И жаръ души испытанной исчезъ.

2.

Онъ будетъ мстить. Съ безстрашіемъ пирата
 Онъ будетъ плыть среди бесплодныхъ водъ.

Ня родины, ни матери, ни брата,
Надъ нимъ нависъ враждебный небосводъ.

Земная жизнь—постылый рядъ заботъ,
Любовь—цвѣтокъ, лишенный аромата.
О, лишь бы плыть—куда-нибудь—впередъ,—
Къ развѣчаннымъ свитышнимъ пѣть возврата.

Онъ будетъ мстить. И тысячи сердець
Поработитъ дыханіемъ отравы.
Взамѣнъ мечты онъ хочетъ мрачной славы.

И женщины сплетутъ ему вѣнецъ,
Теряя все за сладкій мигъ обмана,
Въ проклятыяхъ восхваляя Донъ-Жуана.

3.

Что-жь, Донъ-Люисъ? Вопросъ—совсѣмъ нетрудный.
Однимъ ударъ его навѣкъ рѣшить.
Мы связаны враждою обоюдной.
Ты честный мужъ,—не такъ ли? И бандитъ?

Гдѣ блещетъ шпага, тамъ языкъ молчитъ.
Впередъ! Вотъ такъ! Прекрасно! Выпадъ чудный!
А. Донъ-Люисъ! Ты надаешь? Убить.
In pace requiescat. Безразсудный!

Забылъ, что Донъ-Жуанъ неуязвимъ!
Быть можетъ, самымъ Адомъ я хранимъ,
Чтобъ стать для всѣхъ примѣромъ лютой казни?

Готовъ служить. Не этимъ, такъ другимъ.
И мнѣ ли быть доступнымъ для боязни,
Когда я жаждой мести одержимъ!

4.

Сгущался вечеръ. Занадъ угасаль.
Взошла луна за темнымъ океаномъ.
Опять кругомъ гремѣлъ стозвучный валъ,
Какъ шумъ грозы, летящей по курганамъ.

Я вспомнилъ степь. Я вижу за туманомъ
Усадьбу, садъ, нарядный бальный залъ,
Гдѣ тѣмъ же сладко-чувственнымъ обманомъ
Я взоры Русскихъ женщинъ зажигаю.

На зовъ любви къ красавицѣ-княгинѣ
Вошелъ я тихо-тихо, точно воръ.
Она ждала. И ждетъ меня донынѣ.

Но ночь еще хранила свой уборъ,
А я летѣлъ, какъ мчится смерчъ въ пустынѣ,
Сквозь стень я гналъ коня во весь опоръ.

5.

Промчался дни желанья свѣтлой славы,
Желанья быть среди подубоговъ.
Я полюбилъ жестокин забавы,
Полеты акробатовъ, бой быковъ,

Звѣрияцы, гдѣ свиваются удавы,
 И дѣвственность, вводимую въ зльковъ —
 На путь неописуемыхъ видѣній,
 Блаженно-извращенныхъ наслажденій.

Я полюбилъ плѣняющій развратъ
 Съ его неуголяющей усладой,
 Съ его пренебреженьемъ всѣхъ преградъ,
 Съ его — ему лишь свойственной — отрадой.
 Со всѣхъ цвѣтовъ собирая аромать,
 Люблю я жгучій зной смѣнить прохладой,
 И, взявъ свое въ любви съ чужой женой,
 Встрѣчать ее улыбкой ледяной.

И вдругъ опять въ моей душѣ проглянеть
 Какой-то сонъ, какой-то свѣтъ иной,
 И образъ мой предъ женщиной предстанеть
 Окутаннымъ печалью неземной.
 И вновь ее онъ какъ-то сладко ранитъ,
 И, вновь — раба, она пойдетъ за мной.
 И поспѣшитъ отдаться наслажденью
 Восторженной и гаснущею тѣнью.

Любовь и смерть, блаженство и печаль
 Во мнѣ живутъ красивымъ сочетаньемъ,
 Я всѣхъ маню, какъ тонущая даль,
 Уклончивымъ и тонкимъ очертаньемъ,
 Блвстательно убійственнымъ, какъ сталь,
 Съ ея пѣвымъ змѣннымъ трепетаньемъ.
 Я весь — огонь, и холодъ, и обманъ,
 Я — радугой пронизанный туманъ.

ЗАБЫТАЯ КОЛОКОЛЬНЯ

И человекъ въ человекѣ увидаль врага.

То былъ первый великій грѣхъ.

И человекъ въ женщинѣ увидаль игрушку
страстей своихъ.

То былъ второй великій грѣхъ.

И полюбили они грѣхи свои, и возвели ихъ
въ перлъ созданья, и преступлене смѣшали съ
красотой, и опьянили себя чарами Искусства.

То былъ третій грѣхъ, величайшій.

И міра ихъ беззаконія исполнилась.

Изъ Лѣтописи Мира

ЗАБЫТАЯ КОЛОКОЛЬНЯ.

1.

Надъ забытой колокольней
 Таесть странный блѣдный свѣтъ,
 Словно грусть о жизни дольней,
 Той, въ которой счастья нѣтъ.
 Надъ забытой колокольней,
 Въ свѣтѣ сказочныхъ огней.
 Все печальный, недовольный
 Соимы блѣдные тѣней—
 Тѣхъ, которые молились,
 Преступленія полны,
 И неправдой утомились,
 И въ землѣ погребены,
 Тѣхъ, которые молились,
 Возмущаясь тишиной,
 И навѣки удалились,
 Удалились въ мѣрз иной.

2.

Лѣсъ молчать во снѣ,
 Сонъ его могилень.
 Только въ тишинѣ
 Стопнетъ мрачный филинь.

Красная Луна
 Между елей тонеть.
 Всюду тишина,
 Только филинъ стонеть.

Лѣсъ молчить и спать,
 Сонъ увидѣлъ чудный.
 Кто-то былъ убитъ,
 Здѣсь, въ глуши безлюдной.

3.

Много лѣтъ тому назадъ
 Звѣзды таяли въ туманѣ.
 Ночью брата встрѣтилъ братъ,
 На лѣсной глухой полянѣ.

Ночью брата встрѣтилъ братъ,
 Смутно дрогнулъ мракъ глубокой.
 Въ эту ночь у райскихъ вратъ
 Плакалъ ангель одинокой.

4.

И тысячи ангеловъ, тысячи Геніевъ Свѣта,
 Въ предѣлахъ небесныхъ скорбѣли надъ сонной Землей,
 Искали у Бога тревожнымъ вопросамъ отвѣта,
 И лучшія звѣзды, блѣднѣя, подернулись мглой.

Но Богъ не отвѣтилъ, зачѣмъ допустилъ преступленье,
И падали звѣзды въ пространство одна за другой,
Узнавши, что имъ за мятежь суждено въ искупленье—
Дышать и дрожать надъ пустыней тревоги людской.

5.

Въ темнотѣ миллионы тѣней
Погребальнымъ идутъ хороводомъ.
И при свѣтѣ болотныхъ огней
Исчезаетъ народъ за народомъ.

И не въ силахъ безумцы понять,
Что вращаются въ кругъ замкнутомъ,
Что невѣрныхъ огней не догнать
И нельзя отдаваться минутамъ,—

Что помимо звѣриныхъ страстей
Есть иное святое блаженство—
Красота первозданныхъ Идей,
Гармоничныхъ міровъ совершенство.

И безумцы не въ силахъ постичь
Безконечную прелесть познанья,
И не слышать немолкнуцій кличъ,
Отдаленный восторгъ Міровданья.

6.

Мы цвѣты срывали, намъ цвѣты цвѣля,
Разныя дороги къ счастью насъ вели.

Намъ свѣтили звѣзды, Солнце, и Луна,
Все для насъ погасло, всюду тишина.

Мы цвѣты сорвали, больше нѣтъ цвѣтовъ,
Звѣзды утонули въ безднѣ облаковъ.

Разными путями къ смерти мы пришли,
Счастія искали, счастья не нашли.

7.

Лѣсъ молчить во снѣ,
Сонъ его туманенъ.
Въ мертвой тишинѣ
Кто-то въ сердце раненъ.

Тамъ волна къ волнѣ
Въ озерѣ стремится.
Въ мертвой тишинѣ
Тѣнь, одна, томится.

Лѣсъ молчить во снѣ,
Слышать: Кто-то стонеть.
Въ водной глубинѣ
Женскій образъ тонеть.

8.

Русалка очнулась на днѣ,
Зеленяя очи открыла,
И тутъ же на днѣ, въ сторонѣ,
Родного ребенка зарыла.

И слышать, какъ бьется дитя,
 Какъ бредить о мѣрѣ свободномъ.
 Русалка смѣется, шутя—
 Привольно ей въ царствѣ подводномъ.

И долгіе годы пройдутъ,
 Русалка въ водѣ поблѣдетъ,
 И люди русалку найдутъ,
 Когда глубина обмелѣетъ.

И люди русалку найдутъ
 Застывшимъ пѣмымъ изваяньемъ,
 Дивятся искусству придуть,
 Молчанью молиться молчаньемъ.

То будетъ въ послѣдніе дни,
 Когда мы простимся съ Мадонной,
 Надъ бездной засвѣтимъ огни,
 Услышимъ свой маршъ похоронный.

9.

Что же тамъ за странный гулъ?
 Ты сказалъ, что мѣрѣ уснулъ.
 Ты сказалъ, что темный лѣсъ
 Спитъ въ безмолвіи чудесъ,
 Дремлетъ сказкой быстрыхъ дней,
 Бредитъ грезами тѣней.
 Долгій мрачный гулъ встаетъ.
 Это колоколь поетъ!
 Совѣсть грозная земли,
 Говоритъ: „Возстань! Внемли!“

Это колоколь гудить,
Долгимъ гуломъ сердцу мстить
За грѣховныя мечты
Искаженной красоты.

10.

„Вы умершіе, вы мертвые, хоть кажетесь живыми,
Вы закончили круженіе въ жестокой пустотѣ.
Вы, упорствуя, играете костями роковыми,
Но грозить ужь срокъ содвинутой, и вы уже не тѣ.

„Все исчерпано, окончено, проиграно, чужое,
Вамъ лишь тлѣніе, гниеніе среди черной темноты.
Если равѣ томилась вы, томленье будетъ вдвое,
Вы—лишь прахъ отъ растоптанія убитой Красоты“.

ЗВѢЗДА ПУСТЫНИ

Иногда въ пустынѣ возникаютъ голоса, но
никто не знаетъ, откуда они.

Слова одного бедуина

ЗВѢЗДА ПУСТЫНИ.

1.

О, Господи, молю Тебя, приди!
 Ужь тридцать лѣтъ въ пустынь я блуждаю,
 Ужь тридцать лѣтъ пошу огонь въ груди,
 Ужь тридцать лѣтъ Теби я ожидаю.
 О, Господи, молю Тебя, приди!

Мнѣ разумъ говорить, что нѣтъ Тебя,
 Но слѣпо и безумнымъ сердцемъ вѣрю,
 И падаю, и мучаюсь, любя.
 Ты видишь, я душой не лицемерю,
 Хоть разумъ мнѣ кричитъ, что нѣтъ Тебя!

О, смилуйся надъ гниющимъ рабомъ!
 Нѣтъ больше силъ стонать среди пустыни,
 Зажгнись во мракѣ огненнымъ столбомъ,
 Приди, молю Тебя, я жду святыни.
 О, смилуйся надъ гниющимъ рабомъ!

2.

Только что сердце молилось Тебѣ,
 Только что ввѣрилось темной судьбѣ,—
 Больше не хочетъ молиться и ждать,
 Больше не можетъ страдать.

Точно задвинулись двери тюрьмы,
 Душно мнѣ, страшно отъ шепчущей тьмы,
 Хочется въ пропасть взглянуть и упасть,
 Хочется Бога проклясть.

3.

О, Даятель нѣмыхъ свидѣній,
 О, Создатель всемірнаго свѣта,
 Я не знаю Твоихъ откровеній,
 Я не слышу отвѣта.

Или трудно Тебѣ отозваться?
 Или жаль Тебѣ скуднаго слова?
 Вотъ ужь струны готовы порваться
 Отъ страдавья земного.

Не хочу славословія заемныхъ,—
 Лучше крики пытаемыхъ плѣнныхъ,
 Если Ты не блистаешь для темныхъ,
 И терзаешь смиренныхъ!

4.

О, какъ Ты далекъ! Не найти мнѣ Тебя, не найти!
 Устали глаза отъ простора пустыни безлюдной.
 Лишь кости верблюдовъ бѣлѣютъ на тускломъ пути,
 Да чахлая трава змѣяется надъ почвою скудной.

Я жду, я тоскую. Вдали вырастаютъ сады.
 О, радость! Я вижу, какъ нальмы растутъ, зеленя.

Сверкают кувшины, звеня от блестящей воды.
Все ближе, все ярче!—И сердце забилось, робѣя.

Боятся и шепчутъ: „Оазисъ!“—Какъ сладко цвѣсти
Въ садахъ, гдѣ, какъ праздникъ, плѣнительна жизнь молодая.
Но что это? Кости верблюдовъ лежать на пути!
Все скрылось. Лишь носится вѣтеръ, пески паметая.

5.

Но замеръ и вѣтеръ среди мертвыхъ песковъ,
И тише, чѣмъ шорохъ увидшихъ листовъ,
Протяжій, чѣмъ шумъ Океана,
Безъ словъ, но, слагаясь въ созвучія словъ,
Изъ сферъ неземного тумана,
Послышался голосъ, какъ будто бы зовъ,
Какъ будто дошедшій сквозь бездну вѣковъ
Утихшій полетъ урагана.

6.

„Я откроюсь тебѣ въ неожиданный мигъ,
И никто не узнаетъ объ этомъ,
Но въ душѣ у тебя загорится родникъ,
Озаренный негаснущимъ свѣтомъ.
Я откроюсь тебѣ въ неожиданный мигъ
Не печалься. Не думай объ этомъ.

„Ты воскликнулъ, что Я безконечно далекъ,—
Я въ тебѣ, ты во Мнѣ, безраздѣльно.
Но пока сохрани только этотъ намекъ: —

Все—въ одномъ. Все глубоко и цѣльно.
 Я незримымъ лучомъ надъ тобою горю,
 Я желаніемъ правды въ тебѣ говорю“.

7.

И тамъ, гдѣ пустыня съ Лазурью слилась,
 Звѣзда ослѣпительнымъ ликомъ заглясь.
 Испуганно смотреть съ нѣмой вышины,—
 И вотъ надъ пустыней зарѣили сны.

Донесся откуда-то гаснущій звонъ,
 И сталь вырастать въ вышину небосклонъ.
 И взорамъ открылось при свѣтѣ зарницъ,
 Что въ небѣ есть тайны, но нѣтъ въ немъ границъ.

И образъ пустыни отъ взоровъ исчезъ,
 За небомъ раздвинулось Небо небесъ.
 Что жизнью казалось, то сномъ пронеслось,
 И вѣчное, вѣчное счастье заглялось.

Римъ.
 Осень, 1857.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПОДЪ СЪВЕРНЫМЪ НЕБОМЪ.

	Стр.
Предисловіе.	1
Смерть	3
Фантазія	4
Зарница.	5
Молитва.	6
Лунный свѣтъ. <i>Сонетъ</i>	7
Пить Аріадны.	7
Уходитъ свѣтлый Май.	8
Одна есть въ мірѣ красота.	9
Волото.	9
Безъ улыбки, безъ словъ.	10
Родная картина	10
Зачѣмъ?	11
Мнѣ ненавистенъ гулъ гигантскихъ городовъ	12
Я знаю, что значить — безумно рыдать	12
У Скандинавскихъ скалъ	13
Привракъ	13
У фьорда	14
Зарождающаяся жизнь. <i>Сонетъ</i>	15
Норвежская дѣвушка	15
М***.	16
Чайка	16
Горный король.	17
Картинка. <i>Сонетъ</i>	18
О, если бы мнѣ сердце холодное	19
Мечта.	19

	Стр.
Когда между тучекъ туманных...	20
Я разстался съ печальной Луною...	20
Разлука	20
Есть красота въ постоянствѣ страданія...	22
Колыбельная пѣсня	23
Пѣснь Юдѣи	24
Августъ. <i>Сонетъ</i>	25
О, птичка нѣжная, ты не поймешь меня!..	26
Памяти П. С. Тургенева	27
Заря	31
Духи чумы	32
Челюсть томленья	33
О, женщина, дитя!	34
Цвѣтокъ	34
Дышали твои ароматныя плечи	35
Два голоса	35
Пѣсня безъ словъ	36
Рабство. <i>Сонетъ</i>	36
Кошмаръ. <i>Сонетъ</i>	37
Нѣтъ, мнѣ никто не сдѣлалъ столько зла... .	38
Ласточки. <i>Сонетъ</i>	39
Въ столицѣ	40
Грусть	41
Въ ночь искрилась роса	41
Смерть. <i>Сонетъ</i>	42
Смерть, ублаюкай меня!	42

ВЪ БЕЗБРЕЖНОСТИ.

Уходящія тѣни	47
1. За предѣлы.	
Болотныя лиліи	51
Все мнѣ грезится	52
На дальнемъ полюсѣ	52
Камыши	53
Подводныя растенія	54
Пустыня	55
Змѣиный глазъ	55
Гибель	57

	Стр.
Вечерній свѣтъ погасъ	57
Исполнскія горы	58
Ковыль	59
Океанъ	60
Вѣчно-безмолвное Небо	61
Лебедь	61
Безпріютность	62
Надъ пучиной морской	63
Въ пещерѣ	64
А юдагъ	65
Въ этой жизни смутной	65
Нѣтъ, не могу я заснуть	66
Въ часъ разсвѣта	66
Вѣтеръ	67
Призраки	68
Зарожденіе ручьи	69
Духъ вѣтровъ	69
Вѣтеръ перелетный	70
Ручей	71
Утомленное Солнце	71
Звуки прибоя	72
Морское дно	73
Кто это ходитъ	74
Островъ цвѣтовъ	75
Туманы	76
Чахлая сосны	77

2. Любовь и тѣни любви.

Въ пустынь безбрежнаго Моря	81
Первая любовь	82
Ночь	82
Баюшки-баю	83
Не могу я забыть	84
День за днемъ	85
Въ золотистомъ туманѣ	86
Оазисъ	87
Колеблются стебли	88
Въ молчаньи забывшейся ночи	89

	Стр.
Не буди воспоминаній	90
Тріолеты	90
Русалки	92
Поэдно	93
Аргули	94
Мэри	95
Скрипка	96
Трубадуръ	96
Слова любви	97
Смѣшались дни и ночи	97
Беатриче	98
Отчего	99
Черноглазая лань	100
И боюсь, что любовью кинучей	101
Ночные цвѣты	101
Колыбельная пѣсня	102
Засвѣтилася лампада	103
Лунный лучъ	104
Предъ разсвѣтомъ	105
Эльзи	105
Въ стыдливости ивмой	109
Ненормальное	109
Тебя я хочу	110
Быль покинуть очагъ	111
Я жду	112

3. Между ночью и днемъ.

Восходящее Солнце	117
Данте	117
Погибшій	120
Три совета. Вопросъ	121
Откликъ	122
Библия	123
О, только бы знать	123
Свѣча горитъ и меркнетъ	124
Надгробные цвѣты	124
Изъ-подъ Севернаго неба	125
Больной	126

	Стр.
Морозные узоры	126
Млечный Путь	127
Нескончаемый кошмаръ	128
Небесная роса	130
Кто-то Таинственный	130
Послѣдняя мысль Прометей	131
На мотивъ псалма XVIII-го	133
Въ безводномъ колодезь	133
Сонъ и смерть	134
На мотивъ Экклезиаста	135
Воскресшія	136
Символь смерти	138
Горящій атомъ	138
Да, я вижу	139
Перевоплощеніе	140
Къ неизвѣстной Красотѣ	145

ТИШИНА.

Возрожденіе	145
1. Мертвые корабли	149
2. Искры	157
3. Воздушно-бѣлые.	
Снѣжные пѣвцы	163
Свѣтлѣй себя	167
Золотая звѣзда	167
Какъ цвѣтокъ	168
Цвѣты нарцисса	169
Бромелия	169
Эдельвейсъ	170
Бѣлый лебедь	171
Вдали отъ земли	171
4. Вѣтеръ съ Моря.	
Морская пѣсня	175
Въ непознанный часъ	176
Она какъ русалка	177
Какъ волны морскія	177

	Стр.
Поблѣднѣвшая ночь	187
Полоса свѣта	188
Бездомные	189
5. Въ дымкѣ вѣчно-золотой.	
Я зналъ	183
Нѣмая тѣнь	183
Однодневка	184
Изъ-за дальнихъ морей	185
Итъ и не будетъ	185
До послѣдняго дня	186
Алая и бѣлая	186
6. Мгновенія правды.	
Зовъ	191
Позабитое	191
Резигнація	192
Паутилки	193
Тишина	193
Лунная почь	194
Зимній дымъ	195
Въ чашѣ лѣса	195
Гавань спокойная	196
Въ пространствахъ Эенра	196
Правда	197
Сонъ	198
Неясная радуга	199
Прости	199
7. Аккорды.	
Аккорды	203
Три символа	203
Музыка	204
Спящая Мадонна	205
Предъ картиной Греко	206
Отверженный	207
Камень	207
Пламя	208

	Стр.
Полуразорванные тучи	208
Когда же	209
Английскій пейзажъ	210
Въ Оксфордѣ	210
Вечеръ	211
Ручей	211
Крымская картинка	213
Въ окрестностяхъ Мадрида	214
Мечтательный вечеръ	214
Отъ последней улыбки луча	215
Гдѣ-то волны отзвучали	216
Амариллисъ	216
И ты изменила	217
Къ Шелли	218
8. Кошмары.	
Узорное окно	221
Пройдутъ вѣка вѣковъ	221
Вѣщій сонъ	222
Богъ не помнитъ ихъ	223
Сфинксъ	223
Въ часъ вечерній	224
Равнина	225
9. Въ царствѣ льдовъ.	
Въ царствѣ льдовъ	229
Что слышно въ горахъ	233
Морекаи пѣна	234
Въ лабиринтъ	234
Кому я молюсь	236
О, волны морскія	237
Море вѣчное стремленье	237
На вершинѣ	238
10. Донъ-Жуанъ	243
11. Забытая колокольня	249
12. Звѣзда пустыни	257

КАТАЛОГЪ

книгоиздательствъ „Скорпионъ“ и „Мусагетъ“

КАТАЛОГЪ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА
«СКОРПИОНЪ»

СТИХИ.

- Ю. Балтрушайтисъ. Земныя Ступени. Элегія. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
Ю. Балтрушайтисъ. Горниан Трона. Вторая книга стиховъ. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- К. Д. Бальмонтъ. Полное собраніе стиховъ.
Томъ I. (Подъ Сѣвернымъ Небомъ. Въ Безбрежности. Тишина) Изд. 4-е М. 1914. Ц. 2 р.
Томъ II. (Горищія Зданія). Изд. 4-е. М. 1914. Ц. 1. 50 к.
Томъ III. (Будемъ какъ Солнце). Изд. 4-е. М. 1912. Ц. 2 р.
Томъ IV. (Только Любовь). Изд. 3-е. М. 1913. Ц. 1 р. 50 к.
Томъ V. (Литургія Красоты). Изд. 2-е. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
Томъ VI. (Фейныя Сказки. Злыя Чары). Изд. 2-е. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
Томъ VII. (Жаръ-Птица). Фронтисписъ К. Сомова (хромолитография). М. 1907. Ц. 2 р.
Томъ VIII. (Зеленый Вертоградъ). Изд. 2-е. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
Томъ IX. (Птицы въ воздухъ). Изд. 2-е. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
Томъ X. (Хороводъ Времени). М. 1909. Ц. 1 р. 20 к.
- К. Д. Бальмонтъ. Звѣнья. Избранные стихи. 1890—1912. М. 1912. Ц. 1 р.
- Валерій Брюсовъ. Пути и перенутья. Собраніе стиховъ 1892—1909 гг.
Томъ II. Стихи 1902—1903 гг. (Urbi et Orbi, Stephanos). Вторая тысяча. М. 1908. Ц. 2 р.
Томъ III. Стихи 1907—1909 гг. (Вѣв Напѣвы). Вторая тысяча. М. 1909. Ц. 2 р.
- Валерій Брюсовъ. Зеркало Тѣней. Стихи 1909—1912 гг. Обложка Д. Митрохина. М. 1912. Ц. 2 р.
- Ив. Бунинъ. Лиетонадъ. Стихотворенія. М. 1905. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)
Поль Верленъ. Собраніе стиховъ. Въ переводъ Валерія Брюсова. Съ біографическимъ очеркомъ и 6 портретами. М. 1911. Ц. 2 р.
- Юрій Верховскій. Разныя стихотворенія. М. 1908. Ц. 80 к.
- З. Н. Гиппиусъ. Собраніе стиховъ. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

- Вячеслав Ивановъ.** Прозрачность. Вторая книга лирики. Обложка Н. Сеофилактова. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.
- Вячеслав Ивановъ.** Cor Ardens. Томъ I. (Cor Ardens. Speculum Speculorum. Эросъ. Золотыя Завѣсы). Фронтисписъ К. Сомова (хромолитографіи). М. 1911. Ц. 2 р. 40 к.
- Cor Ardens.** Томъ II. (Любовь и Смерть. Rosarium). М. 1912. Ц. 2 р. Для имѣющихъ I томъ—1 р. 10 к. (Оба тома вмѣстѣ 3 р. 50 к.)
- М. Кузминъ.** Свѣти. Первая книга стиховъ. Обложка Н. Сеофилактова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- М. Кузминъ.** Осенній Озера. Вторая книга стиховъ. Обложка С. Судейкина. М. 1912. Ц. 1 р. 80 к.
- Ив. Конесной.** Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій съ портретомъ автора и двумя очерками о его жизни и творчествѣ. Ред. Валерія Брюсова. М. 1904. Ц. 1 р. (вм. 2 р.).
- Николай Морозовъ.** Звѣздныя пѣсни. Съ портретомъ автора и 2 картами звѣзднаго неба. Обложка М. Соломонова. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Стихи Неали.** Съ посвященіемъ Валеріи Брюсова. М. 1913. Ц. 60 к.
- Федоръ Сологубъ.** Собраніе стиховъ. М. 1904. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 50 к.).
- Оскаръ Уайльдъ.** Тюремная баллада. Переводъ К. Д. Бальмонта. Обложка М. Дурнова. М. 1904. Ц. 50 к.
- Уольф Уитманъ.** Побѣги травы. Пер. К. Д. Бальмонта. М. 1911. Ц. 1 р. 90 к.

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

- Валерій Брюсовъ.** Земная Осъ. Разказы и драматическія сцены. 2-ое, дополненное изд. Иллюстраціи и обложка Альберто Мартини (фототипии). М. 1910. Ц. 2 р. 20 к.
- Валерій Брюсовъ.** Ночи и дни. Вторая книга разказовъ и драматическихъ сценъ. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
- Валерій Брюсовъ.** Огненный Ангелъ. Повѣсть изъ нѣмецкой жизни XVI в. Над. 2-е, дополненное примѣчаніями. Украшеній по гравюрамъ XVI в. М. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Андрей Бѣлый.** Кубокъ метелей. 4-я симфонія. Обложка А. Федотова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Кнутъ Гамсунъ.** Съестя. Очерки и разказы. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)
- М. Кузминъ.** Первая книга разказовъ. (Приключеніи Эме Лебефа. Письма Клары Вальмонъ. Тѣнь Филлиды. Флоръ и разбойникъ Рѣшенію Анны Мейеръ. Кушетка тети Соии Крыльи). Обложка по изданію XVIII в. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

- М. Кузминъ.** Вторая книга рассказовъ (Подвиги Великаго Александра. Повѣсть объ Елевсиппѣ. Нѣжный Юсифъ). Обложка по изданію XVIII в. М. 1910. Ц. 1 р. 80 к.
- М. Кузминъ.** Третья книга рассказовъ. (Путешествіе сэра Джона Фирфакса. Повѣсть о Ксанѣѣ. „Высокое искусство“. Нечаянный провіантъ. Опасный стражъ. Ванина родивка. Мечтатели.) М. 1913. Ц. 1 р. 80 к.
- Жагадиовъ.** Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Теофилактова М. 1905. Ц. 40 к. (вм. 65 к.).
- Эдгаръ По.** Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта. Томъ I. Поэмы, сказки. Изд. 3-е. М. 1912. Ц. 2 р. 20 к.
Томъ II. Рассказы, статьи, афоризмы. Изд. 3-е. М. 1913. Ц. 2 р. 20 к.
Томъ III. Страшные рассказы, гротески. М. 1911. Ц. 2 р.
Томъ IV. Необычайныя приключенія. М. 1912. Ц. 2 р.
Томъ V. Эврика. Письма. Біографія. М. 1912. Ц. 2 р.
- Ст. Пшибышевскій.** Собраніе сочиненій.
Книга II. Pro domo mea. De profundis. У Моря. Сыны Земли (романъ въ 3 частяхъ) и др. Переводъ М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Полякова. Обложка Е. Надельмана. М. 1905. Ц. 1 р. 50 к. (вм. 2 р. 40 к.).
Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч. Обложка Н. Теофилактова. М. 1903. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 30 к.)
Книга IV. Заупокойная месса. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Переводъ М. Семенова и Е. Троповскаго. Обложка Фидуса. М. 1906. Ц. 60 к. (вм. 1 р.).
- Ст. Пшибышевскій.** Сыны Земли. Романъ. Переводъ Е. Троповскаго. М. 1905. Ц. 20 к. (вм. 50 к.)
- Федоръ Сологубъ.** Жало Смерти. Рассказы. М. 1905. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 50 к.).

III. ДРАМЫ.

- Эмиль Верхарнъ.** Елена Спартанская. Трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна. М. 1909. Ц. 80 к.
- Кнутъ Гамсунъ.** Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Изд. 3-е. М. 1909. Ц. 30 к. (вм. 50 к.)
- Зигмунтъ Красинскій.** Небожественная комедія. Пер. А. Курсинскаго. Изд. 2-е. Съ портретомъ З. Красинскаго. М. 1906. Ц. 30 к. (вм. 60 к.)
- А. Зиновьева-Аннибаль.** Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вяч. Иванова. Обложка Н. Теофилактова. М. 1901. Ц. 1 р. 80 к.

- Шарль ванъ-Лербергъ.** Они почували. М-ше Коси-Съно. Сказки. Переводъ С. А. Полякова. Съ иллюстраціями Н. Теофилактова. М. 1908. Ц. 1 р.
- Шарль ванъ-Лербергъ.** Они почували. М-ше Коси-Съно. Переводъ С. А. Полякова. Ц. 40 к.
- Моркъс Мэтерлинкъ.** Стихи. Пеллеасъ и Мелизанда. Переводъ Валерія Брюсова. Съ 3 портретами М. Мэтерлинка и статьей о его жизни и творчествѣ. М. 1905. Ц. 1 р.
- Ст. Пшибышевскій.** Вѣчная сказка. Пер. Е. Троицкаго. Обложка Брунеллески. М. 1907. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)
- Оснаръ Уайльдъ.** Флорентинская Трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) М. Ликиардопуло и А. Куринскаго. Съ 3 портретами О. Уайльда. М. 1907. Ц. 80 к.
- Аргуръ Шницлеръ.** Зеленый попугай. Трилогія. („Парацельсъ“, „Подруга“, „Зеленый попугай“.) Перев. съ нѣмецкаго. М. 1900. Ц. 30 к. (вм. 60 к.)

IV. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ, ПУТЕШЕСТВІЯ И Т. Д.

- К. Д. Бальмонтъ.** Змѣиные цвѣты. Путевыя письма изъ Мексики. Съ 43 рис. М. 1910. Ц. 3 р. То же — безъ рисунковъ. Ц. 2 р.
- Обри Бердслей.** Содержаніе: Робертъ Россъ. Обри Бердслей. Монографія. — Артуръ Симонсъ. Обри Бердслей. Монографія. — Обри Бердслей. Венера и Тангейзеръ. Романтическая новелла. — Обри Бердслей. Стихи. Застольная болтовня. — Избранныя мѣста изъ писемъ. — Подробная иконографія и библиографія. — Примѣчанія. — Портреты, автопортреты, карикатуры. — Воспроизведенія рисунковъ (около 40) О. Бердслея черныхъ и въ краскахъ. Авторизованный переводъ съ англійскаго М. Ликиардопуло. М. 1912. Ц. 3 руб.
- Н. Брюсова.** Временное и пространственное строеніе формы. М. 1911. Ц. 40 к.
- Валерій Брюсовъ.** Мицельскіе стихи Пушкина. Къ критикѣ текста. М. 1907. Ц. 1 р.
- Валерій Брюсовъ.** Далекіе и близкіе. Статьи и замѣтки о русскихъ поэтахъ отъ Тютчева до нашихъ дней. М. 1912. Ц. 2 р.
- Валерій Брюсовъ.** За моимъ окномъ. Изъ воспоминаній. М. 1913. Ц. 50 к.
- В. Ландсбергъ.** Долой Гауптмана! Переводъ съ нѣмецкаго М. Семенова. М. 1902. Ц. 40 к. (вм. 70 к.)
- Н. Лернеръ.** Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическія данныя жизни Пушкина. М. 1903. Ц. 60 к. (вм. 1 р.)

Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. Приложены факсимиле рисунковъ и рукописей А. Пушкина. М. 1903. Ц. 90 к. (вм. 1 р. 50 к.)

Артуръ Рансомъ. Оскаръ Уайльдъ. Характеристика. Авторизованный переводъ съ рукописи М. Ликіардопуло. Съ предисловіемъ для русскаго изданія Роберта Росса и съ неизданнымъ портретомъ О. Уайльда. (Печатается.)

У. АЛЬМАНАХИ.

Сѣверные цвѣты на 1901 г. Стихи, рассказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1901. Ц. 60 к. (вм. 1 р. 50 к.)

Сѣверные цвѣты на 1902 г. Стихи, рассказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1902. Ц. 80 к. (вм. 2 р.)

Сѣверные цвѣты. Альманахъ за три года—1901, 1902, 1903 гг. Большой томъ свыше 600 стр. Стихи, рассказы, статьи К. Д. Бальмонта, Валерія Брюсова, З. Гиппиусъ, М. Лохвицкой, Д. Мережковского, Н. Минскаго, В. Розанова, К. Случевского, К. Фофанова, А. Чехова и др. Письма: А. С. Пушкина, Ф. Тютчева, И. С. Тургенева, А. Фета, Вл. Соловьева, П. Некрасова и др. Виньетки и заставки К. Сомова, Л. Бакста, М. Волошина и др. Обложка В. Борисова-Мусатова. М. 1904. Ц. 3 р.

Сѣверные цвѣты Ассирійские на 1904 — 5 гг. Роскошное изданіе. Содержаніе: „Три расцвѣта“, драма К. Д. Бальмонта. „Земли“, сцены изъ будущихъ временъ Валерія Брюсова. „Танталъ“, трагедія Вяч. Иванова. Стихи и рассказы С. Соловьева, Макса Волошина, Ф. Сологуба, П. Минскаго, З. Гиппиусъ, М. Криничкаго, Ю. Чероды, Л. Зиновьевой-Аннибалъ и др. Обложка и нѣск. украшенія Н. Θεофилактова. М. 1905. Ц. 3 р.

Сѣверные цвѣты на 1911 годъ. Содержаніе: „Забытый сокровища“, очеркъ К. Бальмонта. „Голландка Лиза“, комедія М. Кузмина. „Ночь Павловымъ питомъ“, рассказъ Б. Садовскаго. „Аполлонъ и мышъ“, статья М. Волошина. „Шумъ смерти“, рассказъ З. Гиппиусъ. „Подземное жилище“, поэма Валерія Брюсова. „Семь земныхъ соблазновъ“, главы изъ романа Валерія Брюсова, стихи З. Гиппиусъ, Ю. Балтрушайтиса, П. Гумилева, Д. Навашина, Валерія Брюсова. Обложка К. Сомова. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

У. АЛЬБОМЪ.

Н. Θεофилактовъ. 66 рисунковъ (неполненныхъ фототипіей, одноцвѣтной и многоцвѣтной автотипіей). М. 1908. Ц. 3 р.

VII. МУЗЫКА.

Куранты Любви. Слова и музыка М. Кузмина. 30 стр. текста + 70 стр. нотъ. Восемь рисунковъ (во всю страницу) С. Судейкина и П. Теофилактова (фототипии и литографин). М. 1910. Ц. 3 р.

VIII. „ВѢСЫ“.

Ежемесячникъ искусства и литературы. Шесть лѣтъ изданія (1904—1909). 72 №№, свыше 7000 страницъ текста большого формата съ рисунками (черными и въ краскахъ), заставками и концовками извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Въ „Вѣсахъ“ напечатаны стихи, повѣсти, рассказы, драмы, статьи, письма, воспоминанія русскихъ и иностранныхъ писателей: Ренэ Аркоса, С. Ауслендера, Ю. Балтрушайтиса, К. Д. Бальмонта, Е. Баратынского, О. Бердетта, А. Блока, Валерія Брюсова, Андрея Бѣлаго, М. Волошина, Эмиля Верхарна, З. Гиппиусъ, Ренэ Гила, Ж. де Гурмона, С. Городецкого, В. Гофмана, Н. Гумилева, Н. Грабаря, В. Жуквскаго, Вяч. Иванова, В. Каллаша, М. Кальвокересси, Антона Крайнего, А. Кондратьева, М. Кузмина, П. Лернера, М. Линкярдуполо, Д. Мережковского, В. Морфила, Н. Минскаго, Дж. Папини, С. Полякова, А. С. Пушкина, Ст. Шшибмшевскаго, А. Ремизова, В. Розанова, Р. Росса, П. Рукавишниковъ, Б. Садовскаго, Вяч. Соловьева, С. Соловьева, Ф. Сологуба, Е. Тарасова, гр. А. И. Толстого, Оскара Уайльда, К. Чуковского, Г. Чулкова, Эллиса, П. Эттингера и мн. др. Въ „Вѣсахъ“, воспроизведены (въ одну и нѣсколько красокъ), картины, рисунки, заставки и концовки слѣдующихъ художниковъ: А. Арапова, Л. Бакета, В. Борисова-Мусатова, М. Врубеля, В. Дриттенрейса, О. Гилла, К. Вальзера, А. де Каролисъ, Р. Костетти, Фр. Кристофа, Н. Крымова, М. Ларионова, И. Левитана, Марла Кузнецова, А. Мартини, В. Миліоти, Л. Пастернака, О. Радона, Н. Рериха, Т. ванъ Риссельберга, А. Рувейра, И. Санунова, К. Сомова, Т. Стерждъ-Мура, С. Судейкина, М. Шестеркина, Фидуса, К. Юона, Г. Якулова, Н. Теофилактова и мн. др.

Значительная часть матеріала, обнародованнаго въ „Вѣсахъ“, нигдѣ не перепечатана.

Цѣна полнаго комплекта „Вѣсовъ“ за всѣ шесть лѣтъ изданія — 40 руб. безъ пересылки. Отдѣльные годовые комплекты: 1904, 1905 и 1906 — по 6 руб. безъ пересылки, 1908, 1909 — по 7 руб. безъ пере-

сылки. Комплектъ за 1904, 1905, 1906, 1908 и 1909 гг. (безъ 1907 г.) — 27 руб., безъ пересылки; 1907 г. отдѣльно не продается. Пересылка по дѣйствительной стоимости. Издательство сохраняетъ за собою право повысить указанныя цѣны по мѣрѣ израсходованія комплектовъ.

Всѣ, выписывающіе непосредственно изъ склада, пользуются пересылкой за счетъ книгоиздательства, за исключеніемъ тѣхъ изданій, на которыя цѣна понижена и 2-й части „Cor Ardens“ Вячеслава Иванова, получаемой по талону. Деньги, причитающіяся за заказываемыя изданія, просятъ высылать впередъ—при заказѣ. При выискѣ наложеннымъ платежомъ расходы по наложенію платежа принимаютъ на себя гг. заказчики.

Адресъ конторы книгоиздательства „Скорпіонъ“: Москва, Театральная пл., д. Метрополь, нв. 23 (телефонъ 50-89). Изданія к-ва „Скорпіонъ“ можно также получать въ книжномъ складѣ „Комиссіонеръ“, Петербургъ, Садовая, 18.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

«МУСАГЕТЪ».

Москва, Пречистенскій бульв.,
д. 31, кв. 9.

- Андрей Бѣлый. Символизмъ. Книга статей. М. 1910. Ц. 3 р.
Андрей Бѣлый. Арабески. Книга статей. М. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
Андрей Бѣлый. Трагедія творчества. (Достоевскій и Толстой).
М. 1912. Ц. 40 к.
Вячеславъ Ивановъ. Эллинская религія страдающаго
Бога. Опытъ религіозно-исторической характеристики. (Пе-
чатается).
Вячеславъ Ивановъ. Борозды и межн. Вторая книга статей. (Гото-
вится).
Вольфингъ. Модернизмъ и музыка. Книга статей. М. 1911.
Ц. 2 р.
Элиасъ. Русскіе символисты. М. 1910. Ц. 2 р.
Борисъ Садовской. Русская Камена. Книга статей. М. 1910.
Ц. 1 р. 50 к.
С. Дурьяминъ. Рихардъ Вагнеръ и Россія. М. 1913.
Асонардо да Винчи. Трактатъ о живописи. Переводъ и всту-
пительная статья М. С. Сергѣева. (Готовится).
Гете. Театральное призваніе Вильгельма Мейстера
(Wilhelm Meisters Teatralische Sendung). Переводъ первоначаль-
ной редакціи романа „Ученическіе годы Вильгельма Мей-
стера“, найденной въ 1910 году въ рукописяхъ Шульцгеса.
Предисловіе перваго издателя Гарри Мейнка. Приложение:
I. Сводъ отзывовъ Гете о своемъ романѣ. II. Выдержки изъ
писемъ Шиллера о „Вильгельмѣ Мейстерѣ“. (Готовится).
Адольфъ Гильдебрантъ. Проблема формы въ изобразитель-
ныхъ искусствахъ. Переводъ подъ ред. Г. А. Рачин-
скаго. (Печатается).
Хаустонъ Стюартъ Чемберленъ. Арійское міросозерцаніе. Переводъ съ
нѣмецкаго О. К. Смицовой. М. 1913. Ц. 50 к.
Жозефъ Орсье. Агринна Неттесгеймскій. Критико-біографи-
ческій очеркъ. Переводъ подъ редакціей и съ примѣчаніями
Валерія Брюсова. М. 1913. Ц. 75 к.

- Павлинъ изъ Пелы. Евхаристиконъ Богу. Автобіографія неудачника V вѣка. Переводъ въ стихахъ размѣромъ подлинника Валерія Брюсова. (Готовится.)
- Провансальскіе лирики XII и XIII вѣковъ. Переводъ Н. П. Киселева. Т. I. Переводы. Т. II. Комментаріи. (Готовится.)
- Иполитъ Тэнь. Наполеонъ Бонапартъ. Переводъ О. К. Сицовой. Съ портретомъ. М. 1912. Ц. 80 к.
- Фридрихъ Шлегель. Люцинда. Съ приложеніемъ писемъ Шлефермахера. Переводъ и вступительная статья Э. А. Степнуна (Готовится).
- Пауль Дейссенъ. Веданта и Платонъ въ свѣтъ Кантовой философіи. Пер. Мих. Сизова. М. 1911. Ц. 49 к.
- Шарль Бодляръ. Стихотворенія въ прозѣ. Переводъ Эллиса. М. 1910. Ц. 1 р.
- Антологія. Книга стиховъ. Москва. 1911. Ц. 2 р.
- Александръ Блокъ. Собраніе стихотвореній въ трехъ книгахъ.
Книга первая. Стихи о Прекрасной Дамѣ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. М. 1911. Ц. 2 р.
Книга вторая. Нечаянная Радость. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
Книга третья. Сивѣяная Ночь. Изданіе 2-е. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- Александръ Блокъ. Ночные Часы. Четвертый сборникъ стиховъ 1908—1910. М. 1911. Ц. 1 р.
- З. Н. Гиппюсъ. Собраніе стиховъ. Книга вторая. М. 1910. Ц. 1 р.
- Сергій Соловьевъ. Апрель. Книга стиховъ. М. 1910. Ц. 2 р.
- Сергій Соловьевъ. Цвѣтникъ царевны. Третья книга стиховъ. М. 1913. Ц. 1 р. 25 к.
- Элиасъ. Stigmata. Книга стиховъ. М. 1911. Ц. 2 р.
- „Логосъ“. Русское изданіе международнаго ежегодника по философіи культуры. 1910 г. Книга первая. М. 1910. Ц. 2 р.
- „Логосъ“. Книга вторая. М. 1910. Ц. 2 р.
- „Логосъ“ 1911 г. Книга первая. М. 1911. Ц. 2 руб.
- „Логосъ“ 1911—12 г. Книга вторая и третья. Ц. 2 р. 50 к.
- „Логосъ“. Книга первая и вторая 1912—13 г. Ц. 2 р. 50 к.

Изданія «Орфей».

- Яковъ Беме. Аигога или Утренняя Заря въ восхожденіи. Переводъ Алексѣя Петровскаго. (Печатается).
- Гимны Орфея. Переводъ Владиміра Нилсндера (Готовится).

- Гераниль Ефессий. Фрагменты. Переводъ Владимира Ниландера
М. 1910. Ц. 1 р.
- Рэйсбрунь Удивительный. О дѣяніи духовнаго брака. Вступительная статья Мориса Матерлинка. Переводъ Михаила Спирова. М. 1910. Ц. 2 р.
- Рихардъ Вагнеръ. Парсифаль. Переводъ Эллиса (Готовителя).
- Мейстеръ Эккартъ. Проповѣди. Переводъ М. В. Сибашниковой.
М. 1912. Ц. 3 р.
- Цвѣточки Святого Франциска Ассизскаго. Пер. А. П. Печковского. Вступительная статья С. П. Дурыллина. М. 1913
Ц. 75 к.

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

Balmont, en Centre Emphique

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОВЪ

^{7.2}
ТОМЪ ВТОРОЙ =====

ГОРЯЩАЯ ЗДАНИЯ =====

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПИОНЪ“ 1914 =====

OCT 13 1972

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

FG	Bal'mont, Konstantin
3453	Dmitrievich
B2	Polnoe sobranie stikhov
1914a	
t.1	

